Казахский национальный педагогический университет имени Абая

АТЕМБАЕВА ГУЛЬНАРА АЙДАШЕВНА

«Казахстанский текст» как художественный феномен и методика его изучения

8D01702 – Русский язык и литература

Диссертация на соискание степени
доктора философии (PhD)

Научные консультанты
доктор филологических наук,
профессор КазНПУ им. Абая
Абишева С.Д.

Зарубежный консультант
доктор филологических наук,
профессор НИУ ВШЭ
Казарцев Е.В.
г. Москва (Россия)

Республика Казахстан,
Алматы, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

	НОРМАТИВНЫЕ ССЫЛКИ	
	ОПРЕДЕЛЕНИЯ	
	ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ	
	ВВЕДЕНИЕ	**8**
1	**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ «КАЗАХСТАНСКОГО ТЕКСТА» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**	**17**
1.1	Принципы анализа образа страны в современном культурном пространстве	17
1.2	Типологическая модель исследования «казахстанского текста» в современной литературе	28
	Выводы по первому разделу	40
2	**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ «КАЗАХСТАНСКОГО ТЕКСТА» В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, СОЗДАННЫХ ЗА ПРЕДЕЛАМИ КАЗАХСТАНА**	**42**
2.1	Поэтический корпус «казахстанского текста»	42
2.1.1	Имагологические особенности отражения «казахстанского текста» в поэзии П. Васильева	42
2.1.2	Репрезентация казахстанского текста в поэзии Л. Щеглова	49
2.1.3	«Казахстанский текст» В.В. Савельевой и И.В. Лебедевой	52
2.2	Прозаический корпус «казахстанского текста»	55
2.2.1	«Казахстанский текст» в прозе Е. Зейферт: поэтика повести «Плавильная лодочка»	55
2.2.2	Особенности художественной репрезентации «казахстанского текста» в прозе С. Фельде	71
2.2.3	Образы и мотивы «казахстанского текста» в книге «Там, в Казахстане» В. Гоголадзе	79
2.3	Современная интернет-литература как пространство распространения текстов, репрезентирующих образ Казахстана	85
	Выводы по второму разделу	94
3	**ФОРМИРОВАНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ «КАЗАХСТАНСКОГО ТЕКСТА» В МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**	**95**
3.1	Методологические условия разработки модели формирования исследовательской компетенции при изучении «казахстанского текста»	95
3.2	Предварительное анкетирование бакалавриата на констатирующем этапе	101
3.3	Формирующий этап экспериментальной работы	109
3.4	Контрольный этап педагогического эксперимента	120
	Выводы по третьему разделу	126

ЗАКЛЮЧЕНИЕ **127**
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ **129**
ПРИЛОЖЕНИЕ А Сводные таблицы результатов опроса **139**
ПРИЛОЖЕНИЕ Б Силлабус «Образ Казахстана в современной мировой литературе» **143**
ПРИЛОЖЕНИЕ В Акты внедрения результатов НМД **160**

НОРМАТИВНЫЕ ССЫЛКИ

В настоящей диссертации имеются ссылки на следующие документы:

Послание Президента Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 1 сентября 2021 года.

Государственный общеобязательный стандарт высшего образования Республики Казахстан, утверждённый приказом Министра науки и высшего образования Республики Казахстан от 20 июля 2022 года № 2 (с изменениями и дополнениями).

Закон «Об образовании» Республики Казахстан от 27 июля 2007 года № 319-III (с изменениями и дополнениями по состоянию на 6 сентября 2026 года).

Национальный проект «Качественное образование «Образованная нация» (2021 – 2025 годы).

Типовая учебная программа по учебному предмету „Русская литература“ для 10–11 классов естественно-математического направления уровня общего среднего образования (с русским языком обучения), утверждённая приказом Министра просвещения Республики Казахстан от 16 сентября 2022 года № 399 (приложение 82).

Постановление Правительства РК от 28 марта 2023 года №248 «Об утверждении Концепции развития высшего образования и науки в Республике Казахстан на 2023-2029 годы». https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P2300000248

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

В настоящей диссертации применяются следующие термины с соответствующими определениями:

Архетип – прообраз, образец, априорные схемы, на базе которых формируются основные психические структуры, переживания, события жизни человека. В аналитической психологии – универсальные изначальные врожденные психические структуры, составляющие содержание коллективного бессознательного, распознаваемые в нашем опыте и обнаруживаемые, как правило, в образах и мотивах сновидений.

Жанр – общее понятие, отражающее наиболее существенные свойства и связи явлений мира искусства, совокупность формальных и содержательных особенностей произведения.

Зооморфный код – совокупность представлений о животном мире, дополняющая их природные свойства функционально значимыми для культуры смыслами

Идентичность – тождественность, одинаковость, совпадение чего-либо с чем-либо; в социально-гуманитарной сфере – осознание человеком самого себя посредством набора устойчивых характеристик.

Казахский текст – совокупность литературных произведений, созданных преимущественно на казахском языке этническими казахами, отражающих казахскую этнокультурную ментальность, традиционные образы, язык и историко-культурное наследие.

Казахстанский текст – совокупность художественных произведений и их элементов, репрезентирующих Казахстан в зарубежном культурном пространстве посредством исторических, географических, культурных, этнографических, языковых и иных национально маркированных компонентов**.**

Образ Казахстана – внешняя или внутренняя репрезентация страны, которая может быть частичной, стереотипной, субъективной; она формируется на основе визуальных, лексических, нарративных кодов и не всегда предполагает глубокое погружение в культуру.

Культура – комплекс общественных норм, ценностей, обычаев, традиций, искусства, языка, религии, технологий и других элементов, которые передаются из поколения в поколение.

Культурема – вербально закреплённый культурный смысл, единица национально-культурной информации, реализующаяся в тексте через топонимы, реалии, обычаи, гастрономические коды, символы.

Ландшафт – конкретная территория, однородная по своему происхождению, истории развития и неделимая по зональным и азональным признакам.

Миф – сказание, предание; символический нарратив (повествование), служащее для носителя объяснением реальности; обычно (но не всегда) не имеет конкретного авторства, связан с традициями и с религиозными верованиями.

Модель – представление некоего объекта или явления в какой-либо форме, в том числе в мыслительном образе, в воображении, предназначенное для рассмотрения определённых аспектов изучаемого объекта или явления и позволяющее получить ответы на изучаемые вопросы.

Нация – исторически сложившаяся из различных племён и народностей общность людей, основанная на единстве территории, экономических связей, литературного языка, духовных и культурных особенностей, поведенческих стереотипов и бытового уклада.

Репрезентация – опосредованное, или «вторичное» (через подобие) представление в сознании человека образов (первообразов) материальных или идеальных объектов их свойств, отношений и процессов.

Символ – знак, символ, образ с переносным значением, предполагающий единство формы (внешнего вида символа) и содержания (смысла символа), закрепленный в традиции социально-культурный знак, передающий определённую информацию.

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

КазНПУ им. Абая	Казахский национальный педагогический университет им. Абая
МНВО РК	Министерство науки и высшего образования Республики Казахстан
ОП	образовательная программа
РК	Республика Казахстан

ВВЕДЕНИЕ

В Послании Президента Республики Казахстан Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана подчеркивается необходимость «эффективного использования исторического наследия и культурного потенциала страны» [1]. Глава государства также отмечает, что «перед казахстанским образованием и наукой стоит масштабная, неотложная задача – не просто поспевать за новыми веяниями, а быть на шаг впереди, генерировать тренды» [1]. Обозначенные стратегические ориентиры актуализируют исследования, направленные на осмысление национального культурного наследия, выявление механизмов его репрезентации в мировом художественном пространстве и разработку новых научных подходов к изучению культурной идентичности Казахстана.

В этой связи особую актуальность приобретает исследование «казахстанского текста» как формы художественной репрезентации Казахстана в мировой литературе. Несмотря на возрастающий интерес к проблемам национальной идентичности, межкультурной коммуникации и транснациональных литературных связей, феномен «казахстанского текста» до настоящего времени не получил комплексного литературоведческого осмысления. Отсутствуют исследования, в которых были бы систематизированы формы присутствия Казахстана в мировом художественном пространстве, выявлены механизмы формирования его художественного образа и определены закономерности функционирования казахстанских культурных кодов в литературе.

Под «казахстанским текстом» в настоящем исследовании понимается совокупность художественных произведений и их элементов, репрезентирующих Казахстан в зарубежном культурном пространстве посредством исторических, географических, культурных, этнографических, языковых и иных национально маркированных компонентов. Изучение «казахстанского текста» предполагает выявление, систематизацию и интерпретацию таких компонентов, что позволяет рассматривать их как целостную систему художественной репрезентации страны в мировом литературном процессе.

Актуальность исследования определяется необходимостью формирования теоретических оснований изучения «казахстанского текста» как самостоятельного объекта литературоведческого анализа. Комплексное исследование данного феномена позволит определить закономерности его возникновения и развития, установить способы репрезентации образа Казахстана в мировой литературе, выявить особенности функционирования казахстанских культурных кодов и определить место «казахстанского текста» в системе современных исследований локальных сверхтекстов и национальных текстов.

Литература традиционно рассматривается как отражение исторических, социальных и культурных процессов. Существенное влияние на развитие литературного процесса оказывают миграционные процессы, формирующие

новые пространства культурного взаимодействия и способствующие трансформации художественного сознания. История независимого Казахстана характеризуется масштабными миграционными процессами, оказавшими заметное влияние на отечественную литературу и расширение культурных связей страны. Именно в этих условиях складываются новые формы художественной репрезентации Казахстана, которые становятся важнейшими составляющими «казахстанского текста» и требуют комплексного научного исследования.

Степень изученности проблемы. В современной гуманитарной науке понятие «казахский текст» уже получило определённую теоретическую и исследовательскую разработку. «Казахский текст» литературы представляет собой сложное образование, становление которого происходило одновременно в территориальном и культурном измерениях. Его формирование обусловлено пресечением географических и культурных пространств и непосредственным взаимодействием двух культур в ситуации трансграничного контакта. Поэтому исследование данного феномена предполагает обращение к принципам семиотики культуры, в центре внимания которой, согласно Ю. Лотману, находится «взаимодействие разноустроенных семиотических систем» [2, с.130].

Наряду с понятием «казахский текст» в современных исследованиях начинается формироваться и иной терминологический подход, связанный с использованием понятия «казахстанский культурный текст». В отличие от «казахского текста», уже имеющего определенную историю научного осмысления, категория «казахстанского текста» находится на начальном этапе теоретической разработки и пока не получила столь же системного и всестороннего изучения. Одной из попыток его концептуализации являются исследования Г.И. Власовой, определяющей «казахстанский культурный текст» как реализацию образа страны в системе образов, мотивов, хронотопов и аксиологических оценок [3, с. 248]. Исследователь рассматривает его также как феномен цивилизационно-культурного пограничья, специфика которого обусловлена положением Казахстана в евразийском пространстве.

Таким образом, понятие «казахский текст» и «казахстанский текст» характеризуются различной степенью научной разработанности. Понятие «казахстанский текст» сравнительно недавно вошло в научный оборот и в настоящее время находится на этапе теоретического и методологического становления. Несмотря на наличие отдельных исследований, в которых предпринимаются попытки его концептуализации, до настоящего времени не сложилось целостного представления о содержательных границах, структурных компонентах и принципах формирования «казахстанского текста», не в полной мере определено и его соотношение с понятием «казахский текст». Недостаточная разработанность данной категории позволяет говорить о наличии исследовательской лакуны и обусловливает необходимость дальнейшего теоретического осмысления «казахстанского текста» как самостоятельного литературоведческого феномена.

Цель исследования: теоретическое обоснование, выявление и системный анализ «казахстанского текста» в художественных произведениях, созданных за пределами Казахстана, а также разработка и апробация методики его изучения в процессе подготовки магистрантов-филологов.

Для достижения этой цели были сформулированы следующие исследовательские **задачи:**

1) изучить теоретические источники по проблеме «казахстанского текста», разграничить термины «казахский текст» и «казахстанский текст»;

2) создать теоретическую модель «казахстанского текста»;

3) выявить элементы «казахстанского текста» в поэтических произведениях П. Васильева, Л. Щеглова, В. Савельевой, И. Лебедевой; в прозаических произведениях Е. Зейферт, С. Фельде и В. Гоголадзе;

4) разработать и апробировать модель формирования исследовательской компетенции магистрантов образовательной программы 7М01702 – «Русский язык и литература» через интерпретацию «казахстанского текста», интеграцию в обучение искусственного интеллекта и информационного сайта.

Материалы исследования. Исследование основано на анализе художественных произведений разных жанров (повести, рассказы, стихотворения, философские эссе и другие произведения), в которых присутствует образ Казахстана. В числе исследуемых писателей можно назвать П. Васильева, В. Киктенко, Л. Щеглова, Б. Кенжеева, А. В.В. Савельевой, И. Лебедевой, А. Шмидта, Е. Зейферт, С. Фельде, В. Гоголадзе, И. Серкебаевой и других авторов, часть из которых стала предметом монографического исследования, другие – обзорного.

Объектом исследования стал «казахстанский текст», представленный в печатной литературе и интернет-пространстве.

Предметом исследования являются особенности поэтики «казахстанского текста», формы его художественной репрезентации, а также методика его изучения при подготовке магистрантов по образовательной программе 7М01702 – «Русский язык и литература».

Методы исследования: структурно-семантический, семиотический, интертекстуальный, сравнительно-типологический. При организации педагогического эксперимента были использованы моделирование, анкетирование, математико-статистические методы.

Методическую и теоретическую основу составили труды по следующим направлениям: имагология и структурно-семантическое литературоведение, в том числе теория локального текста.

Методологической базой исследования послужили работы в области: казахстанской литературы и образа Казахстана в мире (В.В. Бадиков [4], С.В. Ананьева [5], Б.У. Джолдасбекова [6], М.А. Костина [7] и др.); «сверхтекста» (Д.М. Магомедова [8], Н.Д. Тамарченко [9], Н.Е. Меднис [10]), специфического городского текста (Д.А. Чугунов [11], В.Н. Топоров [12] и др.), в том числе «алматинского текста» (З.А. Баянбаева [13], Е. Шмакова[14], Г.И. Власова [15]); интермедиальности (В.О. Чуканцова [16], О.И. Савиных [17] и др.); национальных текстов (В.В. Орехов [18] и др.); семиотики (Ю.М.

Лотман и др. [19]); национальных картин мира (Г.Д. Гачев [20], М. Тимофеев [21], М.К. Попова [22] и др.); имагологии (Е.В. Папилова [23], В.Н. Козулин [24], В.В. Барабаш, Г.А. Бордюгов, Е.А. Котеленец [25] О.Ю. Поляков [26], В. А. Хорев [27] и др.); проблемам казахстанской культуры, (Е.Т. Джелбулдин [28] и др.); взаимодействия литератур (Н.О. Джуанышбеков [29] и др.); метафорической репрезентации образа Казахстана (Б.Г. Смагулова, Ш.К. Жаркынбекова [30], (Е. Абдувалитов [31]), евразийского контекста в произведениях казахстанских авторов (С.А. Каскабасов [32], С.В. Ананьева [33]).

Особое место в теоретическом фундаменте исследования заняла научная проблема казахстанского текста как «текста страны» [34, с.85]. Так, исследователи П.В. Алексеев и Д.Н. Дюсекенев [35, с.143] рассмотрели воплощение образа Казахстана в творчестве М. Пришвина, определили культурные и биографические составляющие интереса писателя к казахам. Непосредственно о казахстанском тексте как феномене пишет и Г.И. Власова [34, с. 80], которая исследует особенности воплощения регионального текста на примере русскоязычной прозы Казахстана. Казахстанский текст определяется ею как «реализация страны в образах, мотивах, хронотопах и аксиологических оценках» [34, с.85]. Она обращает внимание на зависимость этого культурного явления от локации на территории Казахстана. Г.И. Власова выделяет составляющие культурного текста – биографический контекст, тип творческой личности и др. Также на сегодняшний день разработан алгоритм анализа казахстанского текста Л.И. Абдуллиной [36, с. 32], которая, вводя понятие «литературного ландшафта», рассматривает локальное пространство – Восточно-Казахстанский текст.

Научная новизна. В диссертации впервые системно исследована репрезентация «казахстанского текста» в литературе: дается теоретическое обоснование, классификация художественных произведений, содержащих «казахстанский текст», предлагается модель «казахстанского текста», а также прослеживается динамика перехода от традиционного текста к интернет-литературе в Казахстане. Также разработана и апробирована модель формирования исследовательской компетенции магистрантов через интерпретацию «казахстанского текста», возможности интеграции искусственного интеллекта и использование информационного сайта в обучение.

Теоретическое значение исследования заключается в расширении тезауруса литературоведения через включение в него термина «казахстанский текст» и внедрение модели «казахстанского текста».

Практическая ценность исследования определяется возможностью применения полученных результатов в образовательном процессе организаций различных уровней. Материалы и выводы исследования могут быть использованы при разработке учебных и учебно-методический пособий, методический рекомендаций, рабочих учебных программ, а также при подготовке и проведении лекционных и практических занятий по литературоведческим дисциплинам. Результаты работы могут представлять

интерес для преподавателей, исследователей, магистрантов и студентов филологических образовательных программ, обращающихся к проблемам изучения казахстанской литературы и феномена «казахстанского текста».

Основные положения, выносимые на защиту:

Положения, выносимые на защиту:

1. «Казахстанский текст» представляет собой особое поликультурное сверхтекстовое образование, возникающее на основе художественной репрезентации Казахстана как единого географического, исторического, социокультурного и аксиологического пространства. Понятия «казахский текст» и «казахстанский текст» вступают в гиперо-гипонимические отношения. «Казахский текст» репрезентирует казахский этнокультурный мир, тогда как «казахстанский текст» характеризуется поликультурностью и отражает взаимодействие различных этнических, языковых и культурных традиций. «Казахстанский текст» можно представить в виде модели, включающей типологический, структурно-семиотический, аналитический уровни.

2. Модель «казахстанского текста» включает три взаимосвязанных уровня: типологический, определяющий позицию автора по отношению к Казахстану; структурно-семиотический, раскрывающий систему культурных кодов; аналитический, задающий последовательность интерпретации художественного произведения. Системообразующим ядром модели является образ Казахстана.

3. В творчестве П. Васильева, Л. Щеглова, В. Савельевой, И. Лебедевой, С. Фельде, Е. Зейферт и В. Гоголадзе образ Казахстана формируется посредством взаимосвязанной системы пространственно-географических, историко-культурных, этнокультурных, антропологических, языковых и аксиологических знаков, образующих единое семантическое поле «казахстанского текста».

4. Системно организованное изучение «казахстанского текста» способствует формированию исследовательской компетенции магистрантов образовательной программы 7М01702 – «Русский язык и литература». Интеграция искусственного интеллекта в процесс подготовки магистрантов в рамках образовательной программы 7М01702 – «Русский язык и литература» расширяет возможности поиска, систематизации и первичного анализа текстового материала при условии обязательной научной верификации и исследовательской интерпретации полученных результатов.

Апробация результатов исследования.

Результаты исследования были опубликованы: 2 статьи в базе SCOPUS; 3 статьи в журналах, рекомендованных КОКСНВО МНВО РК; 3 статьи в зарубежных журналах; 2 статьи в сборниках международных конференций; 9 статей в изданиях научно-практических конференций ближнего и дальнего зарубежья; 3 статьи в казахстанских журналах; 1 авторское свидетельство; 1 элективный курс для магистрантов; 1 элективный курс для учащихся 10-11 классов; 1 монография; 1 сборник методических рекомендаций для

составителей ГОСО и ТУП по предмету «Мировая литература»; сайт http://kazakhrepresent.com/; участие в научном проекте грантового финансирования КН МНВО РК.

1. Representation of Hybrid Identity in the “Kazakhstani Text” of the Novella “The Smelting Boat” by E. Zejfert. Forum for Linguistic Studies, Volume 07, Issue 07, July 2025, 221-235p. DOI: https://doi.org/10.30564/fls.v7i7.10031 (SCOPUS). Вклад докторанта – 75% (Соавторы: M. Khavaidarova, S. Abisheva, A. Junissova, M. Moldagali, S. Serikova – 25%).

2. Teachers’ views on the methodology of teaching Internet literature. Scopus. Cypriot Journal of Educational Sciences Volume 17, Issue 8, (2022) 2946-2959 p. DOI: https://doi.org/10.18844/cjes.v17i8.7911. (SCOPUS). Вклад докторанта 60% (Соавторы: A. Nurbayeva, S. Serikova, L. Bugenova, , F. Smailova., A. Baibolov– 40%).

3. Imagological images of Kazakhstan in foreign literature. НАО «Павлодарский педагогический университет имени А. Маргулана», «Язык и литература: теория и практика» № 3, Том 4, 2025. Стр. 9-18. DOI: https://yazlit.ppu.edu.kz/index.php/new/issue/view/14. (КОКСНВО МНВО РК). Вклад докторанта – 90% (Соавтор: Сабирова Д.А. – 10%).

4. Классификация форм выражения трансмедиальной и художественной репрезентации Казахстана в мире. «Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова», научный журнал «Керуен» №1, 86-том, 2025. Стр. 17-29. DOI: https://doi.org/10.53871/2078-8134.2025.1-01. (КОКСНВО МНВО РК). Вклад докторанта – 80% (Соавторы: Абишева С.Д., Сабирова Д.А. – 20%).

5. Формирование исследовательской компетенции будущих учителей-филологов через интерпретацию «казахстанского текста». Журнал «Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана», серия «Педагогические науки» №4, Том 79, 2025. Стр.47-64 DOI: https://doi.org/10.48371/PEDS.2025.79.4. (КОКСНВО МНВО РК). Вклад докторанта – 80% (Соавторы: Абишева С.Д., Хавайдарова М.М. – 20%).

6. Study of transmedial and artistic representation of the image of Kazakhstan in modern scientific literature. International Conference on Multidisciplinary Studies and Education. SEEJPH Volume XXVI, S2, 2025, ISSN: 2197-5248; Posted:03-02-2025. 265-272p. https://www.seejph.com/index.php/seejph/article/view/4292/2835. Вклад докторанта – 80% (Соавторы: S. Serikova. Baibolov A. – 20%).

7. Internet literature in Kazakhstan: development and trends. Scientific culture, vol. 12, no.2.1, (2026), pp.11194-11204. DOI: https://scicult.net/index.php/cult/article/view/4890/3661. Вклад докторанта – 80% (Соавторы: M. Moldagali, M. Assylbekova, R. Moldagaliyeva – 20%).

8. Methodology of analysis of modern literature of Kazakhstan International Journal of Special Education, 2026, 41(22s), 733–740. Retrieved from https://internationalsped.com/index.php/ijse/article/view/6524 Вклад докторанта – 60%. (Соавторы: M. Khavaidarova, S. Abisheva, M. Moldagali, D. Polyak, S. Serikova – 40%)

9. The Kazakh Text as a Cultural Supertext. Journal of Cultural Analysis and Social Change, 2026, 11(1), 1748-1753. ISSN: 2589-1316.

DOI: https://doi.org/10.64753/jcasc.v11i1.4175. Вклад докторанта – 60%. (Соавторы: S. Abisheva, M.Khavaidarova, S. Serikova, A. Baibolov – 40%).

10. Текст как основная единица формирования навыков коммуникативного общения в профессиональной деятельности. Международная научно-практическая конференция Нургалиевские чтения – XII: научное сообщество ученых XXI столетия. Астана, 2023. Стр. 211-214. Вклад докторанта – 90% (Соавторы: Каскабасова Х.С. – 10%).

11. Использование художественного текста в обучении русскому языку и литературе в школе. Проблемы поэтики и стиховедения: Материалы X Международной научно-теоретической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения ветерана Великой Отечественной войны, писателя, ученого, педагога Адибаева Хасена Адибаевича (23-25 мая 2024 г.). – Алматы: «Ұлағат», КазНПУ им. Абая, 2024. Стр.319-322. Вклад докторанта – 100%.

12. Интеграция уроков русского языка и литературы в современной школе. Международная научно-практическая конференция Нургалиевские чтения – XIII: научное сообщество молодых ученых XXI столетия. 14-15 марта 2024 г. Стр. 99-104. Вклад докторанта – 100%.

13. Восточные мотивы в произведениях М. Симашко. III Международные чтения, посвященные творчеству народного писателя Казахстана, лауреата Президентской премии Мира и духовного согласия, литературных премий имени Абая и Беимбета Майлина, вицепрезидента Международного ПЕН клуба. Прозаика, сценариста, драматурга, переводчика Мориса Симашко. Алматы, 2023г. Стр. 43-46. Вклад докторанта – 100%.

14. Эмигрантская книга-исповедь Юрия Герта «Эллины и иудеи. Международная научная конференции, посвященной творчеству Юрия Герта. Алматы, 2024. Стр. 401-404. Вклад докторанта – 100%.

15. Перекличка голосов: Давид Самойлов и Руфь Тамарина. Современная казахстанская проза: ведущие тенденции, новые имена, перспективы изучения. Материалы Международной научно-практической конференции. Алматы, КазНУ им. аль-Фараби, 2025 г., стр.99-104. ISBN 978-601-311-337-1.

Вклад докторанта – 90%.(Соавторы: Хавайдарова М.М. – 10%).

16. Имагологические особенности отражения «казахстанского текста» в поэзии П. Васильева. Язык как способ познания мира: традиции и инновации. Сборник научных статей, посвященный 70-летию доктора филологических наук, профессора М.Ш. Мусатаевой. Издательство Дарын, 2025 г., стр.273-278. ISBN 978-601-382-246-4. Вклад докторанта – 100%.

17. Эмигрантская книга Александра Шмидта. Wschod-Zachod. Wplywy, Uniwersytet Pomorski. Slupsk 2024/ ISBN 978-83-7467-409-6. 41-46p. Вклад докторанта – 100%.

18. Репрезентация казахстанского текста в поэзии Льва Щеглова. Polilog. Studia Neofilologiczne. № 16, 2026. ss.17-26. ISSN 2083-5485. https://doi.org/10.34858/polilog.15.2026.459.Вклад докторанта 90%. (Соавторы: Хавайдарова М.М. – 10%).

19. Особенности этнокультурного компонента в преподавании русского языка в ВУЗе. Вестник КазНПУ им. Абая, серия «филологические науки», №

2 (84), 2023 г. Стр. 66-70. DOI: https://doi.org/10.51889/2959-5657.2023.84.2.010. Вклад докторанта – 100%.

20. Образ Казахстана в художественной литературе. Вестник КазНПУ им. Абая, серия «Филологические науки», том 4 № 90 (2024). Стр. 46-53. DOI: https://doi.org/10.51889/2959-5657.2024.90.4.005. Вклад докторанта – 80%.(Соавторы: Абишева С.Д., Хавайдарова М.М. – 20%).

21. Интеграция современных цифровых технологий в системе языкового образования. Вестник КазНПУ имени Абая, Филологическая серия, №3, 2025г., стр 123-128. https://surl.li/hgkfju. Вклад докторанта – 80%.(Соавторы: Есетова А.Т., Бекбаева Д.Р. – 20%).

22. Методика обучения русскому языку и литературе в диалоге культур. «Филологическая наука в современном образовательном пространстве: традиции и инновации», посвященная 70-летию известного ученого-литературоведа, доктора филологических наук, профессора Балтабая Әбдіғазіұлы: материалы Международной научно-практической конференции. Алматы, 2022г. Стр. 59-63. Вклад докторанта – 100%.

23. Методические рекомендации для составителей ГОСО и ТУП по предмету «Мировая литература». Алматы:КазНПУ имени Абая, 2025, – 84 с. ISBN 978-601-353-390-2. Вклад докторанта – 60%.(Соавторы: Абишева С.Д., Сабирова Д.А., Хавайдарова М.М., Молдагали М.Б. – 40%).

24. Элективный курс «Образ Казахстана в современной мировой литературе» для магистрантов 2 курса. Вклад докторанта – 100%.

25. Элективный курс «Образ Казахстана в мировой литературе» для учащихся 10 -11 классов. Свидетельство № 669. 05.12.2025 г. Вклад докторанта – 100%.

26. Свидетельство о регистрации доменного имени на сайт http://kazakhrepresent.com/ ТОО «Интернет-компания PS. Вклад докторанта – 100%.

27. Монография «Методология и практика исследования в области трансмедиальной и художественной репрезентации образа Казахстана в современной мировой культуре». Алматы: Ұлағат, 2026. – 256 с. ISBN 978-601-353-454-1. Вклад докторанта – 50%.((Соавторы: Абишева С.Д., Сабирова Д.А., Хавайдарова М.М., Молдагали М.Б., Серикова С.К., Байболов А.У. – 50%).

Проект КН МНВО РК:

AP23489915 – «Трансмедиальная и художественная репрезентация образа Казахстана в современной мировой культуре», 2024-2026 гг., (Абишева С.Д., Хавайдарова М.М., Сабирова Д.А., Серикова С.К., Атембаева Г.А., Молдагали М.Б.,Байболов А.У.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех разделов, заключения, списка использованных источников, 12 рисунков, 21 таблица и 2 приложения. Основной текст диссертации составляет 142 страницы. Список использованной литературы в количестве 140 источников.

Во Введении определена актуальность исследования докторской диссертации ««Казахстанский текст» как художественный феномен и

методика его изучения». Сформированы цели, задачи, объект и предмет исследования, методы исследования, новизна, теоретическая и практическая значимость, освещаются этапы и апробация работы.

В первом разделе «Теоретические подходы к исследованию «казахстанского текста» в художественной литературе» представлен обзор литературы по теме исследования, проводится тематический анализ источников по научной проблеме и разрабатывается методология исследования.

Во втором разделе «Репрезентация «казахстанского текста» в художественных произведениях мировой литературы, созданных за пределами Казахстана» проведен анализ художественных произведений авторов «казахстанского текста».

В третьем разделе «Формирование исследовательской компетенции при изучении «казахстанского текста» в мировой литературе» описывается методика практического внедрения результатов исследования в педагогическую практику.

В заключении представлены выводы и результаты проведенного исследования.

1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ «КАЗАХСТАНСКОГО ТЕКСТА» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

1.1 Принципы анализа образа страны в современном культурном пространстве

Одним из перспективных направлений современных гуманитарных наук стало изучение образа страны с различных позиций, соотнесенных со следующими подходами: политическим - политико-психологическим, политико-культурным, политико-коммуникативным, пространственно-географическим [37, с. 43]; культурологическим, маркетингово-экономическим; СМИ-ориентированным; социологическим [38, с. 106] и др. Настоящее исследование находится на стыке культурологии и сравнительного литературоведения – в поле имагологии, под которым номинативно обозначается научное направление, изучающее стереотипический комплекс, представляющий ту или иную страну в различных сферах. Имагология как научное направление сложилось в конце XIX века, как предполагается, во Франции. Интенсивное развитие имагологии совпадает с XX веком. Здесь можно упомянуть такие имена, как А. Дима, который в рамках сравнительного литературоведения говорит о «синтетическом образе различных народов в той или иной литературе мира» [39, с.148]. Одним из заслуживающих внимание тезисов, выдвинутых А. Дима, становится положение об изменяемости и неисчерпаемости составляющих образа страны, несмотря на известную – и необходимую – стереотипичность этого представления. Хуго Дизеринк [40, с.30] отмечает прогрессивную роль имагологии в узнавании той или иной страны. Ценным представляется дифференциация рецепции и влияния, которые соотносятся друг с другом как коллективное – единичное. Ж.М. Мур [41. С. 185] выдвигает тезис об идеологическом или утопическом характере образа чужого в литературе. Направленные исследование образа страны в творчестве отдельного автора отмечают особенности авторского сознания при воссоздании модели «чужого». Ключевым для имагологии становится образ «чужого» как набор стереотипов различного характера, воплощающих национальную картину мира. Например, М. Швидерска [42, с.115] объясняет негативизм в представлении образа Польши Достоевским религиозной и идеологической позицией.

Проводя исторический экскурс в процесс зарождения образа страны на основе оппозиции «свой – «чужой», можно отметить уже первые в истории человечества представления в рамках данной дихотомии: от первобытного осознания племен себя как общности, отличной от окружающего природного мира, отмеченные Д. Гачевым [43, с.15], мифических представлениях о «чужих» и «своих», рожденного развитием теологических различий, формирования наций и народностей раннего фольклора, воплощающего представления об оригинальности отдельного народа до произведений национальных литератур.

И. Шеврель [44, с.7], обращаясь к основам сравнительного литературоведения, обозначает имагологию как часть компаративистики. На

сегодняшний день имагология позиционируется как отдельная область научных знаний. Учитывая междисциплинарный характер имагологии, на наш взгляд, есть основание обозначить исследования, связанные с поиском, характеристикой, систематизацией, а также возможной классификацией элементов в зависимости от целей и задач исследования. Если иметь ввиду это положение, можно выделить различные прикладные направления: литературоведческое, культурологическое, социологическое и др. типы имагологии. Об этом говорит и Е.В. Папилова: «В свете того, что имагология междисциплинарна, можно, по-видимому, говорить, например, об исторической имагологии… Образы «чужих», созданные в произведениях художественной литературы, позволяют говорить о «художественной имагологии» [23, с.32]. Здесь возникает момент научной полемики, который мы попытаемся изложить

Обращаясь к имагологической терминологии, можно отметить то, что база терминов здесь не является достаточно сформированной ввиду относительной новизны самой науки. Кроме самого термина «имагология», достаточно устоявшегося, к тезаурусу можно отнести понятия «имаготема», предложенный М. Швидерска, который вычленяет так называемые имагемы, в которые включает польских персонажей и элементы польской истории и культуры. Исследователь выделяет концептуализированное исследование, при котором автор обращает особе внимание на обрисовку характера героя.

Важный момент репрезентации образа страны, отмеченный исследователями, это стереотипы восприятия. В основе стереотипизирования, по утверждению Е.В. Папиловой, лежит «исторический опыт народа». Он, реализуемый в культурных особенностях, закрепленных в коллективной памяти народа, образует комплекс представлений о стране. При этом важным моментом становится характер стереотипизации. Важной задачей исследователя становится отход от примитивного представления о стране, стремление найти сложность и многообразие современной казахстанской культуры. Имагологическое литературоведение позволяет критически переосмыслить стереотипы, создающие образ страны, воссоздать комплекс элементов, его составляющих и транслирующих как традиционные, так и актуальные черты той или иной уникальной культуры. Если исследователи говорят о разных типах имагологии, то, с другой стороны, можно говорить и о разных направлениях литературоведения, связанных с изучением образа страны. Так внутри науки о литературе как самостоятельного исследовательского направления существуют литературоведческие научные области в зависимости от целей исследования, то есть имеет место быть именно литературоведение, но узкоспециальное, углубленное в той или иной сфере, к примеру, психоаналитическое литературоведения. С учетом этого можно обосновать наличие относительно нового направления литературоведения – имагологического литературоведения. Останавливаясь на этом положении, попробуем определить содержание термина «имагологическое литературоведение», под которым будем понимать область сравнительного литературоведения, изучающего образ страны как

стереотипического набора национальной картины мира. В данном случае, в отличие от языковой картины мира – и это необходимо подчеркнуть – имеется ввиду национальная картины мира мультисемантического содержания, охватывающая не только языковые, но и все культурные, литературные, социальные и другие составляющие национальной ментальности.

Имагологическое литературоведение (или в понимании Е.В. Папиловой литературоведческая имагология) рассматривает образ страны на материале литературных произведений, определяя рецепцию составляющих национальной картины мира, стереотипические составляющие которых явно или скрыто обнаруживаются в вербальном поле. Ключевым методологическим моментом, обосновывающим исследования в этой области, является бинарность «свой»- «чужой». Имагология тяготеет к созданию фундаментальных методологических основ репрезентации «чужого» в различных плоскостях. С.Б. Королева, опираясь на положения имагологии, исследует образы «чужого, другого (по этнической, культурной и языковой принадлежности), объективированных в литературных текстах» [45, с.19]. Особое значение для нее имеет стереотипизация: «стереотипы (национальные, этнические) – стандартные, устойчивые, малоподвижные представления об иной лингвокультуре (ином этносе) и ее носителях» [45, с.21].

Один из аспектов, синтетически созданных из бинарной оппозиции «свой» - «чужой» и научных подходов к анализу локальных текстов, становится мифопоэтический подход к интерпретации образа страны, стереотипизм составляющих которого позволяет говорить о городских мифах и мифе и – уже – архетипе – образа страны. Опираясь на классификацию архетипических признаков любого архетипического образования А.Ю. Большаковой [46, с.9], можно отобрать те из них, которые возможно соотнести с имагологическим анализом. Рассмотрим их подробнее. К ним отнесены: «типологическая повторяемость», «отвлеченность от конкретного материала», «матричная функция», первичность в отношении произведенных модификаций», «наследственность» [46, с.10]. Исследователь считает одной из основных структурных составляющих системы архетипов бинарную оппозиционность.

Изучение образа страны в художественной литературе в последние десятилетия реализуются в направлении как точечных публикаций, охватывающих теоретические основы имагологии, так и монографий, включающих исследования в творчестве различных авторов. Здесь можно выделить в качестве наиболее значимых имена Н.П. Михальской [47], А.С. Янушкевича [48], С.Б. Королевой [45], И.В. Фомина [49], П. Алексеева [50] и др. Ряд авторов, к примеру, А.Р. Ошепков [51], проводят разницу между компаративистикой и имиджелогией. При этом отмечается, что компаративистика изучает художественный и эстетический образ страны, а имагология в качестве ключевых использует термины идентичность/самоидентичность и определяет отношения между ними. Определяя понятие «ментальная модель», А.Р. Ошепков наделяет эту структуру функцией реализации идентичности (самоидентичности). Изучение

процессов взаимодействия различных культур с позиции имагологии находим также в трудах А.С. Янушкевича, отмечающего, что имагологический текст обладает «особыми ментальными смыслами» [48].

В статье И.В. Фомина «Образ государства: семиотическая модель» рассматриваемая нами проблема проецируется сквозь комплекс терминов, обозначающих государство в различных научных направлениях, причем для автора образ представляет собой иконический знак. Обращаясь к систематике Пирса, дифференцирующего первичность, вторичность и третичность модусов сущего, исследователь соотносит эту систему с триадой знак/икона/индекс. Изучая иконичность в образе государства, исследователь обращает внимание на то, что сами слова вне конвенциальных отношений не носят знаковый характер. То же касается и государственных символов, и карты государства. Последняя, с точки зрения И.В. Фомина, является «иконическим знаком территории государства» [49, с.54]. Важную для нас мысль находим в определении образа государства как метафоры: «Метафора связывает по иконическому принципу два знака: знак-источник (s) и знак-цель (t), имея их в роли своего знакового средства (Vm) и объекта (Om) соответственно» [49, с.56].

Целью настоящего исследования стало выявление составляющих образа Казахстана в литературе, созданной за пределами страны. Она коррелирует с концептуальными подходами к изучению образа Казахстана, которые мы находим в исследовании Н.С. Оразбаевой [52, с.22], определяющей в своей диссертационной работе генезис национальной самобытности Казахстана. Используя термины «инонациональное в литературоведении», «биментальность», исследователь проводит связи между диалогом как явлением социокультуры и появлением элементов чужой культуры в литературе, написанной за пределами территориальной концентрации носителей той или иной ментальности. Опираясь на методологию М.М. Бахтина, Н.С. Оразбаева выводит понятие диалога за рамки конкретного текста и опирается на данное ключевое понятие при анализе широких связей образов, идей, поскольку считает появление образа Казахстана в европейской литературе следствием «диалога культур». И здесь актуальным явлением становится кросс-культурность.

Используя термин «генезис» и тем самым подчеркивая особую направленность исследования – выявление истоков появления образа Казахстана в зарубежной литературе. Н.С. Оразбаева выделяет «тематологию» произведений, в рамках которых появляются элементы «чужого»: это отображение моментов взаимодействия народов/стран. Исследователь ставит во главу своей диссертационной работы размывание стереотипических образов-транслятов казахской ментальности.

Обращение к проблеме самоидентификации решается Н.С. Оразбаевой через анализ творчества Л. Мартынова, П. Васильева, В. Иванова. Исследователь отмечает в качестве образов самоидентификации автобиографию. Об этом же говорит и Л.Б. Караева: «Особая роль в формировании параметрической модели самоидентификации, включающей в

себя этнокультурную, конфессиональную, языковую, пространственную, темпоральную составляющие, принадлежит, в целом, литературе и, прежде всего, автобиографическому нарративу, …на первый план в области наук о духе выдвигается автобиография, по определению, и, по сути, являющаяся актом самоидентификации» [53, с.123].

Анализируя творчество упомянутых выше трех поэтов, Н.С. Оразбаева отмечает оригинальность художественного воплощения образа казахов (мужчин и женщин), казахский топос, адаптацию казахского слова в русском тексте, образы природы. Методологической основой анализа образов природы становится в исследовании Н.С. Оразбаевой натурфилософия, а природо- и антропоморфизм рассматриваются как способы «отождествления природы и национального характера» [52, с.69].

Образ Казахстана сквозь призму русской литературы находим в исследованиях Ш.К. Сатпаевой [54], К.Ш. Кереевой-Канафиевой [55] (использование русскими авторами средств художественной выразительности казахского фольклора), М.О. Ауэзова [56] (взаимосвязь творчества Ч. Валиханове и Ф.М. Достоевского), М.И. Фетисова [57], С.С. Царегородцевой [58] (евразийство в русской литературе), Ф.С. Эфендиева [59] (связь национального сознания и литературы), Г.С. Умаровой [60] (связь творчества В. Даля и казахское национально самосознание), О.Е. Сухих [61] (репрезентация образа кочевника в русской общественно-политической литературе через рецепцию «нецивилизованности», «дикости»), М.Х. Мадановой [62] (взаимная связь между Западом и Востоком как процесс самоотождествления через другой объект, то есть непосредственно через сравнение), Л.Н. Сарбаш [63, с 91] (инонациональное в русской литературе) и др.

Истоки исследований образа страны в художественной литературе также отсылают к рассмотрению локальных текстов, имеющих давние научные традиции в литературоведении. В.И. Габдулина и Д.Н. Дюсекенев [64, с 131] изучают «казахский текст» как объект трансграничности. Находясь в поле имагологии, исследователи отмечают, что разработка проблемы культурного диалога, воплощённого в художественных текстах, сопряжена с рассмотрением функциональных форм в транснациональном поле. Здесь возникает еще один важный теоретический момент, связанный с двумя терминами – транснациональность и трансграничность. Содержание последнего термина как социокультурного явления рассматривается Т.Н. Кучинской, определяющей ее как «определённое состояние/качество пространства, его экономических, социокультурных либо исторических связей» [65].

Одним из научных направлений, ставших основой данного исследования, можно считать идею гибридной идентичности, под которой понимается «смешение традиций, верований, культурных обычаев, языков и социальных практик» [66, с.20]. Этот процесс является прямым следствие социальной гибридизации, наступающей вследствие различных факторов, таких как миграция, взаимное влияние глобализации и локализации, цифровизация и др.

Гибридная идентичность суть смешанной идентичности, возникающей вследствие этих факторов, и которая становится сегодня самой распространённой формой культурной идентификации человека.

Вопросами гибридной идентичности занимается ряд исследователей, среди которых можно назвать Г.Г. Гиздатова и соавторов [67, с.37], которые исследуют «образчики», обнаруживаемые в медиадискурсе Казахстана как типичном постсоветском культурном пространстве. Исследователи выделяют «евразийский, пантюркский и либеральный» проекты социокультурного пространства Казахстана. Обращение Г.Г. Гиздатова к проблеме гибридной идентичности реализуется также через анализ современных культурных продуктов диаспоральных групп Казахстана [67, с.42]. Как отмечено в исследовании Дж. Гермова, гибридная идентичность возможно не только в направлении «автохтоны» – «диаспора», но и в обратном направлении, что может обозначить перспективы исследований в обозначенной области [68]. Гибридная идентичность также становится объектом изучения созданного Холлом научное направление – Cultural Studies, которое превратилось в изучение символов в тесной связи с исследованиями власти.

Прежде чем приступить к обоснованию нового термина, который родился в качестве идеи исследования составляющих образа Казахстана, необходим обзор теорий, ставших основой появления данного терминологического сочетания. И это, прежде всего, традиционное понимание городского текста как совокупности мотивов, образов, сюжетов, символов, номинаций разного уровня, которые формируют идентичность конкретного города и образ его как художественного пространства, наполняемого такими составляющими, которые делают этот художественный образ узнаваемым и оригинальным. Изучение транскультурных процессов позволяет увидеть «себя в другом». Например, образ России в самых различных аспектах предстает в немецкой, американской, японской и мн. др. литературах [69, с.43].

В таком понимании «город» понимается не как географическая плоскость, ограниченная в пространстве и принявшая урбанизированную форму существования, а как совокупность определённых кодов, соотносимых с этой агломерацией и легко дешифруемым носителем той или иной культуры. То есть «город» можно читать как текст, вычленяя коды, образующие семиотическую ткань, синтезируя их, объединяя, дифференцируя и вновь соединяя в интерпретации читателя – дешифровщика. Ю.М. Лотман и представители его литературоведческой школы в конце 80-х годов XX столетия в серии «Труды по знаковым системам» определили теоретические основы исследования города как текста. Петербургский, московский, воронежский, ростовский – за прошедшие с 80-х годы городские тексты устоялись и стали ассоциироваться с определённым набором культурем. Кроме того, что, как отмечал Ю. Лотман, город как текст представляет собой модель, это еще и динамичная модель – «текст текстов» [70, с.32-37]. Еще одной концептуальной особенностью исследовательского подхода к «городским» текстам является междисциплинарность, поскольку феномен города, зародившийся в европейском средневековье и принявший форму

особого культурного пространства современности, требует привлечения знаний из самых разных областей. «Городской» текст предполагает сформированность особого типа мышления.

Термин «казахстанский текст» активно формируется в последние десятилетия по аналогии с уже устоявшимися литературными моделями: «петербургский текст» [71], «московский текст» [72], «таллиннский текст» [73], «якутского» [74] типов городского текста. В Казахстане проблема преломлена через понятие «алматинского» текста З.К. Темиргазина [75], И.Т. Какилбаевой [76], Ж.А. Баянбаевой [77], Ж.Б. Кермешовой [78], Е.С. Шмаковой [79] и др. Активно разрабатывается теория «культурное пограничье», «фронтир», «сибирский плавильный котел» и «Дикий Восток» [80]. Также необходимо упомянуть прецеденты, когда термин, обозначающий локальный, пространственный или тематический сверхтекст, образуется от названия целой страны. В качестве примера могут выступить исследования «итальянского текста» русской литературы С.Л. Константинова [81], «китайского текста» русской литературы Б.В. Кондаковой и А.А. Краснояровой [82], «польского текста» Przegląd Rusycystyczny, Кристины Воронцовой [83].

Попытаемся обосновать методологию исследования «казахстанского текста». «На сегодняшний день перспективным кажется обращение к городскому тексту как «семиозису культурного кода», пишут А.В. Кузнецова и И.А. Петрулевич [84, с.90]. При этом в центре методологии встает символ, в которых аккумулируется культурный код. С этой точки зрения позиционируемое нами понятие казахстанского текста можно рассмотреть, как семиозис казахского культурного кода на внекультурном, или, если можно так сказать, инокультурном семиотическом поле. Рассматривая «казахстанский текст» как текст, возникший в инокультурном семиотическом пространстве, можно отметить его способность транслировать культурную идентичность (если речь идет о «казахстанском тексте», продуцируемом представителями диаспор Казахстана) или национальную идентичность (если текст создан представителем титульной нации Казахстана). В любом случае для обозначения текста определением «казахстанский», необходимо наличие аккумулируемых культурных (национальных) кодов за пределами Казахстана. И это ключевой момент в понимании термина. С этой точки зрения «казахстанский текст» как семиозис культурного кода может иметь различные формы, появившиеся в зависимости от выбранной автором (создателем) языка кодирования. Мы предлагаем классификацию «казахстанского текста», в котором за основу взят тот или иной способ трансмедиальной репрезентации.

Понятие «казахстанского текста» тесно связано с теорией интертекстуальности и идеей культурного текста. С этой точки зрения «казахстанский текст» можно рассматривать как сумму мотивов, символов, сюжетов, идеологических матриц, репрезентирующих историко-культурный опыт Казахстана. Ключевыми методологическими ориентирами здесь являются имагология (анализ образа Казахстана в литературе как национальном, так и зарубежном контексте), постколониальная критика

(анализ литературы как пространства реализации своей национальной и государственной идентичности на фоне постсоветского опыта), геопоэтика (изучение пространства Казахстана как активного компонента смыслообразования), когнитивная поэтика (осмысление национального текста сквозь призму ментальных моделей, закрепленных в языке и художественных образах).

«Казахстанский текст» включает в себя те литературные произведения, где Казахстан выступает не просто в качестве места действия, но как нарративный центр, определяющий образы, мотивы, символику и героический регистр текста. Такие произведения не только описывают казахстанскую реальность, но и создают её, формируя национальную мифопоэтику, образ времени и пространства, коллективную память.

В «казахстанском тексте» доминируют определённые топосы: степь как символ свободы и пустоты, аул как место родовой идентичности, город как пространство столкновения традиции и модернизации, горы как духовная вертикаль, железная дорога как след трансформации. Эти образы укоренены в фольклорной, исторической и философской памяти народа.

Авторами «казахстанского текста» можно считать не только казахских писателей, пишущих на родном языке, но и представителей других этносов, интегрированных в культурный ландшафт страны: Н. Анова, Г. Бельгера, Е. Зейферт и др. Главное условие – не столько этническая принадлежность, сколько внутреннее сопричастие к казахстанскому коду, органичное включение в местный нарратив.

В отличие от «казахстанского текста» образ Казахстана в литературе – это форма внешней или внутренней репрезентации страны, которая может быть частичной, условной, субъективной или даже искажённой. Это образ, возникающий в сознании автора и читателя на основе определённых визуальных, лексических и нарративных штампов, а не на основе глубинного погружения в культуру.

Образ Казахстана часто строится в контексте иностранных описаний, путевых заметок, дипломатических отчётов, шпионской и приключенческой прозы, медиа и кинематографа. Он может варьироваться от экзотического и восторженного до драматического, негативного или сатирического.

Так, в фильме «Борат» (реж. Ларри Чарльз), несмотря, на то, что Казахстан упоминается как «родина» главного героя, никакой связи с реальной культурой или географией страны нет. Это – гротескный образ, построенный на постколониальных стереотипах. Такой «образ Казахстана» не может быть включён в «казахстанский текст», но представляет собой интерес для имагологического анализа как пример стереотипной внешней репрезентации.

Другие примеры образа Казахстана – это мемуары русских офицеров XIX века, проходивших службу в степи; тексты англоязычной прозе о постсоветских странах; упоминания страны в воспоминаниях эмигрантов, где Казахстан обозначается как точка биографии. Эти образы вторичны, они не конституируют пространство, а лишь обозначают его. Обозначим

концептуальные отличия терминов «казахстанский текст» и «образ Казахстана» (таблица 1.)

Таблица 1 – Сравнение понятий: структурно-семантический аспект

Параметр	**Казахстанский текст**	**Образ Казахстана**
Глубина культурного погружения	Глубокое, аутентичное	Поверхностное, часто внешнее
Автор	«Внутренний» участник (житель, потомок, сопричастный)	Часто внешний наблюдатель
Тип репрезентации	Национальный миф, символическая топология	Отражение, фиксация, проекция
Функция	Конструирование культурной памяти	Репрезентация, фиксация, иллюстрация
Примеры жанров	Эпопея, национальный роман, культурно-философская проза	Мемуары, путевые заметки, внешняя публицистика

Следует отметить, что граница между двумя понятиями не всегда абсолютна. Иногда образ Казахстана, созданный внешним автором, может со временем стать частью казахстанского текста, если он принят, переработан и включён в национальную культурную память. Например, тексты, написанные эмигрантами (например, Е. Зейферт), могут сначала создавать образ Казахстана как прошлого, а затем постепенно становиться частью «казахстанского текста» в диаспоре.

Язык произведения также играет важную роль в процессе создания «казахстанского текста». Хотя «казахстанский текст» может быть написан на любом языке (казахском, русском, английском), ключевым остаётся внутреннее знание культуры и её семантики. Образ Казахстана, напротив, может быть создан на основе переводов, визуальных репрезентаций или рассказов третьих лиц.

Интересен вопрос цифровой литературы и социальных сетей. В Instagram-поэзии, TikTok-рассказах, YouTube-документалистике также формируются как «казахстанские тексты» (например, на основе визуального кода Алматы, Наурыза, аула) или образы Казахстана (часто в виде клише: кони, юрты, кумыс).

Понимание различия между этими двумя концептами важно для:

- формирования корпуса национальной литературы;
- разработки учебных программ по казахстанской словесности;
- продвижения культурной дипломатии;
- анализа внешней репутации страны через литературу и медиа.

Исследователи, преподаватели и критики должны чётко различать, что есть текст, говорящий от имени культуры, а что есть внешнее представление, пусть и важное, но не идентичное внутреннему голосу.

Перейдем к дифференциации понятий «казахский текст» и «казахстанский текст», являющейся ключевой для настоящего исследования.

Различие между казахским и казахстанским текстом существенно для имагологического анализа литературных репрезентаций Казахстана. Эти термины определяют различные слои культурной идентичности в литературном дискурсе и определяют методологический подход к изучению образа Казахстана в мировой литературе. Каждая нация формирует себя через текст. В современном гуманитарном знании текст понимается не только как вербальное произведение, но и как совокупность смыслов, образов, символов, нарративов и представлений, которые репрезентируют ту или иную культуру. Термин «казахский текст» относится к совокупности литературных произведений, написанных на казахском языке этническими казахами. Он глубоко укоренен в этнолингвистической идентичности, выходит за рамки геополитических границ и отражает культурное наследие казахского народа. Исторически «казахский текст» берет свое начало в устных традициях, восходящих к VI-VIII векам, а затем распространяется в письменную литературу, включая такие основополагающие произведения, как «Слова назидания» Абая Кунанбаева. Согласно Британнике, казахская литература включает в себя устные и письменные тексты на казахском языке, созданные этническими казахами Центральной Азии [85]. Ключевой особенностью казахского текста является его опора на традиционные образы, культурные метафоры и казахские языковые структуры.

«Казахстанский текст» включает в себя литературные произведения, написанные на казахском, русском, английском и других языках. Он является результатом гибридной культурной идентичности, сформированной процессами государственного строительства Казахстана в постсоветский период и его интеграцией в глобальные литературные сети. Как отмечает Д. Кудайберген, категория «казахстанец» конструируется не только как этническая идентичность, но и как гражданская и культурная [86]. Эта структура расширяет аналитическую сферу за пределы казахской литературной традиции до социокультурного феномена, включающего внешние литературные нарративы.

Семантическое ядро этих терминов определяет их различные функции в литературной имагологии. Казахский текст по-прежнему опирается на этнолингвистические рамки, как это видно из произведений Абая, где преобладает традиционная национальная символика. Напротив, казахстанский текст исследует трансформацию образа Казахстана в произведениях авторов-эмигрантов и зарубежных писателей. Антология современной казахской литературы, издаваемая издательством Cambridge University Press, смещает акцент на казахстанский текст, включая многоязычных авторов в глобальный литературный контекст [87]. Таким образом, казахстанский текст включает в себя множество этнических, лингвистических и геополитических аспектов. Имагологический анализ казахстанского текста обладает большим аналитическим потенциалом, поскольку отражает динамичное взаимодействие между внутренними национальными нарративами и внешними репрезентациями Казахстана в мировом литературном дискурсе.

«Казахстанский текст» – метафорическая, интердисциплинарная категория, объединяющая литературные, историко-культурные, этнокодовые и пространственно-семантические наслоения, формирующие образ Казахстана в письменной и устной традиции, в художественной и научной литературе, в искусстве и массовом сознании. Изучение казахстанского текста не только предмет филологии, но и социогуманитарной стратегии, способной объединить граждан в процессе осознания собственной идентичности, интерпретации истории, понимания национального кода и продвижения культурных ценностей.

«Казахстанский текст» – это не просто корпус литературных произведений, написанных авторами за пределами Казахстана, а целостное поле смыслов, в котором отражаются культурные архетипы, исторические травмы и победы, мифологемы и идеологии, пространственные и этнические коды. Он включает в себя множество форм – от эпоса до современной прозы, от этнографических описаний до эссеистики, от кинематографа до цифровой поэзии. Этот текст формирует культурную матрицу, в которой воспроизводятся представления о себе, Другом, мире, времени и пространстве [88, с.47].

В настоящем исследовании мы обосновываем идею о том, что «казахстанский текст» – это совокупность текстов, отражающих специфику казахской/казахстанской ментальности, влияющие на восприятие Казахстана как совокупности уникальной истории, культуры, литературы, музыки и других составляющих образа страны за рубежом. Принципиальным при этом является то, что тексты, имеющие право называться «казахстанским», могут быть созданы на казахском, русском или любом другом языках, но за пределами Казахстана. К носителям/создателям «казахстанского текста» могут быть отнесены как представители казахстанского гражданского сообщества, так и любого другого в мировом культурном пространстве.

Несмотря на растущий объем исследований, всесторонние исследования казахстанского текста как особого имагологического феномена остаются ограниченными. Как отмечают С.Д. Абишева и др., существует потребность в систематической структуре для классификации и анализа компонентов казахстанского текста в мировой литературе [88, с.45]. Этот пробел в исследованиях подчеркивает важность дальнейшего изучения того, как Казахстан представлен в различных литературных традициях и культурных контекстах.

Присутствие Казахстана в мировой литературе можно разделить на две большие категории. В первую входят двуязычные и транслингвальные авторы, которые вносят свой вклад в сложное литературное пространство, в котором идентичность определяется через язык и культурную память. Ш.А. Кулиева подчеркивает, что переводимые казахские писатели создают литературные нарративы, которые одновременно принимают и бросают вызов доминирующим лингвистическим парадигмам [89, с. 638]. С этой точки зрения казахстанский текст позиционируется как площадка для культурных

переговоров, где сходятся темы перемещения, исторической травмы и национальной принадлежности.

Вторая категория состоит из репрезентаций Казахстана в неказахской литературе, часто формируемых под влиянием внешних факторов, уходящих корнями в исторические, политические и колониальные нарративы. И.И. Яценко и др. исследуют, как постсоветские русскоязычные тексты из Казахстана сохраняют культурные границы, колеблясь между советским влиянием и новым акцентом на казахский язык. национальная идентичность [80, с. 698]. Аналогичным образом, С.Д. Абишева и др. утверждают, что литературные репрезентации Казахстана находятся под влиянием транскультурной динамики, в которой внешние нарративы часто пересекаются с национальным мифотворчеством [88, с.46]. Это очевидно как в исторической литературе, так и в современных повествованиях, которые изображают Казахстан как пространство трансформации, современности и геополитической значимости.

Понятие культурной границы занимает центральное место в этих дискуссиях. И.И. Яценко и др. подчеркивают устойчивость локализованных казахских текстов, которые кодируют культурные образцы, как соответствующие, так и отличающиеся от советских и постсоветских литературных норм [80, с.699]. Это согласуется с более широкими тенденциями в имагологии, где бинарная оппозиция «я» и «другой» играет решающую роль в формировании культурных репрезентаций [88, с.47]. Аналогичным образом, пространственная и временная организация казахских текстов иллюстрирует, как авторы структурируют национальную идентичность с помощью географических метафор, исторических повествований и мифопоэтических образов.

В современном литературоведении возрастает интерес к осмыслению способов репрезентации пространства, идентичности и культурного кода на страницах художественных текстов. Казахстан, обладая богатой историей, многоэтничной структурой и уникальной природно-культурной географией, всё чаще становится объектом анализа как в рамках национальной литературы, так и в контексте зарубежной имагологии. В этом отношении важными и в то же время разными концептами выступают «казахстанский текст» и «образ Казахстана». Несмотря на кажущуюся близость, эти термины несут различную смысловую нагрузку и требуют тщательной дифференциации.

1.2 Типологическая модель «казахстанского текста» в современной литературе

Опираясь на теоретические обоснования, данные в предыдущем разделе, обратимся к ситуации с функционированием ключевых терминов, связанных с представленной темой. Нами был проведен анализ функционирования терминов, соотносящихся с репрезентацией образа страны в литературе Казахстана. Данные были собраны в eLibrary, Lens.org и CyberLeninka с использованием таких ключевых слов, как «казахстанский текст», «алматинский текст» и «образ Казахстана». Полученные данные

свидетельствуют о неравномерном внимании, уделяемом казахской литературной идентичности и ее культурной репрезентации в мировом академическом дискурсе. Поиск выполнялся как на русском, так и на английском языках в областях, связанных с культурологией, лингвистикой и литературоведением Данные приведены в таблице (таблица 2).

Таблица 2 – Количество публикаций по «казахстанскому тексту» и связанным с ним терминам в академических базах данных

База данных	**Поисковый запрос**	**Русский**	**Английский**
eLibrary	казахстанский текст	4	115
	алматинский текст	15	1
	имидж Казахстана	15	5
Lens.org	казахстанский текст	0	14
	алматинский текст	0	1
	имидж Казахстана	0	115
КиберЛенинка	казахстанский текст	9	0
	алматинский текст	1	1
	имидж Казахстана	3	30

Количественный анализ показал, что частота публикаций с упоминанием текстов на казахском языке остается низкой, особенно в русскоязычных источниках. Приведем эти данные.

- Электронная библиотека: 4 работы на русском языке, 115 на английском.
- Lens.org: 14 работ (только на английском).
- КиберЛенинка: 9 работ на русском, 0 на английском.

Эти результаты свидетельствуют о том, что, хотя этот термин получил определенное признание в международных исследованиях, он остается недостаточно разработанным в русскоязычном литературоведении.

В дальнейшем анализ был расширен и включил такие родственные понятия, как «алматинский текст» и «Образ Казахстана». В нем был представлен сравнительный взгляд на то, как различные аспекты казахстанской культурной и литературной идентичности представлены в академическом дискурсе.

Алматинский текст:

1. eLibrary: 15 работ на русском языке, 1 - на английском
2. Lens.org: 1 работа на английском языке
3. КиберЛенинка: 1 работа на русском языке, 1 на английском
4. Замечание: Алматинский текст представляет собой локализованную концепцию с минимальным глобальным признанием

Имидж Казахстана:

1. eLibrary: 15 работ на русском языке, 5 на английском
2. Lens.org: 155 работ (на английском языке)
3. КиберЛенинка: 3 работы на русском языке, 30 на английском

Можно сделать следующие замечания. Концепция «казахстанского текста» недостаточно представлена, особенно в русскоязычном академическом дискурсе. «Образ Казахстана» доминирует в исследованиях на английском языке, особенно в области Lens.org (155 публикаций). «Алматинский текст» имеет весьма ограниченное научное взаимодействие на международном уровне. Большинство дискуссий о казахстанской идентичности сосредоточиться на ее геополитическом и культурном аспектах, а не его литературной репрезентации за счет количества (155 публикации) работ с сайта «Изображения Казахстан» в Lens.org.

Небольшое количество публикаций (4 на русском языке, 14 на английском) свидетельствует о том, что казахстанский текст остается недостаточно разработанной академической категорией. Напротив, «Образ Казахстана» широко представлен в мировом научном сообществе, что указывает на то, что Казахстан рассматривается как культурная и геополитическая концепция, а не как литературная. Это согласуется с выводами Д. Кудайбергена о том, что казахстанская идентичность часто выражается в социально-политических, а не литературных терминах. В англоязычных исследованиях приоритет отдается более широким культурным и геополитическим темам (например, идентичности, истории и постсоветским трансформациям), а не прямому литературному анализу [86]. Русскоязычные источники в большей степени сосредоточены на местном литературном дискурсе, но с ограниченной интеграцией в глобальные имагологические рамки [90]. Разница в количестве публикаций подчеркивает необходимость создания структурированной теоретической базы для казахстанского текста в имагологических исследованиях. Междисциплинарный характер «казахстанского текста» (литература, культурология, лингвистика) требует более комплексного исследовательского подхода как в русскоязычных, так и в англоязычных научных кругах. Существующие исследования, такие как антология Cambridge University Press [87], косвенно продвигают казахстанский текст, включая в него многоязычных авторов, однако эта классификация остается неоднозначной в научном дискурсе.

Статистические данные свидетельствуют об ограниченном интересе ученых к концепции казахстанского текста. Доминирование геополитических и культурологических исследований над литературоведческим анализом подчеркивает необходимость структурированной теоретической базы. В следующем обзоре литературы рассматриваются существующие научные дискуссии о казахстанском тексте, а также его имагологическом позиционировании.

Концепция казахстанского текста стала важной областью исследования в рамках литературного и культурного дискурса, особенно в контексте имагологии, которая изучает репрезентацию культурной идентичности в литературе. Имагология как методологическая основа исследует конструирование национальной и культурной идентичности в литературных произведениях, подчеркивая взаимосвязь между самовосприятием и внешней репрезентацией [91], [92]. В этих рамках казахстанский текст функционирует

как уникальный культурный феномен, отражающий как внутренние перспективы, так и внешние имагологические конструкты.

Теоретические основы имагологии дают возможность критически проанализировать «казахстанский текст». Как отмечает Г.И. Власова, культурные тексты структурированы с помощью национального менталитета, исторических ссылок и эстетических маркеров [93, с.89]. В контексте казахской литературы эти аспекты проявляются в повторяющихся мотивах степи, кочевничества и евразийской идентичности. Таким образом, «казахстанский текст» существует на пересечении местных и глобальных литературных традиций, сформированных историческим взаимодействием казахской и русской культур. Недавние исследования показывают, что литературные репрезентации Казахстана часто выходят за пределы географических границ, влияя на мировое восприятие казахской идентичности [88, с.42].

Методологически современные исследования казахстанского текста основаны на междисциплинарных подходах, которые включают элементы семиотики, межкультурной герменевтики и историко-функционального анализа [88, с. 44]. Поэтика казахстанского текста также исследуется через призму евразийских литературных традиций, где авторы выстраивают сложные повествовательные структуры, сочетающие мифологические, исторические и культурные элементы [93., с. 88]. Это особенно заметно в творчестве таких поэтов, как Бахыт Каирбеков и Владимир Гундарев, чей литературный вклад отражает евразийскую чувствительность, сочетающую русские и казахские мотивы.

Несмотря на растущий объем исследований, всесторонние исследования казахстанского текста как особого имагологического феномена остаются ограниченными. Как отмечают С.Д. Абишева и др., существует потребность в систематической структуре для классификации и анализа компонентов казахстанского текста в мировой литературе [88, с. 46]. Этот пробел в исследованиях подчеркивает важность дальнейшего изучения того, как Казахстан представлен в различных литературных традициях и культурных контекстах.

В этом свете казахстанский текст предстает как динамичная литературная конструкция, включающая темы культурной памяти, транслингвальной идентичности и национальной репрезентации. Через призму имагологии ученые могут исследовать, как создается, оспаривается и реконструируется образ Казахстана в литературном дискурсе. Взаимосвязь между самопрезентацией и внешним восприятием остается ключевой областью исследования, подчеркивая эволюционный характер казахской литературной идентичности в глобальном культурном ландшафте.

В ходе исследования нами был обнаружен ряд направлений репрезентации «казахстанского текста», одно из которых и было выбрано в качестве объекта исследования. Обратимся к этим направлениям. В *первое направление* вошли произведения авторов, родившихся в Казахстане, которые позже эмигрировали. Здесь мы обнаруживаем «казахстанский текст» в

произведениях авторов, которые жили на территории Казахстана и являются представителями казахского этноса или представителями других этносов. Они могут создавать свои произведения на казахском или русском языках или любом другом языке.

Так, В. В. Киктенко родился и вырос в Казахстане, а позже переехал в Россию. Его автобиографическая проза отражает глубокую эмоциональную связь с Казахстаном. В его тексте «Когорта» Казахстан представлен через призму личной памяти и культурной принадлежности. Город Алматы предстает не только как географическое пространство, но и как культурный и эмоциональный ландшафт, сформированный детством и постсоветскими преобразованиями. Образ Казахстана передается с помощью подробных описаний природы, городского пространства и культурных особенностей. Эти элементы фильтруются через детские воспоминания и ностальгию. Приведенные ниже примеры иллюстрируют, как автор видит и выражает Казахстан в рамках казахстанского текста:

Природа Алматы: «Цветущие абрикосовые деревья в весенней Алма-Ате… Я никогда больше нигде в мире не видел такого чуда». [94]

Городская топография и трансформация: «Алма-Ата – огромный многоэтажный мегаполис, почти полностью построенный в европейском стиле. Но во времена моего детства он все еще был в основном малоэтажным и азиатским». [94])

Культурное разнообразие и повседневная жизнь: “Наш район, особенно базар, был полон ярких одежд. Узбеки обычно продавали сладости, казахи - мясо, копчености и молочные продукты, такие как курт, кумыс и шубат». [94])

Ностальгия по утраченной Алма-Ате: «Той девушки больше нет, абрикосы отцвели, ивы тоже... Молодость ушла. Исчез великий город Алма-Ата с его садами, горами и невероятными людьми». [94]

Эти примеры демонстрируют многослойное представление о Казахстане. В.В. Киктенко реконструирует пространство через память, сочетая личный опыт с культурными кодами. Его проза способствует формированию казахстанского текста как пространства эмоциональной географии, городской идентичности и коллективного воображения.

А. Шмидт родился в Семипалатинской области Казахстана и эмигрировал в Германию, где продолжает свою литературную деятельность. Его поэзия глубоко укоренилась в детских воспоминаниях, сельском пространстве и культурных образах, связанных с Казахстаном. С помощью воспоминаний, чувственных деталей и символических контрастов он воссоздает поэтическую родину. Казахстан предстает не только как географическое, но и как эмоциональное и мифологическое пространство.

В своем стихотворении «Возвращение» оратор возвращается в деревню своего детства. Образы пронизаны ностальгией, воспоминаниями и культурными кодами:

«Здесь пахнет дегтем, коноплей, золотистой сосновой смолой и свежеиспеченным хлебом». [95]

Мотив возвращения домой повторяется во всех его работах, позиционируя Казахстан как точку эмоциональной ориентации: «Мы возвращаемся домой. Ковыль серой волной накатывает на наш дом. Время с ревом бьется о стены, пытаясь стереть прошлое». [95]

В стихотворении Pole («Поле») природа изображена в минималистичных, но выразительных выражениях. Образ степи несет в себе эмоциональный и культурный резонанс: «Поле потрескивало, наэлектризованное стрекотанием кузнечиков. Линии электропередач ковыля взволновали мое сердце». [95]

В «Полынных полях» («Fields of Wormwood») степь снова занимает центральное место, на этот раз оформленная как пространство возвращения и эмоционального исцеления: «Где я найду огни моей родной деревни, полынные поля?» [95]

В его стихах часто затрагиваются темы памяти, идентичности и перемещения. В «Реке моего детства» Казахстан – это утраченное пространство невинности и принадлежности: “Я помню тебя. Я помню твой запах, твой вкус, мурашки по коже от счастья. Но я никогда не найду тебя. Русло реки пересохло. Галька. Гераклит был прав». [95]

Даже в более абстрактных стихах Казахстан предстает через чувственный и символический язык. В «Вкусе времени» поэт возвращается к детскому воспоминанию о том, как он ел из муравейника: «Вкус времени – вкус печали» [95].

Эти примеры показывают, что поэзия А. Шмидта вносит свой вклад в казахстанский текст, создавая лирическое пространство памяти, ландшафта и культурного возвращения. Его использование сельских образов, природных элементов и интимного языка превращает Казахстан в литературную родину. Эмоциональная география, которую он вызывает – через запахи, звуки, текстуры и метафоры, – помещает его творчество в рамки имагологических исследований. В его стихах сохраняется видение Казахстана как реального и запоминающегося, физического и символического, утраченного и вновь обретенного.

Второе направление – авторы, которые оказались в Казахстане в силу биографических, исторических и иных причин, а затем вернувшихся на историческую Родину, и создающие «казахстанский текст» на основе воспоминаний. К этому направлению можно отнести, к примеру, Вахтанга Гоголадзе и др. В его произведениях Казахстан предстает как убежище, как территория, заселённая народом, обладающим высокими моральными качествами. Благодарность за помощь и поддержку в трудные годы насильственного переселения отображается на образе Казахстана, созданном грузинским писателем.

Третье направление – авторы, которые создают образ Казахстана, но не представляют первые три направления. Назовем его «внешним». Это те писатели и поэты, которые никак не связаны с Казахстаном, но репрезентируют образ страны.

К ним относятся, к примеру, «Яблоки из Казахстана» Кристофера Роббинса [96], «Голодная степь» Сары Кэмерон [97] и «Путешественники в

Великой степи» Ника Филдинга [98]. Эти произведения вносят свой вклад в формирование литературного имиджа Казахстана во всем мире, укрепляя или опровергая существующие стереотипы. Это группа авторов, в чьих текстах Казахстан часто представлен как постсоветское трансформационное пространство или геополитический конструкт, – это иностранные авторы, в своих литературных репрезентациях которых Казахстан представлен следующим образом:

К. Роббинс («Яблоки родом из Казахстана») – репрезентирует Казахстан как малоизвестное постсоветское государство, описывая его переход от советского контроля к независимости [96]. Повествование строится с точки зрения стороннего наблюдателя, показывающего Казахстан через политические перемены, экономическое развитие и формирование национальной идентичности. Текст отражает западное восприятие Центральной Азии, балансируя между экзотикой, модернизацией и советским наследием. Рассказ К. Роббинса вносит свой вклад в казахстанский текст, формируя мировое литературное и журналистское представление о Казахстане. Автор присоединяется к кочевникам, охотящимся с беркутами, и рассказывает о традиционных практиках, которые являются неотъемлемой частью казахской идентичности. Кроме того, он знакомится с музыкантом, которого называют «казахским Джоном Ленноном», что отражает слияние глобальных влияний с местным музыкальным самовыражением. Повествование включает в себя такие события, как употребление вареной бараньей головы, местного деликатеса, демонстрация казахского гостеприимства и кулинарных традиций. Роббинс рассказывает о сложной истории Казахстана, в том числе о его роли как места проведения советских трудовых лагерей и ядерных испытаний, которые сформировали национальное самосознание. В книге рассказывается о разнообразии населения страны, возникшем в результате исторических депортаций и миграций [96].

С. Кэмерон и ее «Голодная степь: голод, насилие и становление Советского Казахстана» – исторический текст, в котором используется повествовательный стиль повествования для формирования представлений Запада о прошлом Казахстана. Здесь обнаруживается несколько культурных кодов, присущих казахскому обществу. Прежде всего, следует упомянуть кочевой образ жизни: автор упоминает, что до массового голода многие казахи практиковали кочевой образ жизни, совершая сезонные миграции, чтобы пасти свои стада животных, включая овец, лошадей и верблюдов. С. Кэмерон отмечает, что этот традиционный образ жизни был неотъемлемой частью казахской культуры и идентичности и что это имеет глубокую связь с тем временем, когда политика советского режима вынудила казахов отказаться от кочевого образа жизни и перейти к оседлому земледелию. В книге отмечается, что этот сдвиг привел к глубоким изменениям в казахской культуре и идентичности, разрушив традиционные социальные структуры и образ жизни. С. Кэмерон подчеркивает важность выживания и жизнестойкости казахов: несмотря на огромные страдания, причиненные голодомором, казахское

общество продемонстрировало жизнестойкость. В качестве иллюстрации своих идей автор включает в текст устные предания и мемуары раскрывают истории выживания, адаптации и несокрушимого духа казахского народа [97].

Н. Филдинг («Путешественники в Великой степи») создает исторические и современные рассказы о путешествиях по Центральной Азии и выделяет несколько культурных кодов, присущих казахскому обществу. Филдинг рассказывает о кочевом образе жизни степных народов, основанном на скотоводстве и сезонных миграциях: о встречах казахских кочевников с различными путешественниками, проливающими свет на обмен знаниями, товарами и культурными практиками. Филдинг обращается к стратегическому значению Великой степи, исследуя, как ее обширность влияла на политические решения и территориальные споры. В повествовании повествуется о том, как казахские кочевники адаптировались к сложным условиям степи, разрабатывая уникальные стратегии выживания и социальные структуры [98].

Таблица 3 иллюстрирует ключевые различия в представлении Казахстана между авторами, родившимися в Казахстане и авторами-иностранцами. Первые воссоздают страну с помощью личных воспоминаний, чувственной ностальгии и внутренних культурных маркеров. Казахстан для них эмоционально близок, пространственно структурирован и глубоко личностен. Авторы-иностранцы, напротив, рассматривают Казахстан с геополитической и исторической дистанции. В их работах подчеркивается экзотичность, национальная травма и стратегическая значимость. Вместе взятые, обе точки зрения обогащают концепцию казахстанского текста, позволяя рассматривать его как внутренне пережитый, так и внешне воображаемый.

Таблица 3 – Образ Казахстана в произведениях авторов-эмигрантов и иностранцев

Автор	**Принадлежность автора**	**Имидж Казахстана**	**Культурные коды**
Александр Шмидт	казахстанский эмигрант	эмоциональный пейзаж, деревенская ностальгия, лирическое время	поля, реки, хлеба, тополя, ковыль
Вячеслав Киктенко	казахстанский эмигрант	городское детство, культурная полифония, утрата и память	базар, преображение города, цветение абрикосов, жизнь по соседству
Кристофер Роббинс	иностранный автор	экзотическая трансформация, современная государственность, советское наследие	охота с беркутами, гостеприимство, яблоки, национальный лидер

Продолжение таблицы 3

Сара Кэмерон	иностранный автор	национальная травма, голод, сломленный кочевой образ жизни, коллективная память	голод, кочевники, потери, оседлость
Ник Филдинг	иностранный автор	бескрайняя степь, восточная экзотика, историческая граница	юрты, верблюды, география, путешествия, знакомство с империей

Изучение казахстанского текста как имагологической категории раскрывает его сложность как литературного и культурного феномена. Это исследование показывает, как Казахстан представлен в литературе, написанной за пределами страны, анализируя как самопрезентацию казахских писателей-эмигрантов, так и внешние образы зарубежных авторов. Полученные результаты подтверждают, что «казахстанский текст» существует на стыке национальной идентичности, географического перемещения и глобального литературного дискурса.

Анализ литературных произведений показывает, что казахские писатели-эмигранты переосмысливают Казахстан через темы ностальгии, исторической памяти и гибридной идентичности. В их произведениях Казахстан предстает одновременно и как далекая родина, и как символический конструкт. Они объединяют элементы различных литературных традиций, сочетая советский, постсоветский и казахский культурные коды. В их текстах рассказывается об опыте перемещения, языковой адаптации и борьбе за сохранение связи с культурным наследием. Это подтверждает, что географическая удаленность влияет на способы воссоздания национальной идентичности в литературе.

Такие авторы, как Кристофер Роббинс, Сара Кэмерон и Ник Филдинг, представляют Казахстан как пространство сложной исторической ситуации, геополитических изменений и культурной загадочности. Их произведения способствуют глобальному восприятию Казахстана, укрепляя или бросая вызов существующим национальным стереотипам. Роббинс описывает Казахстан как загадочное постсоветское государство, сочетающее экзотику с политическими преобразованиями. Кэмерон фокусируется на исторических травмах, подчеркивая голод и насильственную коллективизацию как ключевые события, сформировавшие казахскую идентичность. Филдинг, в свою очередь, обращается к образам Великой степи, представляя Казахстан как обширную и дикую границу. Эти внешние нарративы показывают, как Казахстан интерпретируется в рамках мировой литературы, часто формируясь под влиянием исторической памяти, геополитического значения и контраста между традициями и современностью.

Статистический анализ тенденций исследований подтверждает, что казахстанский текст по-прежнему недостаточно представлен в академическом дискурсе. Небольшое количество публикаций по данной теме, особенно в

русскоязычных источниках, указывает на необходимость дальнейшего теоретического и методологического развития. Несоответствие между исследованиями казахстанского текста и более широким образом Казахстана свидетельствует о том, что литературная идентичность изучена меньше, чем культурные или геополитические аспекты. Это подчеркивает необходимость интеграции имагологических подходов в казахстанское литературоведение. Будущие исследования должны быть направлены на расширение теоретической базы казахстанского текста, включение сравнительных исследований с другими постсоветскими литературами и изучение роли перевода в глобальном распространении казахстанской литературы.

Концепция казахстанского текста остается изменчивой, эволюционируя вместе с национальной и культурной идентичностью Казахстана. Результаты исследования показывают, что эта категория служит связующим звеном между национальными и транснациональными литературными традициями. Она отражает взаимодействие между исторической памятью, языковой адаптацией и культурной гибридностью. Исследование подтверждает, что имагология обеспечивает продуктивную основу для анализа того, как Казахстан представлен в литературе, предлагая понимание механизмов формирования идентичности в мировом литературном дискурсе. Развитие этой категории будет способствовать более широкому обсуждению национальной идентичности в мировой литературе, усиливая необходимость продолжения исследований литературной репрезентации Казахстана.

Кардинальным отличием представляемого в данном исследовании подхода является рассмотрение феномена «казахстанского текста» в произведениях, созданных представителями диаспоральных групп за пределами Казахстана. Предпринимается попытка анализа культурных кодов, принявших синтетический характер вследствие отдаленности от объекта культуры. Например, в тексте, созданном автором-представителем немецкой диаспоры Казахстана, мигрировавшим за пределы диаспоральной сосредоточенности, реализуется ряд кодов, напрямую связанных с типом хронотопа, воплощенного в художественном пространстве. Таким образом, предпринимается попытка связать конкретные составляющие поэтики автора и проявления гибридной идентичности.

Изучение казахстанского текста с позиции пространственной поэтики позволяет глубже осознать, как формируется связь между культурной идентичностью и территорией, между мифом и географией, между душой нации и её пейзажем. Казахстанский текст можно обнаружить как в произведениях казахстанских авторов, пишущих на русском языке, так и в произведениях представителей других стран и национальностей, описывающих казахстанские коды. Особая ментальность и культурное пространство евразийского характера синтезирует различные идентичности.

В структуру «казахстанского текста» мы включаем составляющие, рождённые на стыке нескольких культурных и языковых систем. Он включает этнический компонент, историко-политический, географический, ментальный, языковой коды. К этническому компоненту относим отсылки к

казахским традициям, эпосу, родовому строю, духовной культуре. Историко-политический компонент – отражение событий, связанных с историей Казахстана. Географический компонент – ландшафтный код (степь, аул, городской текст). Ментальный код включает образы национального характера, стереотипов, обычаев, ценностей. Языковой код вбирает казахизмы, аллюзии на национальные формы мышления.

Методика анализа произведений с позиции казахстанского текста может включать в себя несколько этапов:

1. Идентификация текстовых маркеров: топонимов, этнографизмов, реалий, символов.

2. Констектуализация: сопоставление с историко-культурным контекстом Казахстана.

3. Выявление образов и мотивов: поиск устойчивых национальных или транснациональных тем.

4. Интертекстуальный анализ: отсылки к другим текстам о Казахстане, диалог с мифами и архетипами.

5. Интерпретация авторской позиции: авторская репрезентация Казахстана – художественная бинарность «свой» – «чужой», «центр» – «периферия».

Таким образом, термин «казахстанский текст» представляет собой важную категорию современного литературоведения, позволяющую более глубоко и многомерно осмысливать художественный текст, связанный с Казахстаном. Его разработка требует дальнейшего уточнения методологических рамок, а также создания единой аналитической базы для сопоставительного анализа литературы разных народов, культур и эпох. Совмещение подходов когнитивной поэтики, постколониальной критики, имагологии, геопоэтики позволяет увидеть в «казахстанском тексте» не просто отражение реальности, но и активный механизм культурной саморепрезентации.

На основе сделанных выводов нами разработана модель исследования «казахстанского текста». В ней выделены три взаимосвязанных уровня:

1. Типологический – определяет позицию автора по отношению к Казахстану.

2. Структурно-семиотический – раскрывает семиотику культурных кодов в произведениях.

3. Аналитический – определяет особенности анализа «казахстанского текста».

Концептуально ядро модели определяет содержание термина «казахстанский текст», который понимается как социокультурный и художественный феномен, сформированный на пересечении нескольких культурных, этнических и языковых систем.

Типологический уровень определяет направления «казахстанского текста»:

1. Эмиграционно-диаспоральное. Сюда относятся авторы, которые родились и жили в Казахстане, но покинули пределы страны.

Ключевыми мотивами произведений этого направления относятся:

- эмиграция;
- утрата Родины;
- гибридная идентичность;
- сохранение культурной и языковой связи с Родиной.

2. Миграционное направление. Авторы, оказавшиеся в Казахстане в силу исторических факторов, преимущественно, вследствие насильственного переселения.

К особенностям произведений этого направления относятся:

- ретроспективная организация повествования;
- личная и коллективная память;
- насильственное перемещение;
- изображение Казахстана как убежища;
- благодарность казахскому народу;
- казахские культурные коды.

3. Внешнее репрезентативное направление.

Для произведений этого направления характерны:

- восприятие Казахстана как нового и незнакомого пространства;
- сравнение культурных систем;
- экзотизация культурных кодов.

Структурно-семантический уровень включает культурные коды:

- мифо-семиотический;
- природно-ландшафтный;
- семейно-бытовой;
- исторической памяти.

Аналитический уровень включает:

- идентификацию текстовых маркеров;
- контекстуализацию;
- структуризация образов и мотивов;
- интертекстуальный анализ;
- интерпретацию авторской позиции через анализ бинарных оппозиций:

«свой-чужой»;
«родина-чужбина»;
«Восток-Запад»;
«прошлое-настоящее»;
«внутренний взгляд – внешний взгляд».

Рисунок 1 – Модель исследования «казахстанского текста»

Выводы по первому разделу

Проведенное в первом разделе исследование обозначило теоретико-методологическую основу изучения образа Казахстана в литературе. Основополагающим направлением здесь можно считать имагологическое литературоведение, позволяющее рассматривать страну как сложный комплекс этнокультурных, пространственных, исторических, языковых, символических представлений. Его ключевыми категориями являются оппозиция «свой-чужой», национальная идентичность, самоидентичность, стереотип, ментальная модель, локальный текст и диалог культур. При этом образ страны понимается не как неизменная совокупность устойчивых признаков, а как динамическая структура, трансформирующаяся под воздействием исторического опыта, авторского сознания, межкультурных контактов.

Особое значение для исследования имеет разграничение понятия «казахский текст» и «казахстанский текст». Первый связан преимущественно с этнолингвистической традицией, казахским языком, культурным наследием казахского народа, тогда как второй охватывает многоязычное, полиэтническое литературное пространство Казахстана, включая произведения отечественных диаспоральных и зарубежных авторов. Казахстанский текст формируется в условиях транснациональности, трансграничности и культурной гибридизации, поэтому отражает взаимодействие внутренних представлений о стране с ее внешними образами.

Теоретико-методологической основой изучения образа Казахстана выступает имагологическое литературоведение, позволяющее рассматривать страну как сложный комплекс этнокультурных, пространственных, исторических, языковых, символических представлений. Его ключевыми категориями являются оппозиция «свой-чужой», национальная идентичность и самоидентичность, стереотип, ментальная модель, локальный текст и диалог культур. При этом образ страны понимается не как неизменная совокупность устойчивых признаков, а как динамическая структура, трансформирующаяся под воздействием исторического опыта и межкультурных контактов. Также методологию исследования составил опыт исследования локальных текстов.

В этом свете казахстанский текст предстает как динамичная литературная конструкция, включающая темы культурной памяти, транслингвальной идентичности и национальной репрезентации. Через призму имагологии ученые могут исследовать, как создается, оспаривается и реконструируется образ Казахстана в литературном дискурсе. Взаимосвязь между самопрезентацией и внешним восприятием остается ключевой областью исследования, подчеркивая эволюционный характер казахской литературной идентичности в глобальном культурном ландшафте

Образ Казахстана в современном литературном пространстве следует изучать как многоуровневую изменчивую систему, в которой традиционные стереотипы взаимодействуют с новыми моделями гражданской, культурной и гибридной идентичности. Имагологический анализ позволяет выявить устойчивые способы репрезентации страны, но и проследить их переосмысление в различных языковых, культурных и медиальных контекстах. Такой подход создает методологическую основу для комплексного исследования того, как образ Казахстана конструируется, передается и трансформируется в национальном и мировом культурном дискурсе. Обращаясь к образу страны в литературе, мы рассматриваем то, как объективируется национальное и как оно взаимодействует с инонациональным в тексте.

В литературе, воссоздающей образ Казахстана, дифференцируется три группы авторов: писатели и поэты, родившиеся в Казахстане, но покинувшие его пределы; те, кто по той или иной причине оказался в Казахстане, а затем вернулся на Родину; авторы, которые описывают Казахстан извне (зарубежные). Репрезентация образа Казахстана в каждой из этих групп отличается особой поэтикой и требует индивидуальных подход в проведении литературоведческого анализа.

2 РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ «КАЗАХСТАНСКОГО ТЕКСТА» В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, СОЗДАННЫХ ЗА ПРЕДЕЛАМИ КАЗАХСТАНА

2.1 Поэтический корпус «казахстанского текста»

2.1.1 Имагологические особенности отражения «казахстанского текста» в поэзии П. Васильева

На рубеже XIX–XX веков национальная самобытность Казахстана начинает осмысляться в европейской литературе через первые попытки включения его в художественные тексты как особого культурного пространства. Если в документальных источниках образ Казахстана к этому времени уже приобрёл устойчивый и самостоятельный характер, то в художественной традиции он только начинает формироваться. В русской литературе это проявляется не только в постоянстве обращения к казахстанской теме, но и в разнообразии способов её художественного воплощения.

Павла Васильева нередко называют поэтом-евразийцем, так как его творчество формируется на пересечении традиций «русского мира» и евразийского мировидения. В его поэзии это проявляется особенно ярко: биографические обстоятельства и природная одарённость позволили ему органично соединить культурные основания Востока и Запада. Как отмечает Н. С. Васечко, Васильев «соединил два народа – казачий и кочевой, две страны – Россию и Казахстан, два континента – Европу и Азию». Такое сочетание делает его творчество уникальным и выделяет на фоне других поэтов [99, с.41].

Определённость национальных представлений, включающих нормы, ценности и устойчивые характеристики, помогает понять и «чужое», инонациональное. По словам С.Б. Королёвой, каждая культура формирует собственные способы восприятия и закрепления образов других народов, отражая их отдельные черты либо национальную сущность в целом. Именно в этом аспекте исследователь связывает инонациональное с важными положениями имагологии – дисциплины, изучающей репрезентацию и восприятие «своего» и «чужого» в литературных текстах [100, с.19].

Межлитературные связи разных народов были подробно исследованы А.Н. Веселовским и В.М. Жирмунским. Последний в работе «Сравнительное литературоведение. Восток и Запад» подчёркивал обилие параллелей между фольклором и средневековой литературой различных регионов и утверждал, что сопоставление художественных традиций позволяет выявить не только общие закономерности, но и национальные особенности [101, с.22].

Система образов казахского народа в лирике П. Васильева может рассматриваться как целостная концепция, поскольку она строится последовательно, отражает социальные, этнографические и политические изменения в жизни Казахстана и одновременно несёт отпечаток личного восприятия автора.

Павел Васильев родился в Зайсане Восточно-Казахстанской области, позже жил в сибирских городах и много путешествовал по Средней Азии. Эти

биографические обстоятельства сформировали в его поэзии своеобразное переплетение русских и казахских образов и реалий. В стихотворении «Азиат» (1928) лирический герой говорит:

Хоть волос русый у меня,
Но мы с тобой во многом схожи:
Во весь опор пустив коня,
Схватить земли смогу я тоже [102, с.30].

По замечанию философа И.А. Ильина, в русской литературе есть писатели, чьё творчество тесно связано с биографией, и Васильев относится именно к этому типу. Его произведения основаны на непосредственных впечатлениях, полученных от наблюдения жизни и природы [103, с.216].

Путешествие 1923 года по Иртышу до озера Зайсан он зафиксировал в дневнике, а юношеские размышления о мире и искусстве вошли в рукописные сборники начала 1920-х. Поездки по Казахстану в конце 1920-х – начале 1930-х годов вдохновили его на создание цикла «Песни киргизов-казахов» и ряда стихотворений, опубликованных в центральных изданиях. Командировка на Арал и Каспий дала материал для очерков и репортажей.

В художественной интерпретации жизненные впечатления воплощаются у Васильева в образах-аллюзиях, повторяющихся деталях, комбинированных образах, экзотических мотивах и даже идеологемах, формирующих у читателя ощущение особой художественной действительности.

Родительница степь, прими мою
Окрашенную сердца жаркой кровью
Степную песнь!.. [102, с.27].

Приравнивая степь к символам сердца и песни, автор подчеркивает неразрывную связь поэта с родной землей, дарующей ему вдохновение. Лейтмотив степи проходит через весь текст, усиливая мотив благодарности и верности. Обращение, вынесенное в начало стихотворения, задаёт эмоциональный тон и динамику развития сюжета. Такая композиционная особенность характерна для многих стихотворений Васильева конца 1920-х – начала 1930-х годов. Основная тема стихотворения П. Васильева раскрывается с первых строк. Обращение, вынесенное в начало текста, задает напряженность и динамику развития лирического сюжета. Как правило, лирическое действие разворачивается сразу, элементы, затягивающие развитие лирического сюжета отсутствуют. В качестве зачина стихотворения нередко используется форма непосредственного обращения «*Сибирь, настанет ли такое…», «Корнила Ильич, ты мне сказки баял…», «Товарищ Стэнман, гляди...»*[102].

Образы казахского народа представлены у поэта в традиционном ключе – кочевая культура, быт, природное пространство, – но при этом вписаны в новые социально-политические реалии XX века. Васильев сочетает русскую поэтическую манеру с элементами казахской культуры, включая фольклор и лексику. Благодаря знанию языка он тонко воспроизводит национальные особенности. Мужской образ в его текстах чаще всего традиционен; нередко лирический герой сравнивает себя с казахом, подчеркивая духовное родство. Цикл «Стихи Мухана Башметова» (1932) ярко иллюстрирует такую идентификацию, например:

«На скучающих набегах козлодранья
К ногам старейшим сбрасывал трофей» [102, с.80].

Поэт демонстрирует знание казахских обычаев, включая народную игру «қоқпар», основанную на борьбе всадников за тушу козла.

Образ казахской женщины у Васильева также многогранен: он представлен и в традиционной форме, и в контексте городской модернизации. В стихотворении «Азиат» (1928) он описывает девушку из аула:

И там, в предгории Алтая,
Мы будем гости в самый раз.
Степная девушка простая
В родном ауле встретит нас [102, с.49].

В следующих строках возникает уже другой образ – современной девушки, у которой «подкрашенные губы», символизирующие новые социальные ориентиры и утрату традиции уплаты калыма. Это образ женщины, чья независимость вызывает напряжённое восприятие лирического героя. В «Стихах Мухана Башметова» встречается и такая строка:

Я, Мухан Башметов, выпиваю чашку кумыса, –
Единственный человек, которому жалко,
Что пропадает твоя удивительная краса
И никому ее в пыльном городе не жалко! [102, с.80]

Художественные представления о казахской женщине у Васильева соотносятся с гендерной проблематикой, затронутой казахскими писателями, особенно после прихода советской власти, когда традиционные устои вступили в противоречие с новыми правовыми нормами.

В стихотворении «Конь» возникают элементы казахской геопоэтики:

Топтал павлодарские травы недаром,
От Гробны до Тыса ходил по базарам… [102, с.69]

Точные локации – Гробна (устаревшее название озера в селе Шарбакты), Тыс (Истембет) определяют масштабы поэтического пространства поэмы. Традиционный степной ландшафт реализован через конкретное упоминание или составляющие символа: «сожженная степь», «степные костры», «ветер полыни», «по гривам песков».

Лирический герой репрезентирует культурный код «конь», который задан уже в названии стихотворения. В авторском сознании традиционное казахское отношение к скакуну как к статусному знаку бытования:

Залетное счастье настигло меня –
Я выбрал себе на базаре коня. [102, с.70]

В поэтическом творчестве П. Васильева обнаруживаем семантическую проекцию «конь» – «прошлое». В стихотворении «Павлодар», где противопоставлены образы детства в старом, дореволюционном городе, и социалистическая стройка, преображающая малую родину поэта, конь соотносится со счастливым прошлым:

А! это тёплой
Мордою коня
Меня опять
В плечо толкает память! … [102, с.120]

П. Васильева можно считать первым поэтом, реализовавшим поэтический «павлодарский» текст на русском языке, заложившим традиции репрезентации образа этого казахстанского города, позднее наблюдающееся, к примеру, у Всеволода Иванова в «Похождениях факира» или в мемуарах А.В. Миля и Г.А. Бешкарева. О последних предметно пишет И.О. Приходченко, обнаруживающий традиционные черты «павлодарского текста»: «Между произведениями А. Сорокина, Вс. Иванова, П. Васильева с одной стороны и А. Миля, Г. Бешкарева с другой прослеживаются переклички мотивов и образов (степь, соль, река, песок, ветер, глушь, нищета, казахи, казачество и др.), что позволяет считать их устойчивыми для названной эпохи» [104, с.11]. И.О. Приходченко считает, что мемуаристы-ссыльные реализуют «павлодарский текст» в рамках «мифологической пограничности» [104, с.13], приписывая казахстанскому ландшафту крайне отрицательные погодные черты, сопряженные с наименьшей благоприятностью для проживания. И это, как отмечает, исследователь, связывается с образами бурь, метелей, песка, ассоциированного у ссыльных с Советской властью. Фактически здесь идет речь об ассоциации «казахстанский» – «чужой», неродной. Мировоззрение П. Васильева коренным образом отлично от описанного. Для павлодарского поэта составляющие казахстанского ландшафта ассоциированы с ощущением полноты, счастья. Гармоничный синтез казахского и русского в поэтическом сознании П. Васильева позволяет говорить о гибридной идентичности его творчества. Если И.О. Приходченко

отмечает образ Павлодара у Г.А. Бешкарева в мотивах «города-тюрьмы, города-сна, города-болота, а также города-подростка», то в творчестве П. Васильева Павлодар находится в смысловом поле «Родина». Обратимся к стихотворению «Павлодар». Уже в первой строке город персонифицируется:

Сердечный мой, мне говор твой знаком.
Я о тебе припомнил, как о брате,
Вспоенный полносочным молоком
Твоих коров, мычащих на закате. [102, с.118]

«Павлодар» Васильева выступает как собеседник лирического героя. Через номинацию «брат» происходит олицетворение города и выстраивается мотив семейственности, через который образ воспринимается как часть идентичности героя.

Следующие строки:

Мой Павлодар, мой город ястребиный…
…полынные, родные пустыри… [102, с.119]

– продолжают выбранную поэтическую стратегию.

Для П. Васильева Павлодар – город детства, малая родина. В стихотворении описание города сосредоточено в проекции прошлого:

Так ветренен был облак надо мной,
И дни летели, ветреные сами.
Играло детство с лёгкою волной,
Вперяясь в неё пытливыми глазами. [102]

Через метафору эмоционально реализуется мотив ностальгии:

Зажмурь глаза – по сердцу пробегут
Июльский гул и лепет сентябриный. [102, с.119]

Павлодар прошлого наполнен множеством самых разнообразных поэтических звуков, запахов, движений, создающих ощущение жизни: мычание коров («Твоих коров, мычащих на закате»), нестатичные деревья («И кланяются низко тополя») и дворы («Калитки раскрывая перед ними»), деревенский транспорт («И прыгали в овсах Костистые и хриплые телеги») сезонный шум («Июльский гул и лепет сентябриный»), природная динамика («Все в листьях, все в пыли», «Так ветренен был облак надо мной», «Приречных ветров шалость»)в. Анализ авторских смыслов в стихотворении обозначает важную бинарную оппозицию «прошлое – настоящее» через образ города, между которым и деревенским пространством практически нет границ. Коровы, пустыри, тополя – эти составляющие ландшафта практически

не соотносятся с образом города. Но с началом строительства завода прежние составляющие павлодарского текста Васильева исчезают, вытесняются урбанизированными элементами современности. В финале стихотворения поэт стремится соединить прошлое и настоящее и принять этот новый образ города через компромисс:

Полынные родные пустыри
Завод одел железною листвою. [102, с.120]

Локальный павлодарский текст формируется как выход через локальные знаки на семантический уровень. К составляющим павлодарского локуса в проекции прошлого относятся три группы символов: дом и то, что его окружает (Амбары, палисадник, старый дом В черемухе; герань в расхлопнутом окне), городские составляющие текста (даль маячит старой колокольней; По Троицкой мы с песнями прошли И в прятки на Потанинской играли?; Ведя вдвоём средь скотного двора Весёлые охотницкие игры.), приречный ландшафт (кланяются низко тополя; камыши, утренняя вода, приречный ветер). Современный лирическому герою Павлодар описан без детализации. Ключевой характеристикой городского текста во второй части стихотворения становится образ стройки: «Строительство окраин городских». В советском Павлодаре лирический герой ищет и не находит привычных, родных, составляющих пространства. Вместо них появляется «Советское, антихристово чудо» – завод.

Можно сказать, что в стихотворении «Павлодар» Павла Васильева город выступает не как нейтральное географическое пространство, а как личностно значимый локальный текст. «Павлодарский текст» Васильева – сложная система природных, бытовых, исторических и культурных знаков. Павлодар одновременно существует в трех измерениях: как город детства, пространство памяти и современный автору индустриальный центр. Читатель ощущает общую дисгармонию лирического мира, возникающую как противопоставление образа города из светлого детства и нового городского пространства.

Традиционной становится для «павлодарского текста» Павла Васильева связь города и воды. В стихотворении «Иртыш» воссоздана яркая картина казахстанской природы, созданной на фоне созидательного эмоционального поля. Для автора простор Иртыша становится образом, воплощающим традиционную для русской классической поэзии символ свободы:

Река просторной родины моей,
Просторная, [102, с.194]

В стихотворении дифференцируется две условные части. Первая описывает мир Иртыша. Реализуя фольклорные мотивы подводного царства, автор вносит в поэтический текст восточные сказочные элементы: «князь рыб

и птиц», «И в погребах песчаных в глубине», «У сундуков незапертых на дне», «Сверкни, Иртыш, их перстнем золотым!», «Маши турецкой кистью камыша».

Во второй смысловой части стихотворения мифологическое описание уступает реалистическому образу «товар-пара». Гротескный символ промышленной мощи и достатка, он соотносится с образом процветания советской страны. Образы созидательного труда, традиционные для социалистического реализма,

Катайте бочки, сыпьте в трюмы хлеб,
Ссыпайте соль, которою богаты.
Мне б горсть большого урожая, мне б
Большой воды грудные перекаты.

Чтобы Иртыш, меж рек иных скиталец,
Смыл тяжкий груз накопленной вины,
Чтоб вместо слёз на лицах оставались
Лишь яростные брызги от волны! [102, с.195]

В целом формирование поэтического мировидения Васильева на пересечении двух культур привело к созданию многосоставной концепции образов казахского народа. Поэт воспринимает их и в историческом, и в современном аспекте. Подобная концепция демонстрирует возможность динамичного развития инонациональных образов в литературном тексте.

Особенности художественного восприятия «чужого» мира проявляются в нескольких моментах. Во-первых, в вопросе самоидентификации, решаемом через сочетание признаков двух народов. Павел Васильев в определённой степени отождествляет себя с другой культурой, что влияет на образную систему и характер лирических героев. Таков, например, Мухан Башметов.

Во-вторых, стремление создать концепцию образов иного народа включает как традиционные, так и индивидуализированные черты. Женские образы – один из примечательных примеров такой динамики: они отражают как традиционный уклад, так и процесс изменения гендерных норм. Это перекликается с повестями и романами казахских авторов, поднимающих те же социальные вопросы.

Наконец, самобытность инонационального мира отражается в стиле, жанре, композиции, использовании фольклорных элементов, национальной лексики и жанров казахской устной традиции. Особенно значимы топонимы Восточного и Центрального Казахстана, а также образы, связанные со строительством Турксиба. Их активное включение демонстрирует этапы знакомства русского читателя с Казахстаном, а языковая адаптация казахских слов на разных уровнях показывает способы их органичного включения в русскую поэзию. Такое объединение элементов двух культур способствует созданию цельного художественного пространства Казахстана в текстах первой половины XX века.

2.1.2 Репрезентация «казахстанского текста» в поэзии Л. Щеглова

Лев Щеглов – писатель, в биографии которого Казахстан занимает несколько лет творческой и общественной деятельности. Будучи журналистом, он долгое время работал в газете «Вечерняя Алма-Ата», параллельно занимаясь поэзией, в которой воплотились образы ставшей для него второй родиной казахской степи.

Для Л. Щеглова как носителя русской культуры Азия парадоксальным образом не экзотична. Это – органическая часть евразийского пространства, объединенного посредством синтеза двух противоположностей – западного и восточного типов сознания-мышления. Евразийский образ мышления Л. Щеглова позволяет органично переплетать в стихотворной ткани европейские и азиатские мотивы. Субъект поэтического повествования в лирике Л. Щеглова воплощает в себе два начала:

Меж Европою и Азией
Ходит-бродит человек.
И не то чтобы могущество
Непомерное дано,
Но, однако, преимущество
Тут имеется одно:
Он Европу мерит Азией
И потом наоборот. [105, с. 49]

Способность «мерить» – то есть осмысливать, трансформировать и присваивать – делает человека сильнее, умножает его гуманитарную мощь, обостряет чувствование, способность видеть «красоту и безобразие» объективно, не через оппозицию «свой» – «чужой», а путем эстетически выверенного объединения. Например, в стихотворении «Казахи в Китае», где анафорическое начало вносит аспект чужеродности:

Чужая родина. Чужой кругом народ.
Чужие реки и чужие камни.
Чужая жизнь по-чуждому течет. [105, с. 257]

Но уже следующая строка традиционно для Л.Щеглова объединяет «свое» и «чужое»:

И только небо общее над нами… [105, с.257]

Основание объединения, по Щеглову, в «сравнении», «похожести», и вот уже лирический герой замечает, что на китайской земле «лежит такой же снег, Как и в родных», «Такие же отроги», «в дождях… различья нет», «И так же вьются по степи дороги».

В поэтическом сознании автора современный культурный субъект, способный свободно перемещаться между двумя частями света, помещается на более высокий статус: в щегловской социальной иерархии на высшем уровне находятся передвижники, люди, не привязанные к определённому месту и обладающие свободой перемещения, а значит, свободой от обязательств и давления, и они становятся идеалом человека для автора. Воплощая архетипический образ странника, поэт реализует в стихотворении казахский номадический образ. Кочевник – древний носитель казахской культуры – включен здесь в ряд передвижников разных территориальных принадлежностей:

Знают истину кочевники,
Пилигримы и ходжи. [105, с. 275]

Лев Щеглов создает космогонический образ кочевника как тип мудреца-странника. Архетип кочевника, ассоциированный с казахской антропологической индивидуальность, приобретает новую семантику, зачастую транслируемую через метафорический образ лирического субъекта, тоже странствующего, притом не только в пространстве, но и во времени. Так, в стихотворении «Тост на тое» четко обозначена связь времен в воплощении образа Азии: будущее соединяется с прошлым через образ археологии.
Кочевничество реализуется через глагольную семантику: «*Ухожу в Казахстан*» [105, с. 275]

Зооморфный культурный код казахской степи воплощен Л. Щегловым в стихотворении «Драмодер». И здесь традиционной автором осуществлено переплетение природных образов России и Казахстана:

В лес тебе бы ходить по грибы,
Ну а мне бы твои горбы,
Чтобы класть туда про запас
Все, что есть у меня сейчас,
Чтобы в черный, голодный час
Тот запас
От бездумья спас. [105, с.50]

Зооморфный культурокод встречается также в образах белого марала («Белый марал искупался в сиянии лунном»),

Поэтический образ степи реализуется через культуремы: степное копыто («Сегодня»), аксакалы, айран, каменная баба, юрта, джайляу, кошма, барханы, верблюды, аксакалы, пески, степь («Я учусь у Востока мудрости»), камыш, саксаул, арык, пол-аула («Ухожу в Казахстан»), Отрар («Где ты, город Отрар?»), тулпар, Хан-Тенгри («На открытие радиожурнала «Пегас»), музыкальный культурный код – «песенка «Бул-бул», «Бибигуль – серебряное

горло». Современное пространство степи также принимает форму казахстанского текста:

Сижу и акынствую у Балхаша…[105, с. 80]

Вся наша толчея и маета
Ушла бы в Лету не запечатленной,
Когда б «Вечерняя Алма-Ата»
Была бы в жизнь не такой влюбленной…

Войны суровые года
Прошли давным-давно,
Когда столица была Алма-Ата
Столицею кино. [105, с. 130]

Феномен Казахстана, реализующиеся через концепты евразийства, дружбы, многонациональности, а также различные культурные коды: ландшафтные, музыкальные, гастрономические – и другие составляющие поэтической картины мира.

Вот содружество наций
И вечная общность судеб. [105, с. 277]

Творчество Л. Щеглова становится иллюстрацией воплощения евразийства, с одной стороны, и репрезентатом казахского текста.

Подводя итоги, можно сказать, что Казахстан в поэтическом мире Щеглова становится тем пространством, в границах которого расположены все важные для лирического героя временные, культурные, биографические, духовные ориентиры. Особая философская и эстетическая значимость этих составляющих передается через особый лиризм и обостренную личностную наполненность.

Евразийская идентичность автора складывается из западного – идущего от генетических истоков, и восточного – приобретенного через приобщение к казахской культуре – гармонично воплощается в различных поэтических структурах. Лирический герой Щеглова осмысляет мир через сопоставление и диалог культур. Он принимает различные образные формы: это странник, пилигрим, номад, свободный, кочевник, становящийся символом мудрости, независимости и гуманитарной уникальности.

В текстах Л. Щеглова реализуются разнообразные культурные коды Казахстана, реализующие философию объединения западного и восточного через мотивы объединения, а не разделения и противопоставления культурных идей. Дружба, многонациональное единство, мир и гармония населяют «казахстанское» пространство в поэзии Льва Щеглова.

2.1.3 «Казахстанский текст» В.В. Савельевой и И.В. Лебедевой

Среди поэзии, созданной за пределами Казахстана и тематически находящихся в казахском культурном пространстве, можно назвать произведения В.В. Савельевой, Л.В. Коваленко и И.В. Лебедевой.

В.В. Савельева – доктор филологических наук, профессор, долгие годы занимавшаяся преподавательской деятельностью в КазНПУ имени Абая, автор учебников по русской литературе для школ с русским языком обучения, покинула пределы Казахстана и сейчас проживает во Франции, посвятив себя поэзии. Одно из ее стихотворений художественно воплощает элементы «алматинского текста»:

Парку моего детства
Этот парк мне родной, как отец,
странно весел, раскован и светел,
и сияет квадратами стёкол
горделивый собор-удалец.
У огня без меня столько пар
возлагали цветы и желанья.
Жизнь, не слыша мои оправданья,
как воздушный возносится шар.
По квадрату пространства его
иномарки, маршрутки, трамваи
заключают его, обвивают,
обрамляя свечением фар.
И когда облетает листва,
и становятся ели стройнее,
я ищу те слова, что успею,
тоже сбросить, пока я жива. [106, с. 39]

Уже в рамке художественного текста обнаруживается семантическая связь «город – детство», перенося временные ориентиры в прошлое. Символическое перенесение черт родного человека на образ городского пространства усиливает семантику родства. Для лирического героя парк осознается как синоним родного, воспоминания из детства. Точные приметы парка имени 28-гвардейцев-панфиловцев: «собор-удалец» с квадратными стеклами, вечный огонь, традиционное место паломничества молодоженов, звуки шумной транспортной магистрали – привносят в эмоциональный фон ощущение реального присутствия. Ландшафтные элементы лирического пейзажа – листва, ели – дополняют изобразительный фон стихотворения. А отождествление лирической героини с осенним деревом переводят смысловую доминанту в философскую плоскость: центр лирического описания находится именно в последних стихах, передавая авторское ощущение бренности жизни и необходимости признания в любви родному городу.

Неслучайным и кажется именно осенний фон пейзажа-воспоминания, вносящим в эмоции лирического героя минорность и образы увядания природы и зрелой жизненной поры. Лексемы «успею», «пока жива» точно обозначают преклонный возраст как один из семантических смыслов стихотворения. Небольшое по объему, стихотворение «Парку моего детства» предстает как сложное пространство-время, которое можно представить схематически:

Рисунок 2 – Схема стихотворения «Парку моего детства»

Лирическое описание стихотворения «Парку моего детства» осмысливается не как внешний пейзаж, а часть личной биографии. Локальное пространство алматинского – шире – казахстанского текста – придает парку черты хранителя прошлого. Перекликаясь с прозаическим воплощением Вознесенского собора у Ю.О. Домбровского, образ собора у В.В. Савельевой закрепляет за культурным ландшафтным кодом охранительную функцию. К символическому ряду, семантизирующему память, относится и Вечный огонь, и через него передаются мотивы пространственной удаленности, свойственной эмигрантской поэзии: «У огня без меня столько пар возлагали цветы и желанья». Так «казахстанский текст» принимает в поэзии В.В. Савельевой форму «алматинского текста», что обусловлено биографическим контекстом создания произведения.

Перекликается с этим стихотворением и поэзия еще одного представителя эмиграционно-диаспорального направления авторов «казахстанского текста» – И.В. Лебедевой. В центре ее поэзии – ностальгия по Родине, которое ярко прослеживается в стихотворении «Без тебя, моя Алма-Ата».

Ноет в разлуке сердце,
Стонет и кричит душа,
Я смертельно раненая птица
Без тебя моя Алма-Ата.

В мистическом кругу сновидений
То смеётся, то плачет домбра,
Я порванная её струна
Без тебя моя Алма-Ата.

Жизнь моя как войлок тускииза –
Причудливых пёстрых узоров канва.
Заплутала я в ней и потерялась…
Без тебя моя Алма-Ата. [107]

Лирическая героиня передает глубокую эмоциональную связь с родным городом. Алма-Ата здесь не просто символ Казахстана, но и синоним Родины, дома, детства. Центральной темой стихотворения становится разлука с родными местами, ощущаемая как глубокая потеря. Эпифоральное «Без тебя, моя Алмата» усиливают боль, испытываемую лирической героиней, передаваемой смысловыми маркерами «стонет и кричит душа», «смертельно раненая птица», «то смеется, то плачет домбра». Родина как символ гармонии, потерян, и поэтому жизнь вне города предстает как лабиринт, а сама лирическая героиня – как заплутавший путник. Традиционный для эмигрантской литературы символ пути теряет свою конечную точку, превращая путь героини в бесконечность.

Алма-Ата персонифицирована, а обращение «моя Алма-Ата» превращает город в близкого для лирического героя человека. Образная система развивается последовательно: «сердце и душа» – «раненая птица» – «плачущая домбра» – «порванная струна» – узор тускииза» – «лабиринт». Казахские культуремы используются поэтом для локализации символа Родины и для включения образа лирической героини в казахское культурное пространство. «Я порванная ее струна» – эта строка объединяет страну и человека в одно гармоническое цело, а мотив разорванности – нарушает эту гармонию единения.

Город Алматы (Алма-Ата) выполняет в стихотворении несколько функций: родина, пространство памяти, источник культурной идентичности, духовный дом, центр гармонии, придающий смысл жизни и приносящий покой.

Рассмотренные поэтические произведения позволяют проследить следующие тенденции данного направления: Казахстан предстает в ней не

просто географическим пространством, а утраченным культурным домом, сохраняющимся в памяти лирического субъекта. Его образ создается посредством устойчивых пространственных культурных кодов – степи, гор, Алма-Аты, Арала, аула, домбры, национального орнамента и др. Казахские культурные коды становятся знаками личной и коллективной памяти.

Одной из ведущих тенденций становится соединение ностальгического и драматического поэтических дискурсов: разлука с Родиной всегда трагичная и болезненна. Пространственная дистанция осознается как внутренний разрыв, потеря гармонии, ориентира на жизненном пути.

Одна из особенностей репрезентации «казахстанского текста» поэтов эмиграционно-диаспорального направления – переключение кодов. Лирический герой постоянно сопоставляет казахские и иный культурные реалии, используя казахизмы, геопоэтические элементы, включая их в пространство мирового перемещения.

«Казахстанский текст» формируется на пересечении семантики памяти, утраты Родины, совмещении нескольких мифологических систем, гибридной идентичности. Типичными признаками этого типа казахстанского текста» становятся мемориализация казахстанского пространства, формирование локального текста, преобладание мотива разлуки с Родиной, сближение образов города, дома и родного человека, символизация казахских культурных кодов, соединение личной и коллективной памяти, трансформация хронотопа родины и – главное – сохранение культурной идентичности за пределами Казахстана.

2.2 Прозаический корпус «казахстанского текста»

2.2.1 «Казахстанский текст» в прозе Е. Зейферт: поэтика повести «Плавильная лодочка»

Представленное исследование родилось на стыке имагологии, литературоведения и структурной антропологии. Рассмотрим, как и в какой степени каждое из научных направлений методологически реализовано при изучении образа Казахстана за пределами страны. Одним из новых направлений литературоведения является имагология – научное исследовательское течение в компаративистике, которое в качестве объекта изучения выдвигает образ «чужой» страны или образ «своей» страны в чужом культурном пространстве. Поскольку имагология является междисциплинарным научным феноменом, источником ее исследования могут быть различные объекты, в зависимости от поставленной цели: социокультурные реалии, архивные источники, устные свидетельства. В зависимости от цели и задач наук, занимающихся вопросами имагологии, можно выделить ее типы: историческую, социологическую, политологическую, лингвистическую и т.п. В рамках настоящего исследования материалом художественной имагологии служат художественные произведения, созданные вне Казахстана. При этом воссоздается образ страны как национального стереотипа, сохраняющегося и транслирующегося вне зависимости от нахождения автора-носителя

казахстанских культурных кодов. Несомненно, и это отмечает, к примеру, Е.В. Папилова [108, стр. 35] (которая выделяет историческую, художественную, литературоведческую, фольклорную виды имагологии), художественная (и литературоведческая) имагология в отличие, к примеру, от исторической, не обладает такой же достоверностью. Но художественное произведение может точно передать духовные основы национального сообщества, которое воплощается в «чужих» или «своих» образах на контрастном поле. Е.В. Папилова обосновывает тезис о том, что имагологию «следует признать отдельной дисциплиной» [108, с.36] и называет ее «отраслью компаративистики» (там же).

Настоящее исследование рассматривает два направления репрезентации образа казахов и Казахстана в литературе. Первую группу составили тексты авторов, которые являются этническими казахами или теми, кто жил в Казахстане и покинул ее территорию. Вторая группа авторов не имеет и не имели отношения к Казахстану, но по определённым причинам воплотили образ казахов и Казахстана в художественных текстах.

Исследование «казахстанского текста» в произведениях, написанных вне Казахстана, – особый художественный феномен. Здесь приложимы и методы имагологии, поскольку вненаходимость на исторически ассоциированной с Казахстаном территории позволяет искать репрезентацию «своего» и «чужого» или «чужого», ставшего «своим» или «своего», ставшего «чужим». Носитель казахстанской культуры, вне зависимости от принадлежности к казахской нации, неизменно воплощает ее на «чужой» территории и важно рассмотрение различных форм и степеней этого воплощения.

Следует отметить, что все перечисленные работы не дают полной картины репрезентации образа Казахстана и казахов в художественной литературе. Это стало поводом к реализации исследования имагологии Казахстана на примере конкретного произведения – повести Е. Зейферт «Плавильная лодочка» [109].

Мы понимаем под «казахстанским текстом» сверхтекст, концентрирующий культурные коды, транслирующие реалии, образы, мотивы, идеи казахской национальной и общеказахстанской ментальности. К методам, использованным в исследовании, относятся анализ, синтез.

Повесть Е.Зейферт «Плавильная лодочка» имеет подзаголовок «Карагандинская повесть». В ней показана жизнь героев с 1766 по 2018 год. Пунктир судьбы немецкого народа в СССР создают множество судеб героев повести, переживших в XVIII в. переезд из Германии в Россию, депортацию в начале 40-х годов с Поволжья в Казахстан. Это повесть о поисках дома, которым для советских немцев стала Караганда.

«Плавильная лодочка» композиционно делится на две части: «Пеленальщик» и «Мяч луны». Но этой формальной композицией текст не исчерпывается. Говоря о жанровой форме и ритме повести, можно привести слова самого автора, который в своем You Tube канале в подкасте о писательском мастерстве описывает творческий процесс через необычную категорию – «единица дыхания» [110] – «главку или часть главы» [109], тем

самым обозначая композиционный характер этой авторской единицы объемом 5-7 или 9 тысяч знаков. Тема творчества – ведущая и в самой повести «Плавильная лодочка»: «Эпос – лирика – драма. Их кристаллизация завершена и гармония аксиоматична. Видящий их становится соавтором нанесения на них природой последнего мазка» [109, с.68]. Для автора творчество и человеческие чувства – «чувства друзей или любящих юмор или сопереживание» – идентичны и совершенны» [109, с.68].

Композиционно не выделены, но параллельно разворачиваются следующие сюжеты:

1. Жизнь немцев в Поволжье.
2. Изгнание из Поволжья и жизнь в Караганде.
3. История семьи Люки: из Германии в Россию.
4. Любовный треугольник: Фридрих – Лидия – Марк.
5. Жизнь Марийки в Караганде. Возвращение Эльзы.
6. Жизнь Ани в Караганде. Встреча Кирилла и Ани.
7. Любовь Йоханны и Юлиана.

Каждый структурный элемент текста предваряет рамочный элемент, прогнозирующий содержание. Рамочный текст, предваряющий повесть, представлен на двух языках. Dieses ganze weite Land in die so genannte Wiesenseire der Wolga und erstreckt sich ais so geartete Stepe njch weiter über den Uralfluß hinaus bis tief ins Herz Asiens. Это цитата Антона Шнайдера из произведения «История о Киргизен-Михелеи прекрасной Амми из Мариенталя».

«Рамка. 2004. Сильное существо льнет ко мне и целует подол моего платья. Возможность удержаться не нескольких плотах сразу» [109, с.7].

Две крупные композиционные части повести также разделены рамочным элементом: текстом, датируемым 5 сентября 2016 года (Москва), в котором Е. Зейферт в качестве реального автора обращается к теме семинаров по «Плавильной лодочке». Здесь обнаруживается авторская мысль о парадоксальности объединения Германии, выходящая на привычный для автора метафорический уровень: «Стена обрушилась до языка во рту, и горизонт его поражает» [109, с. 84].

Для повествователя как транслятора авторской идеи повесть ассоциируется с живым существом: «живая энергия» [109, с.7]. После рождения повесть сливается с автором и «молчит». Описание процесса рождения творческого продукта отсылает к мифическим сюжетам, например, в эпиграфе «1941. Изгнанник укачивает в себе дом. Марийка течет жидкой металлической речкой» [109, с.13]. Далее маленькая героиня ассоциирует себя с «огромной коровой» [109, с.16]. Для автора дом тоже отождествляется с живым организмом: с ребенком – его окна – это глаза: «пять ослепших от красного цвета окон» [109, с.52], с животным – «Прозрачный, приземистый, как краб, внутренний дворик жмется от дождя к земле» [109, с.100].

Хронотоп в авторском сознании четко разделен на две составляющие – время и пространство – это манифестирует повествователь в самом начале повествования, причем реальное время и художественное время совпадают:

«Все времена протекают одновременно, меняются только пространства, их декорации и одежды» [109. с.14]. «Повествование всегда идет в настоящем времени и синхронно, будь то изображение эмиграции из Германии в Россию, раскулачивания, войны, депортации, трудармии, эмиграции из России в Германию», констатирует автор [109, с.14-15]. Это не означает отсутствия прошлого во временном поле. Парадокс конструирования хронотопа в повести Е. Зейферт состоит в том, что прошлое и настоящее в ней функционируют одновременно, они не имеют четкого разделения. В повествовании нет переходов между временами: для автора существует только здесь и сейчас художественного времени, и читатель также ощущает себя участником происходящих в образно-настоящем времени действий, какой бы исторический период ни описывался: в описании плывущих на барже поволжских немцев «времена вцепились друг в друга» [109, с.41], исторические персонажи, реальные люди из разных эпох оказываются на одной временной оси координат: братья Христиан Август и Люка переносятся в 1766 год, их отец Каспар оказывается в екатериненштадском храме, бабушка Розы вместо внучки прячет паспорт с немецкой фамилией, Николай Гастелло в вечном небе 1941, умирающие ссыльные в карагандинской степи.

Местами время в повести олицетворяется: «Время пророчески смеется, ему вторят земляные черви духов» [109, с.44]. Оно живое, подвижное, своенравное и всезнающее. «…их (немцев – А.Г.) сбило в кучу – время или другое ненормальное существо вырвало из гнезд, семей, щелей, потемок» [109, с.89].

Наряду с мифопоэтической формой времени в повествовательном времени вычленяются и классические явления хронотопа, к примеру, во сне Марийки, который она видит в «tepluschka» поезда. Для героини сон – попытка «изменить реальность» [109, с.17] или избавление: если мама возьмет Марийку с собой в сон, ее ждет избавление. Также сон становится способом наложить настоящее и будущее: «Через пять-шесть лет Лидии снится сон» [109, с.26] – таким образом повествователь описывает происходящее «здесь и сейчас» через воспоминание Лидии, появляющееся во сне в будущем. Во сне про корову Марту Лидия скучает по своей кормилице, вспоминая о прошлой своей жизни, когда в «по ее жилам текла сытная молочная кровь» [109, с.34].

Пространство повести – это путь, «вынужденное странствие» [109, с.18]. На протяжении повествования происходит распределение аксиологического основания в характеристике пространства. Прибытие поезда в Казахстан, в Караганду, на конечную точку пути, сопровождается эпитетами «непривычный», «чужой: «непривычное слово», «слово горькое и грубое. Невкусное. Его хочется выплюнуть» «чужая земля [109, с.18].

Пространственные координаты повести отображены на схеме (рис. 3).

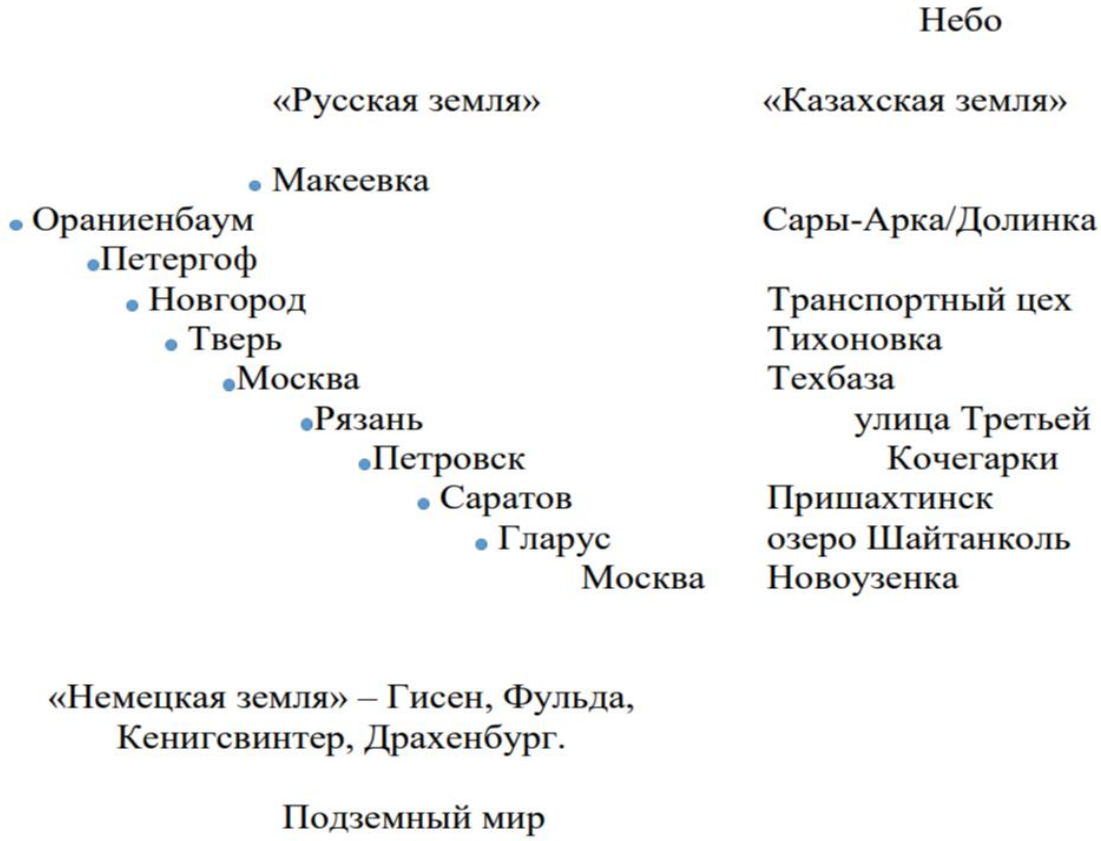

Рисунок 3 – Пространтство в художественном мире повести Е. Зейферт «Плавильная лодочка»

Человек, родившийся в Караганде, по признанию повествователя, «обретает несколько жизней» [109, с.27], одна из которых навсегда остается на казахстанской земле, а «если повезет», то человек сможет «родиться заново» на другой земле. «Повезло», считает Виктору, его новорождённому сыну, который сразу после родов умирает. Жизнь поневоле в чужой стране становится неестественной, чужой. Человек здесь чувствует себя несчастным. Но необходимость выживать приводит к физическим и моральным усилиям, направленным на сохранение рода, даже в домах из земли, в которых «легче привыкнуть к земле» [109, с.28]. Когда немцы Поволжья узнают, что их высылают, бабушка Розы говорит: «Дальше Караганды не сошлют» [109, с.61]. Для переселенцев Караганда ассоциируется с краем земли.

«Казахстанский текст» в повести «Плавильная лодочка» реализуется в нескольких направлениях, но основным остается пространство. Начиная с прибытия в Караганду, оказавшейся «промозглой обветренной октябрьской степью» [109, с.20], описывается через ряд деталей: «рельсы», лежащие прямо на шпалах, без насыпи», «карагандинские шахты» [109, с.21], национальные гастрономические коды – лепешка и курт [109, с.41]. Последний изначально закрепляется в сознании Марийки как «белый камень» [109, с.22]. Номинативный казахский код представлен именами персонажей – Ерканат, Сауле, Бекеновы, Нуршат, образом языка: казахский язык «Марийка уже понимает лучше, чем некоторые немецкие наречия» [109, с.73]. Фридрих тоже

постепенно запоминает казахские выражения: «Быстро идет у него казахский в гору» [109, с.147]. Ерканат удивлен: «да ты послушай, как похожи звуки в казахском и немецком языках», «Пляшут казахский и немецкий языки каждый свои танцы, а движения порой одинаковые» [109, с.147]

Углубляясь в историческое прошлое, автор вводит древние образы монгольских правителей: «в старинной металлургической печи плавятся доспехи Батыя» [109, с.90]. Переход «чужого» в «свое», сближение двух культур происходит постепенно и впервые ознаменовано сменой номинации ссыльных с «изгнанников» на «карагандинских немцев» [109, с.28], то же происходит с «нестираемой» надписью на морозном стекле – «карагандинка» [109, с.42]. И хотя Марийка не принимает это «чужое» слово, кто-то «незнакомый пишет его с той стороны стекла» [109, с.42].

Долго Караганда остается чужой: «эта степь теперь и летом холодит внутренним, замершим в упрямом ползке ноябрем» [109, с. 82]. Русская земля тоже чужая для немцев: сын Люки лежит в «не ставшей родной земле» [109, с.52], «В другой стране Красный дом прячет свой рукав» [109, с.67]. В этой земле лежит «лицо Люки» [109, с.70], ищет в ней ушедшего малыша. «Караганда не для всех становится домом. Но разве поволжский лес был гостеприимнее?» – спрашивает повествователь [109, с.82]. Для Фридриха, который считает «родным» только небо, дым из трубы на земле – «горизонтальные прямые линии» [109, с.48].

В сознании Марийки карагандинская степь – «чужая земля», «странноприимное место» [109, с.41], «Караганда» «пахнет смертью» [109, с.41], хотя уже и любит девочку, она «жестка», подобно металлу [109, с.72], называется «краюхой», «окраиной». Здесь даже снег черный. Но уже к 17 части в тексте возникает риторический вопрос: «…ты мой дом? А где твое крыльцо?» [109, с.72]. «Казахстанское пространство» расширяется «вглубь» и «ввысь» [109,73], карагандинская степь «пахнет белым», и это белое – «полоска лба, не загоревшая под косынкой Божьей Матери» [109, 87], карагандинское небо серое: «Снег померк и стал похож на пепел, цвета птичьего пера в руке Лидии, раскрытых глаз Марка Феликса, обрушившегося на Караганду неба» [109, с.107]. Лидия и Фридрих, обретшие любовь, мечтают вырастить на шесте фиалку, чтобы «наконец запели бы проселочные весенние дороги этого грустного поселка и глаза пространства встретились с людскими» [109, с.106]. «Встреча» здесь символизирует оседание на земле. Принятие себя и принятие других в единстве на казахстанской земле. Для немки Розы, которая вышла замуж вопреки воле отца, за русского, выбор дочери жениха-немца – недостойный выбор: «Нашла бы себе хорошего русского парня-стахановца, нарожала бы русских детишек, нет же, влюбилась в фашиста, и не выбьешь из нее этой дури! Роза произносит это на русском с неистребимым немецким акцентом» [109, с.118].

«Казахстанское» пространство повести – это немецкие и казахские дома, которые красятся поочередно, без договоренности, в цвета друг друга, находятся рядом: «Одна из яблонь, перегнувшись через забор, плодоносит в огород к Бекеновым» [109, с.62], город Темиртау, куда можно доехать на

автобусе, Немецкий драматический театр с синхронным переводом спектаклей на русский язык.

Флора казахстанской степи – источник вдохновения Фридриха: «Ранняя майская степь в этом году еще нет-нет да порадует запоздалыми тюльпанами…Молочный, малиновый, желтый. Любуется пастух – да тюльпан краше розы!» [109, с.148] и невольно запевает немецкий мотив про розы. Два символа цветка – казахский и немецкий – сливаются в сознании Фридриха.

В казахстанском пространстве смешались все культуры и народы, все праздники: на русское Рождество немецкие дети колядуют у домов сельчан – русских, цыган и других. Но строгая бабушка Марийки против культурного смещения: «Мы немцы, Старый Новый год не празднуем» [109, с.99]. Но в детском мышлении казахстанских детей нет разделения культур. В их сознании существует единая поликультурная казахстанская картина мира, где любой праздник не чужой. Узнав, что среди колядующих Йоханна, бабушка пускает детей в свой «стерильный» дом и угощает конфетами.

В сознании выросшего в советском Казахстане поколения немецкое перестает ассоциироваться с родным: «Германия не впускает в себя Иоханну» [109, с.109]: «Она все понимает и сама говорит, но ей мнится, что ее немецкий язык похож на создание Франкенштейна, он слеплен из случайно оживших слов – песенок, сказок и прибауток отца, рассказов напуганных ссылкой бабушек, обрывков уроков, радиопередач, кинофильмов… Она вибрирует и хочет в мир понятных слов, где все прозрачно; «говорящие по-немецки стучат ей по макушке деревянными палочками» [109, с.104];

В авторском сознании проводятся историко-культурные параллели, соотносимые с нахождением немцев в Казахстане. Так в авторском отступлении части 15 вводится интертекстуальный контент: «Ante Roman Treveris stetit annis mille Tresentis. До Рима стоял Трир тысячу и триста лет», смысл которого трактуется повествователем следующим образом: «не у Трира римский фундамент, а у Рима – трирский», «В другой стране Красный дом прячет свой рукав» [109, с.67]. Еще одну интертекстуальную отсылку находим через немецкий текст: «Er liebte Bücher Dienen und Gesang…» [109, с.50]. Интертекстуальность повести обогащает обращение к образам лирики Георга Тракля, из которой автор заимствует образ мальчика, спускающегося в рудники за камнями (раздел 6 части второй «Мяч»).

Следующий культурный код отсылает к картине Гюстава Доре «Акробаты», или «Семья акробата» (в повести названная «Смерть акробата»). В нее «складывается свежий карагандинский пейзаж» [109, с.88]. В этой картине остается только серый фон, а все остальные фигуры обретают новые очертания: Фридрих-мать. Отец и мать умирающего ребенка – «и люди, и сверхъестественные существа из инфернального провала», а «Караганда то и дело выламывается из земной кости утонувшим по грудь телом ангела» [109, с.88].

Мифпоэтизм мышления автора переводит мертвых в особый статус – они в состоянии «кланяться» и «благодарить» «промерзшую чужую землю» [109, с.18]. Эта особенность творчества Е. Зейферт также реализуется в номинациях,

которыми повествователь наделяет маму Марийки: при жизни дочь называет ее «Mudr» [109, с.18], мама, потом – «Уснувшая Матерь» [109, с.18], «Божья мамочка» [109, с.18]. Мифопоэтический характер повествования реализуется также через сакральные знаки – повторяемость действий: «три туша, три вальса» [109, с.23], в создании собирательного образа советских немцев – ребенка, с лицом Екатерины II, завернутого пеленальщиком в кокон, и ждущего рождения «вовнутрь», в бабочку. Но бабочка не рождается, вместо этого рождается Фридрих в Караганде, тем самым перемещая вынужденное существование немцев в казахстанской степи в жизнь.

Мифопоэтичен и образ лодки: «лодка цвета огня» гротескно оказывается в воображаемой глотке Христиана Августа. Лодка – это божье благословение: «А помнишь, Иисусе, ты присылал нам лодки цвета воды» [109, с.53], плавильная лодочка на реке жизни – это «лавовое озеро» [109, с.39], гнев Фридриха и всех немцев, которых лишили дома, семей, жизни, свободы, заставили забыть немецкий язык, спрятать голову в колени, забыть имя, полученное при рождении, «Бросьте мне с неба лодку, пусть она вывернется наизнанку в воздухе и упадет на днище»» [109, 59].

Во второй части повести Караганда – живое существо: «Глотая огонь, изрезанная шахтами, беременная, она становится на четвереньки, прячет морду под зреющий живот» [109, с.94]. Придание зооморфности образу города соотносится с общим мифопоэтическим фоном художественного мира: возникает образ брата-близнеца бога сна, ищущего Караганду. Она невидима. «Корибанты танцуют на ее хребте, укрытом шкурой барана» [109, с.94]. Тут же возникает женоподобный образ «упругой» мусульманки Караганды. Она не умещается под конем Фальконе, а на вазе переплетаются руки черного и белого мальчиков. Во второй части повести – «Мяч» меняется гендерная основа образа: «о, мальчик Караганда, спустись в рудник за драгоценным камнем», а затем снова возвращает женский облик: «Караганда стыдливо прячет черную наготу под временный снег» [109, с.106].

«Город равен звезде, расколотой звезде по имени Малиновка, она же аул Акмол» [109, с.95]. Непрерывно сменяющиеся мифологические образы расширяют пространство города, включают ее в глобальное реальное и мифопоэтическое пространства. Подобно тому, как расколота звезда, ломается и мир человека, потерявшего гармонию: «Царственный младенец, достань мне с неба целую, не расколотую звезду» [109, с.96].

Мифологические образы в авторском сознании Е. Зейферт переплетены с христианскими: чаще всего в повести «Плавильная лодочка» возникает образ Христа-младенца и Непорочной Девы. Они попадают в один образный ряд с мифологическими персонажами: «В одном рождественском шествии заняты волхвы, охотник, козел, аист и медведь. Ушедшие двенадцать роз 1766 года теряют лепестки. Вскидывая глаза к небу, Люка безжалостно сжимает ладонь Марии. Ее лицо тронуто болью» [109, с.71]. В сознании автора младенец – воплощение немецкого народа: «Зацелованного, запутавшегося в чужом полотне, младенца вносят в Караганду. Занавес заката тяжелый, как бархат,

оголен эшафот» [109, с.94]. Этот младенец многолик: это может быть Пауль или ребенок Лидии и олицетворяет все живое.

Для персонажей повести любая история – миф. Так, для Ани рассказы о Гражданской войне – сказка, которая в сознании девочки оживает: «лебеда или деревья? Руки из манны опускаются на голову девочки» [109, с.65]. Сказочные образы неразделимы с повседневным бытием: «Косматая черная Перхта бросает в лицо Люке горсти белой муки из глиняного горшка» [109, с.69].

Игровая культура – кукла, игры – как часть детской жизни возникают в описании летних дней, проведенных Аней на побережье. Аня отождествляет себя с куклой Гердой, «чтобы иметь с ней одно сердце» [109, с.113]. В этом игровом пространстве Аня находит Агея и Герду и тут же теряет их навсегда. «Потом ей нужно потерять и себя» [109, с.113]. Во второй части повести, конец 90-х Караганда уже становится домом для Ани и других детей поколения, родившегося в Казахстане. Это родная земля: «Вечерний запах у дома детский, мягкий. Палисадник с петуньями, душистым табаком и золотым шаром оберегает дом с одного краю, яблоневый сад и малинки – с другого» [109, с.114]. Право закрывать ставни в доме принадлежит бабушке Розе. Закрывание ставней – важный атрибут жизни сельчан символизирует атрибуты семейственности. Аккуратно срезанный грунт с цветами, любовно высаженный после ремонта водопровода – признак любви к карагандинской земле с «рыжим нутром» [109, с.115].

Караганда широка: «Такого открытого горизонта, как в Караганде, Фридрих нигде не видел. Степь поет, и только слепой не слышит песню ее тихих красок» [109, с.147].

Аня уезжает в Москву, а «Караганда волочится за ней», «Девушка живет теперь не в Москве, а в трещине между Карагандой и Москвой» [109, с.115]. «Город-подросток капризен, даже истеричен. Анна отбрасывает от себя его, любящего и любимого, но Караганда снова вцепляется в нее, оглушает тишиной» [109, с.115]. Авторская толерантность не принимает высказываний некорректного вопроса медсестры московской поликлиники: та «вертит в руках казахстанский паспорт Анны, там написано – немка. И глядит с подозрением, и шипит» [109, с.115]. Для этой страны Аня чужая. Ей нужна «клумба», потому что в ее трещине нет «ни земли, ни воды». Теперь для Ани казахстанская земля и «отцовская земля» синонимы [109, с.116].

Проводя исторические параллели, повествователь возрождает память об интерпретации Ф.В. Дзирне и А. Шнайдером поволжского эпоса о Kirgisen-Michel, освобожденном из киргизского плена. «Мир изменчив», констатирует повествователь: «Теперь киргизы спасают немцев, делятся с ними последней лепешкой, гладят по кудрявым головам» [109, с.117].

В отличие от бабочки прорастает семечко – метафора, ассоциированная с Марийкой, оброненное «двести пятьдесят лет назад» [109, с.43], во времена Екатерины. Для метафоризации образа эмигрантов писатель использует два символа – зерно и колос. Зерно – Марийка, она маленькая, ей легче принять «чужое» и сделать его «своим». Взрослые переселенцы, приехавшие в Гларус, – «колосья» [109, с.44], им трудно прижиться на русской земле. Каша, которую

варит мама для Лидии в Лилиенфельде – «маленькое оранжевое солнце в круглом казанке» [109, с.50].

Другая метафора – ребенок – является сквозной. Ребенком выступает село Лилиенфильд: «Дитя сморилось, нежные веки тяжелы» [109, с.49], «Спящий, в тугих пеленках забытья, он (Люка – А.Г.) рад, что это лишь сон» [109, с.52]. «Ты родился, младенец? Еще нет, что вы, много добрых рук протянуто ко мне. Я появлюсь на свет, когда буду совершенно один» [109, с.54]. С ребенком же ассоциируется и поволжский город Энгельс: «Девочка Энгельс плакала» [109, с.100].

С этим символом связан образ колыбели и родов: «Земляное тело возле дома рожает и рожает. Отец-повитуха» [109, с.63], «Плавильная лодочка похожа и на лодку, и на люльку, и на гроб» [109, с.73]. Последнее сравнение олицетворяет бытие немцев: лодка – символ пути, который вынуждены преодолевать переселенцы поневоле, люлька – это новое поколение, которое появляется на этом пути, гроб – это потери, сопровождающие тяжелый путь. К таким потерям автор относит Августа, Пауля, отца Марийки, грудь которого в ранах-орденах. После обретения Фридрихом и Лидией любви рождается новый младенец, в котором объединились части всех усопших младенцев: «Пауля, дочки Эльзы, сына Лидии и Виктора. «Спеленутые советские немцы неохотно ложатся в карагандинскую землю» [109, с.97].

Еще один символ, вводимый автором в художественный мир повести – дерево. Оно ассоциируется с семьей, родом: «Росло дерево, пели его пальцы». Зачастую дерево – это опора человека: «Лидия чувствует эти взгляды, ищет ствол внутри себя» [109, с.120]. Весь растительный мир в художественном мире Зейферт оживает: «Лес прижался к реке» [109, с.67]. «Нет, Roma secunda, это не так», – «Как бы ни был древен твой виноград и старо твоё вино, Трир, рожденный во время восхода солнца, ты всегда утро. Твой амфитеатр растет вглубь. Германия вросла в Казахстан» [109, с.67]. Сложная философская метафора трактуется как высокое, хотя и обусловленное трагическим историческим поворотом человеческих судеб, сплетение культур и национальных картин мира, образующих синтетическую духовность уникального порядка, коим становится современная казахстанская смыслореальность.

Бинарность мышления автора реализуется в полюсности характеристик: это противопоставление мёртвых, которые, не дожив до конца поездки, остаются в чужой земле, и живые – «с эпическим терпением» [109, с.18] продолжающие путь»; «кровавое солнце», в котором «нет жизни» [109, с.18]; живая Марийка – мертвый теленок; мертвая мама – живая корова и др. Персонажи Лидия и Виктор также противоположны: в глазах Лидии отражается огонь – в глазах Виктора его нет («Радужке жениха неведом рикошет» [109, с.23]), вино в руках Виктора – водка в глазах гостей, жаждущая танца с женихом Лидия и раздраженный Виктор, яблони во дворе дают разные плоды: «Два дерева дают сладкие ранетки, два других – кислые» [109, с.103], автор противопоставляет любовь Ани и Кирилла, Йоханны и Юлиана.

Персонажную сферу повести дополняют духи: «По корове, как шершни, ползают убогие земляные духи» [109, с.16], «Земляные духи начинают выть, склабясь, задыхаясь от злобы, пританцовывая» [109, с.20], «Тусклый ветер блуждает в заснеженных клочковатых волосах земляных духов, они закрывают руками маленькие лица, гримасничая и постанывая от удовольствия» [109, с.21]. Мир вокруг маленькой Марийки перевернулся. С исчезновением родные переходят в иной мир – отец «бесследно исчез», стал «троллем» [109, с.12]. Гномы не несут зла: они живут в «уютных рудниках». У «каждого короля-стражника в руках зажаты драгоценные камни» [109, с.22]. Им неведомо зло, которое совершают люди.

Часть мифических персонажей полностью становятся продуктом авторского вымысла, например, Коровий Бог [109, с.36] или Долинка, мать всех волков. Долинка – столица Карлага. Переводя «казахстанский текст» на мифопоэтический уровень, автор переплетает реальность и вымысел, исторический факт и условность. Совхоз «Гигант», созданный в 1930 году в Карагандинской области, – место дислокации КарЛага, просуществовавшего до 1959 года. В числе мифических персонажей, которые появляются в сознании Марийки – цверги, которые живут под землей и боятся солнца. Иногда потусторонние персонажи ассоциируются с реальными: Лидия понимает, что Виктор – это тот же карлик, доставшийся ей. Августин из известной площадной венской песни оживает, вылезает из музыкальной шкатулки и с волынкой в руках, множится и исчезает в «раскаленной полынье» [109, с.24].

Анималистичный образ коровы становится в повести сквозным и реализуется на всех уровнях, начиная с рамочных элементов. Каждый ритмический отрезок сопровождается изменениями в поведении коровы. Виктор, женившийся на Лидии из корысти, тоже раздосадован своим превращением в корову [109, с.26], «Где теперь твой дом? Не отвязалась ли корова, не слишком ли крепкие ремни в плети у безумного погонщика?» [109, с. 93]. Фридрих, потерявший в боях правую руку, ассоциируется себя с щенком [109, с.39], командир части, в которой летал Фридрих – с «ягненком» [109, 93]. На коже Лидии «плещется молоко» [109, с.96]. «Нарисуйте, прокаженные, корове полумесяцем рога…выдерните колючую проволоку из кистей ее» [109, с.100]. Здесь корова явно олицетворяет немецкую общину, образ полумесяца отсылает к мусульманской вере, а колючая проволока ассоциируется с неволей и лагерным бытом. Фридрих – пастух, и этот факт позволяет представлять образ коровы в разных, необходимых ракурсах.

С мельницей сравнивается немецкий быт: «Долгие пятьдесят шесть лет мельница идет из Поволжья в Караганду» [109, с.101]. Мельница в сознании автора становится малой моделью «немецкого» мира: «Мельничная шестерня и малок колесо – как солнце и земля, как Солнце и Земля» [109, с.101]. Мука, которую дарит мельница, «засыпает поле порошей» [109, с.101].

На фоне указанных персонажей ярче вырисовываются те из них, которые воплощают в художественном мире реального человека: это сильные несломленные перипетиями судьбы мужчины и женщины, хранимые

провидением («Сделай нас крепче, чтобы в самые тяжелые дни никогда не жаловаться на ношу» [109, с.40]». «sei stark» – «будь сильной», говорит супруг Эльзе на переполненной барже. Религиозность героев транслирует религиозность автора. Фридрих обращается с благодарственной молитвой к Пресвятой Деве, Марийка молится на русском языке: «Боженька, будь, пожалуйста, здоров! Боженька, пожалуйста, не плачь!» [109, с.38]. «Блаженным» назван Люка [109, с.70].

Русский культурный код реализуется в нескольких направлениях. Первый из них – основной – язык написания повести. Он включает немецкоязычные вкрапления, переведенные в сносках к основному тексту. Второе направление – культурные коды в повествовательном поле («блуждая в матрешечных отражениях» [109, с.7], речи персонажей – немцев («Они боятся говорить на немецком и медленно-долго ищут русские слова, ворочая немецким языком, своим тяжелым щупом, ищущим русские речевые коды» [109, с.72], казахов – (русская речь Ерканата), «Фридрих и Ерканат как родственники. Русский язык у обоих напряженный, неуверенный, но это единственный их общий язык» [109, с.148]. Русский язык у «русифицированных номинациях – «российские немцы» [109, с.44], Федька (Фридрих), культурных отсылках (томик Пушкина, «Куприн, драмы Лермонтова. Драгуны из «Бородино», «Севастопольские рассказы», «Слон» Куприна, географических точках – село Макеевка, родина Фридриха, «жирная русская земля» [109, с.53] для переселенцев из Германии Люки и Христиана Августа тоже чужая, она не хочет становиться «родной» [109, с.45] даже для безжизненного тельца Пауля, сына Люки.

Концепт «вода» становится одним из ключевых, о чем свидетельствует вынос ассоциированного с ним существительного в название повести – «Плавильная лодочка». С рекой отождествляет себя Марийка в поезде по дороге в карагандинскую степь, «сердце Лидии как река» [109, с.34], отмечает повествователь. Часто вода и молоко смешиваются, символизируя собой прошлую сыту жизнь: «Лидия задирает голову к небу, падает в молочную реку, поднимается, жадно пьет» [109, с.35]. Молочные реки в сознании героев ассоциируются с прошлым, с обетованной землей: «Божья мамочка держит перед ним в старческих руках молочные реки с кисельными берегами» [109, с.38]. Образ воды появляется в художественном мире повести и тогда, когда Лидия обретает любовь, голос повествователя звучит торжествующе: «Студеная вода в горсти! Медонос!» [109 с.90]. «Из горного ключа рождается озеро Шайтанколь» [109, с.90].

В авторском сознании река – это душа: «Когда ощущаешь свои внутренние реки, жизнь становится постоянным спутником» [109, с.118]. Река в душе и река в казахстанской степи для него неразделимы: «Опусти голову в Волгу, в свою внутреннюю Волгу, странник, над тобой взойдет звезда. Река Нура – струйка пота на коже Казахского мелкосопочника, ее вода в низовьях солоноватая, Ишим и Тенгиз ждут Нуру. Немец, русский, волжанин, в реке, в сильной реке твое сердце, мускульный красный мешочек, в Волге, не в Нуре, ни одна река не похожа на другую, оставь здесь, брось сюда свое сердце, пусть барахтается в воде без тебя» [109, с.118].

Любовь тоже ассоциирована с водой: Кирилл «остается мужественным и независимым, проявляя ласку и внимание. Его границы – реки, его суда спускают к ней сходни» [109, с.142].

Проза Е. Зейферт метафорична, символична: молитвенная песня не звучит – «мужской голос возводит колокол», песня «висит в воздухе» [109, с.40]. Фридрих ощущает себя «вертикальным самолетом» [109, с.46], когда его арестовывают, «в прозрачную кабину его самолета врезаются шаровые молнии» [109, с.47]. Самолет – не единственная метафора-ассоциация с Фридрихом: самолет «похож и не похож» [109, с.46] на падающий лист. Метафорично описан момент прекращения творчества, которое, по мнению повествователя, должен быть отплачен «увечьем» [109, с.47].

Анализ «точек зрения» выявляет момент, когда повествователь обращает внимание читателя на совпадение оптической позиции автора и героя: «Оптика людей настолько искажена, что они видят вместо цветка каменный звериный оскал. Сталин показал это в лилипутской мистерии великанов. Фридрих видел небо и знает точки на земле, откуда можно его увидеть.

А дымы из труб, когда ветер, – для летчика горизонтальные прямые линии» [109, с.48]. В описанном пространстве две плоскости – земля и небо. Фридрих, несмотря на то, что находится на земле, ощущает себя в небесном пространстве. Это и сближает его с автором: он в состоянии видеть происходящее «сверху». В небе обитает ангел: «уходит в проем неба», «корни свисают с его локтей» [109, с.59].

Главное ощущение, присущее персонажам повести – это память. Переселение должно было стереть эту память, поскольку этот процесс концептуален для советской картины мира в целом. Это ощущается по-разному: «память скукожилась» (в сознании Лидии) [109, с. 49], как насилие: «Сквозь Анну летят куски мяса, мука, сахар, льется подсолнечное масло, девушка зарывается в свои круглые, как яблоки, колени, уклоняясь от побоев прошлого» [109, с. 101].

Сакральные образы в повести обладают незыблемостью: «И только лютеранская церковь стоит невидима, как и прежде» [109, с. 51]. Ангел же фигурирует в гротескном образе, в глотку которого входят «тысячи гонимых» [109, с. 59]. Роза пытается «сразиться с ангелом», но неудачно [109, с. 60]. «Ангел шагает широким шагом по Караганде – одна нога в Михайловке, а другая уже в Тихоновке» [109, с. 93]. Ангел гротескно увеличен в размерах, он присутствует во всех событиях жизни немцев. «Дом уже садится на корточки, кричит криком» [109, с. 53]. Марк Феликс видит, что «сухая карагандинская степь лоснится жирным боком, готовится хоронить храмы, которых нет», но это невозможно: молодой немец видит, что «церквушки этой нет, а свет от нее сияет» [109, с. 83]. Советская жизнь стремится заменить традиционную сакральность собственной, но этому противится старшее поколение немцев, бабушка Ани «мешает инициации»: «О Господи, раньше были частицы гроба Господня и пояса Богородицы… а теперь знамени! Безумцы!» [109, с. 104]. Церковь в финальных частях повести – готические соборы Германии – мощный оплот веры – смотрит на Йоханну «снизу вверх» [109, с. 133].

Христианство транслируется в текст через образ батюшки Севастиана, которого не каждый может разглядеть – принять святость веры.

Для немцев-переселенцев переселение в Караганду сопряжено с кодом насилия. Описание Жизни Марка Феликса предстает как ломка человеческого существа – «плавильной лодочки» [109, с. 74]. Преодоление естественного движения языка при произнесении родных слов. Марк не принимает эти изменения, сопротивляясь всем существом. Выжив в этом горниле, Марк Феликс как бы обретает новое существо, новый язык: «Язык таял во рту, как яблоко, становясь едва уловимой аурой ангела роста и боли, живущего внутри семечка и прорывающего сильными руками железную кожу плода» [109, с.75]. Родная немецкая речь – свет для героя. Но разум все равно не принимает чужую землю, речь, работу, которую необходимо выполнять в Рождество. Национальная картина мира, насильно разрушенная сталинским режимом, это крах национального, но не крах духовного, ведь «и в нищете можно окружить себя душевно избыточным» [109, с.79]. Принятие «чужого» Марком Феликсом осуществляется через веру – Севастиан находит нужные слова, после которых обезумевший юноша «сыплет карагандинскую землю в левое ухо» [109, с. 81]. «Под землей рождается новая корневая система» – метафора роста и рождения, корней сопровождает описание жизни немцев на чужбине на протяжении всей повести. Но этот процесс очень труден для переселенцев: «Немцы шероховаты, чтобы вплотную притереться к казахам и русским, остается нелепый зазор» [109, с. 90].

Любовь вошла в жизнь Фридриха и Лидии, и земля, на которой немцам пришлось жить, перестала быть чужой. С появлением в жизни молодых немцев любви жизнь возрождается: «Караганда рожает сказочное угольное дитя» [109, с. 96]. «Зигфрид не корни, а ствол дерева» [109, с. 96] – мифопоэтичный образ дерева символизирует рост и продолжение жизни.

Одни из значимых метафор повести – рот и язык. Именно в нем растворяются события, ощущения, через рот входит в человека свое и чужое, радость и горести, жизнь и смерть. Во рту Лидии, которая пережила множество бед, душа которой высохла от нелюбви, «пусто» [109, с.89]. Севастиан пытается увидеть во рту Федора «два языка» [109, с. 92], «Этот несъедобный ртутный шарик в мятном горле» [109, с.93], «Между ними горло» [109, с. 92]. «Гларус свернулся языком в гнезде на левом берегу Волги» [109, с. 94], «Марк Феликс стекает с ее расслабленного языка» [109, с.105]. Немцы, оказавшиеся в чужой земле оцениваются автором как «потерявшие речь» [109, с.82]. Сюрреалистичная картина мира повести живописно рисует глотки людей и животных, в которые, как кажется при чтении повести, помещается весь мир: «в их глотки (собак – А.Г.) катится мяч луны» [109, с. 996], «солнце бросается в ее рот, и он остается без солнца» [109, с.101], «Но серые глаза Марка Феликса тогда выросли на сером небе Караганды, его ключица впустила в себя язык Лидии» [109, с.89], «на плечах его огромный, вялый, красный вырванный язык» [109, с.107], «Сама Волга депортирована за Урал, распухшим сосудом она течет в воспаленное чужое горло» [109, с.117].

В авторском сознании глотка – это главная часть человека, средоточие естества. Когда Ерканат и Фридрих знакомятся с немецким и казахским языками, казах удивляется: «похожи наши глотки» [109, с.147].

Главное событие исторической памяти, транслируемой Е. Зейферт – это то, как казахская земля приняла переселенцев: «Ерканат жизнь Фридриху спас, приютил, подкормил, работу нашел, погибель была бы немцу без казаха» [109, с.148].

Исследование образа Казахстана в мировой литературе сфокусировало настоящее исследование на прозе Е. Зейферт. Рассмотрение повести «Плавильная лодочка» в контексте «казахстанского следа» позволило обнаружить следующие особенности авторской поэтики:

В повести наблюдается мультикультурные коды: немецкий, казахский, русский, имеющие автобиографическую основу. Е. Зейферт является представительницей группы культурных деятелей, родившихся и живших в Казахстане и покинувших пределы страны. Авторское сознание художественно преломляет историческое событие – насильственное переселение поволжских немцев в Казахстан – через реальное, мифопоэтическое, сюрреалистическое пространство, сквозь призму прошлого и настоящего, накладываемых друг на друга, что отображается в датировках рамочного текста.

Пространственные ориентиры хронотопа включают три вектора: немецкий, русские, казахстанские локации. Направление движения персонажей в художественном мире строится из Макеевки в Гларус, затем в Караганду, включающую в себя несколько точек разворачивания действия. Затем движение разнонаправлено: частично сохраняется на территории Казахстана, выходит на территорию Германии и останавливается в Москве. Такая траектория позволяет расширить художественное пространство в составе хронотопа, обозначить исторические локации и современные места концентрации немецкой, казахской и русской культуры.

Отмечаем динамику оценочного компонента в сознании персонажей: Караганда осознается переселенцами, как чуждое пространство, неродная земля, однако в финале повести Казахстан обретает высокий статус дома. Не только выросшее на казахстанской земле поколение, но и взрослые переселенцы, заселяют казахстанское пространство, делая его «своим».

Проза Е. Зейферт поликультурна: здесь реализуются образы и мотивы трех народов. Казахстанский культурный код транслируется через ономастический, номинативный, гастрономический, анималистический и другие типы кодов. Важным моментом становится здесь формирование новой идентичности героев, в которой немецкие и казахские культурные коды сливаются в единую ментальную картину мира.

Образ Казахстана в повести «Плавильная лодочка» двойствен: с одной стороны, он пространственно связан с моментом насилия, лишения свободы выбора, с другой – гуманистической парадигмой доброжелательности и открытости автохтонов казахской земли, которые обеспечили выживание немецкого и других народов, советской властью принудительно расселенного

в степях Казахстана. Автор рисует положительный образ казахского народа, подчеркивает духовную широту, гуманность и толерантность казахов, принявших на своей родине представителей иных культурных систем.

Художественное творчестве Елены Зейферт представляет собой философское освоение окружающего мира и создание на его основе художественной модели, сочетающей в себе образы нескольких стран: Германии, Казахстана и России. Повесть «Плавильная лодочка» композиционно представлена в двух частях. В первой части основным локусом разворачивания сюжета становятся Германия и Россия, во второй – Казахстан. Хронотоп художественного мира четко распадается на пространственную и временную составляющие. Время в сознании автора олицетворяется, оно обладает качествами живого организма. Земля в художественном мире повести может быть враждебной или дружелюбной, в идеале – родной. Эмигрантская судьба немцев в повести ассоциируется с несколькими «жизнями»: каждая из «жизней» накладывает отпечаток на картину мира немцев. Пространство представлено в двойственной перспективе: Казахстан одновременно является местом травли и местом духовного спасения. «Разорванность» хронотопа в финале гармонизируется в целостность.

Главной идеей автора повести становится изображение движения немцев от «чужого» к «своему», каким становится казахстанская составляющая картины мира героев. Наложение культурем, знаки разных ментальностей в финале романа гармонизируются и объединяются в небинарный конгломерат.

Аккумуляция немецких и казахских культурных кодов в повести реализуется через мифопоэтическую интерпретацию, через орнаментальность прозаического повествования, лиричность авторского начала, мотивы сакральности, оригинальные метафоры.

Поликультурность творчества Елены Зейферт проявляется на нескольких уровнях:

- образном (персонажи несут в себе следы разных национальных культур);
- сюжетном (перемещение героев между разными пространствами, смена жизненных укладов);
- языковом (немецкие, русские, казахские лексемы; русско-немецкий текст).

Философское осмысление судьбы российско-казахстанских немцев проходит освещает несколько этапов: перемещение из России в Казахстан как насильственный процесс, тягостный процесс адаптации к казахстанским реалиям, поиск своего места в казахстанском пространстве, преодоление отчужденности, трансформация восприятия Казахстан: переход страны от места ссылки к пространству новой родины.

Казахстанский культурный код транслируется в повести через ономастику, топонимику, гастрономический код, сакральные мотивы. Отмеченные особенности воплощения образа Казахстана в русскоязычной прозе Е. Зейферт обусловлены автобиографическими и социокультурными особенностями авторского мышления: связанная с Казахстаном духовно, исторически,

культурно и пространственно, сознательная сущность автора реализует обусловленные этой связью трансформации в инокультуре. Эти изменения принимают форму синтетичного художественного мира, воплощающего разные, но парадоксально соединившиеся в неразрывное целое единство национальных и – шире – культурных составляющих ментальности, которую можно назвать «казахстанским феноменом», где разные этносы не просто сосуществуют, но органично вплетаются в единое культурное полотно.

2.2.2 Особенности художественной репрезентации «казахстанского текста» в прозе Светланы Фельде

При глобализации и активном взаимодействии культур особую значимость приобретает вопрос сохранения национальной идентичности и того, как представляют культурное наследие в международном пространтсве. В связи с этим актуальным становится изучение того, каким образом образ Казахстана формируется и осмысляется в мировой литературе. Популяризация знаний о национальной культуре и повышение узнаваемости казахстанского культурного контекста выступают важными задачами современного гуманитарного исследования.

Отдельного внимания заслуживает русскоязычная проза данных авторов, проживающих за пределами исторической родины, в частности, в Германии. В подобных произведениях образ родного пространства нередко получает особую эмоциональную и смысловую нагрузку, поскольку связан с личной памятью, опытом того, как перемещались, и переживанием дистанции между прошлым и настоящим. В центре настоящего исследования находится проза Светланы Фельде – русскоязычной писательницы, длительное время живущей в Германии. В ее рассказах Казахстан представлен не только как место действия, но и как художественно значимое пространство, образ которого складывается благодаря воспоминаниям, бытовым деталям и мотиву ностальгии.

Несмотря на содержательную насыщенность произведений Фельде, ее творчество пока остается недостаточно изученным в отечественном академическом литературоведении. В частности, практически не исследованы особенности репрезентации Казахстана в ее прозе в связи с мотивами памяти и ностальгии. В связи с этим цель работы заключается в том, чтобы выявить способы художественного изображения Казахстана через мотив ностальгии в рассказах Светланы Фельде.

В литературоведении ностальгия есть не только эмоциональная реакция на разлуку с родными местами, но и сложный культурный, психологический и художественный феномен, в частности, связанный с данным мотивом ностальгии. Различные аспекты этой проблемы представлены в работах С. Бойм [111], А. В. Зинченко[112], А. С. Чикишевой[113]А. Б. Фенько[114] и других исследователей.

История термина «ностальгия» восходит к XVII веку. Швейцарский врач Иоганн Хофер использовал его в диссертации «Dissertatio medica de Nostalgia oder Heimwehe», описывая состояние болезненной тоски по родине, которое

наблюдалось, в частности, у наемных солдат [115]. Данный термин образован от греческих слов nostos – «возвращение домой» и algos - «боль». На раннем этапе ностальгию трактовали как заболевание и пытались лечить различными средствами, включая кровопускание, применение пиявок и опиума, музыкальное воздействие, а также возвращение человека в привычную среду.

В XIX столетии, по мере развития психиатрии, ностальгию стали связывать с меланхолией и депрессивными состояниями, возникающими из-за разлуки с родными местами и привычным укладом жизни. Ее описывали через комплекс телесных и эмоциональных проявлений. К физическим симптомам относили затрудненное дыхание, учащенное сердцебиение, повышение давления, нарушения пищеварения, снижение аппетита, бессоницу и лихорадку. Среди психологических проявлений выделяли апатию, подавленность, плаксивость, одиночество, утрату интереса к жизни, тоску по дому и ощущение безысходности. Причинами такого состояния могли считаться трудности адаптации к новой среде, непривычное питание, а также климатические и атмосферные различия [116].

Долгое пребывание в иной культурной и языковой среде способно повлиять на самоощущение человека, ослабить чувство принадлежности и привести к внутреннему отчуждению, подобному данному заболеванию. При этом даже если подробно описать данные симптомы, это не позволяло исчерпывающе объяснить природу ностальгии как индивидуального переживания. Оставался открытым вопрос о том, что именно становится объектом тоски: конкретное место, прежний образ жизни, отношения с близкими или определенный период биографии. Более того, физически вернувшись на родину, человек не всегда избавлялся от ностальгии и иногда, напротив, делал переживание утраты более острым [111].

Постепенно ностальгию стали осмыслять научно, и она вышла за пределы медицинской модели. Одним из важных направлений стало то, что рассмотрели ее связь с понятием «дом». Дом в данном случае понимается не только как определенная географическая точка, но и как пространство, наделенное биографическими смыслами, обеспечивающее человеку чувство устойчивости, ориентации и самоидентичности [112, с. 79]. В XX веке ностальгия все чаще стала трактоваться как психологическое и культурное явление, а не исключительно как болезнь.

В современных гуманитарных исследованиях ностальгия имеет междисциплинарный статус. Она изучается в психологии, философии, социологии и литературоведении, а также видится как механизм сохранения индивидуальной и коллективной памяти. В художественной литературе данное ностальгическое переживание может становиться способом осмысления прошлого, восстановления связи с родным пространством и выражения культурной идентичности. В таблице отображены ключевые этапы истории развития ностальгии в различных научных традициях (таблица 4).

Таблица 4 – Эволюция термина «ностальгия» в научном и культурном контексте

Этап	**Время Основные представители / источники**	**Основные представители / источники**	**Понимание ностальгии**	**Характеристика**
1	2	3	4	5
Медицинское толкование	XVI	Иоганн Хофер («Dissertatio medica de Nostalgia oder Heimwehe»)	Болезненное состояние тоски по родине у наемных солдат	Рассматривалась как заболевание, лечили кровопусканием, пиявками, опиумом, музыкой или возвращением домой
Психиатрический этап	XIX	Развитие психиатрии	Симптом меланхолии и депрессии, вызванный отрывом от родины и привычного уклада	Физиологические симптомы: учащенное сердцебиение, бессонница, потеря аппетита; психические: апатия, одиночество, тоска, безысходность.
Переход к психологическому осмыслению	Конец XIX – начало XX	Психологи и философы	Понимание как личностного переживания, связанного с утратой целостности и идентичности	Ностальгия становится внутренним состоянием личности
Культурологический и философский этап	XX в.	Гуманитарные исследователи, культурологи	Ностальгия как культурный и психологический феномен	Осмысливается через связь понятия «дома» как символического пространства, обеспечивающего чувство принадлежности

Продолжение таблицы 4

Современное толкование	XXI в.	Междисциплинарные исследования (философия, социология, литературоведение)	Многогранное социально-культурное явление Отражается в литературе, искусстве, массовой культуре; становится формой самосознания личности и общества	Отражается в литературе, искусстве, массовой культуре; становится формой самосознания личности и общества

Представленные этапы демонстрируют, как ностальгию стали понимать шире: от медицинского объяснения она перешла к анализу психологических, культурных и художественных механизмов. В рассказах Светланы Фельде ностальгия связывает личную память с коллективным опытом и историей. Когда вспоминают Казахстан, это становится способом сохранения этнокультурной идентичности. Обращаясь к прошлому, автор не ограничивается фиксацией собственных чувств, а создает художественный образ родины, передающий особенности повседневной культуры и жизненного уклада.

Казахстан в прозе С. Фельде предстает через повторяющиеся образные мотивы. Это пейзажи, связанные с утраченным домом, бытовые предметы и привычки, сохраняющие следы культурной памяти, а также люди, выступающие носителями семейных и общественных традиций. Родина одновременно является реальным географическом пространством и символом детства, того, откуда человек родом, и данного жизненного опыта. Такое изображение отражает двойственность восприятия, характерную для транснациональной литературы: родное место может казаться утраченным и недостижимым, но при этом продолжает существовать в памяти и культурном сознании человека.

Мотив ностальгии в данных анализируемых рассказах тесно сопряжен с проблемой самоидентификации. Когда персонажи вспоминают Казахстан, это помогает им вступить во внутренний диалог с собой и осмысливать отношения с новой культурной средой. Родина превращается в точку отсчета, с которой соотносятся личные ценности и то, как человек представляет собственное прошлое. Итак, ностальгия выступает способом самоопределения: через возвращение к образу родного пространства формируется и поддерживается чувство принадлежности к определенной культурной традиции.

Светлана Фельде – русскоязычная писательница и журналист. Она родилась в 1967 году, а в 1989 году окончила факультет журналистики Казахского университета имени С. М. Кирова в Алматы. В течение десяти лет работала в ведущих изданиях Казахстана; ее деятельность была отмечена премией Союза

журналистов республики. С конца 1990-х годов Светлана Фельде живет в Германии, где сотрудничала с русскоязычной газетой «Восточный экспресс». В 2005 году вышел ее первый сборник рассказов «Страна заходящего солнца». Годом позже автор получила Гран-при в номинации «Проза» на Международном фестивале культуры и искусства в Афинах. Ее произведения публиковались в русскоязычных изданиях Германии, России, Украины и Казахстана. Светлана Фельде состоит в литературном объединении немцев из России и является редактором выходящего в Германии альманаха «Пилигрим».

Важное место в прозе писательницы занимает то, как она вспоминает Казахстан – пространство ее детства и юности. Ностальгия здесь становится не просто темой отдельных эпизодов, а принципом организации повествования и системы образов. Биография автора позволяет понять устойчивое присутствие этого мотива: годы, проведенные в Казахстане, сформировали ее связь с родной землей, а переезд в Германию придал воспоминаниям особую эмоциональную глубину. Казахстан в ее художественном мире выступает местом становления личности и символическим центром, к которому постоянно обращено данное авторское сознание.

Личный опыт писательницы преобразуется в художественный материал. Когда она переживает разрыв с привычным пространством, вспоминает детство и осмысляет собственную биографию, формируется один из ведущих мотивов ее творчества – ностальгия, в частности, связанная с родным пространством. Память о родине воплощается через детали повседневной жизни, семейные традиции, впечатления детства и разнообразные чувственные ассоциации, связанные с родным пространством.

Когда герои вспоминают, они выполняют и психологическую функцию: они помогают героям преодолевать ощущение утраты и разобщенности. Персонажи, повествование в которых нередко ведется от первого лица, возвращаются к эпизодам прошлого, связанным с Казахстаном, словно находя в них внутреннее убежище. Прошлое не только вызывает эмоциональный отклик, но и формирует личность, помогая осмыслить одиночество, эмиграцию и столкновение с незнакомой культурной средой. В таком контексте ностальгия предстает не проявлением слабости, а способом сохранить внутреннюю целостность и связь с собой через память о родине.

Эти особенности прослеживаются, в частности, в рассказах «Света всегда слушалась плохо» и «На краю деревни» [117]. В первом тексте воспоминания связаны с детством в Усть-Каменогорске, школьными годами и семейным общением, в частности, с образом родного пространства. Во втором поездка в деревню под Талды-Курганом становится поводом для восстановления целого ряда бытовых впечатлений: пельменей, бани, запах трав, сушек и чая с чаинками. Обыденные детали оказываются значимыми, поскольку через них воссоздается атмосфера родного пространства.

Образ Казахстана у Светланы Фельде формируется из запахов, звуков и предметов, связанных с личным опытом. Запахи полыни, укропа и домашнего алкоголя, голос отца, шепот хозяйки, шум березовых веников, разные комоды,

кухонные салфетки и алюминиевые чайники превращаются в данные эмоционально насыщенные знаки прошлого. Их значение выходит за пределы бытового описания: эти детали позволяют восстановить ощущение дома и передать память в ее чувственной конкретности.

В результате анализа рассказов можно выделить несколько устойчивых ассоциативных рядов. Казахстан связан с детством и первой любовью в рассказах «Руки отца» и «Любовь и голубь». В «Соседях» через быт алматинского микрорайона Алтай передается уклад, основанный на взаимной заботе. В рассказе «Далеко этот поселок Ирша» родное пространство олицетворяет гостеприимство и открытость. С психоаналитической точки зрения подобные образы можно интерпретировать как воплощение утраченного дома. Это исходная точка личной идентичности, к которой человек мысленно обращается в периоды неопределенности.

Сенсорная память занимает в прозе Светланы Фельде особое пространство. Рассказы оживляют запахи данных семейных ритуалов, шум самовара и голос отца за столом. Вкусы домашней еды помогают воссоздать атмосферу прежней жизни. Подобные образы способны вызывать узнавание и эмоциональное сопереживание у читателя. Частная память обретает универсальность: данные бытовые детали наполняются глубоким личным смыслом.

В таблице 5 представлены основные результаты анализа произведений Светланы Фельде, в которых образ Казахстана раскрывается в том числе через географические названия и локальные культурные реалии.

Таблица 5 – Обобщенные результаты анализа рассказов С. Фельде

Рассказы	**Образ Казахстана**
«Света всегда слушалась плохо»	Усть-Каменогорск как пространство формирования личности; детство, школа
«Любовь и голубь»	Алма-Ата, топография родных мест; первая любовь
«Руки отца»	Родина как семейная традиция и преемственность; семейная память
«Соседи»	Алматинский микрорайон «Алтай» как образ общности; атмосфера двора
«На краю деревни»	Село Черемшанка (Кустанайская обл.) как «малая родина»; деревенский быт
«Я буду помнить вкус меда»	Казахстан как пространство сенсорной памяти
«Варенье из крыжовника»	Родина через бытовые детали и вкусы; детские воспоминания
«Одна капля воды слилась с рекой»	Зеленый базар, родина как утраченный, но значимый мир
«Что же это у вас за жизнь такая…»	Казахстан как социокультурная реальность; социальная критика
«Далеко этот поселок Ирша»	Талды-Курган как символ локальной идентичности

Результаты анализа свидетельствуют о том, что ностальгия в транснациональной литературе выполняет не только функцию обращения к прошлому. Она способствует сохранению личной и культурной идентичности. В прозе Светланы Фельде Казахстан - эмоциональный центр, хранящий память и целостность героев. Ностальгия помогает обрести устойчивость в периоды культурных перемен и неопределенности. Психоанализ воспоминаний героев выявляет архетип дома, наполненного семейными ритуалами и бытовыми деталями. В кризисные моменты это пространство становится источником внутренней опоры. Светлана Фельде строит повествование нелинейно, создавая «карту памяти» из фрагментов прошлого, ощущений и снов. Поэтому ностальгия в ее произведениях может быть прочитана как сопротивление забвению. Сам текст выступает как способ восстановить связь с собой и собственным прошлым.

В рамках исследования было проведено интервью со Светланой Фельде. Данная беседа позволила уточнить, как личные воспоминания писательницы соотносятся с мотивами ностальгии и памяти. Также были выявлены эмоциональные и символические образы, связанные с Казахстаном в ее восприятии. Ответы автора помогли проанализировать ее картину мира и восприятие родины как внутреннего пространства.

Центральный мотив творчества Светланы Фельде – ностальгия как способ связи с родиной. В интервью писательница подчеркивает, что воспоминание о Казахстане связано с личной утратой. Также оно обусловлено изменением профессиональной и культурной среды. В ее сознании продолжают взаимодействовать два пространства – прошлое и настоящее. «Я не хотела уезжать, первые пять я страшно тосковала и никак не могла смириться с тем, что я в этой стране вынуждена была получить другую специальность и никогда больше не буду журналистом. Хотя до последнего года все эти годы я сотрудничала с газетой «Новое поколение». «Жизнь берет свое, и боль притупилась», – вспоминает автор Светлана Фельде, (интервью с С. Фельде, 2025). Эта фраза отражает эмоциональность ностальгии и конфликт при утрате привычной среды.

Связь с прошлым Фельде поддерживает через конкретные предметы и чувственные впечатления. Особое символическое значение приобретает запах полыни. Писательница связывает его с Казахстаном, детством и родной землей. «Запах полыни – это для меня запах родины», – отмечает автор. С. Фельде. В другом фрагменте интервью эта ассоциация материализуются: «У нас под Иссыком была дача у курганов, там много полыни». «У меня в вазе до сих пор стоит веточка полыни, привезенная двенадцать лет назад из последней поездки» (из интервью с С. Фельде, 2025).

Сохраненная веточка полыни становится своеобразным материальным свидетельством данной памяти. Она связывает настоящее с утраченным пространством, служа личным символом присутствия родины в быту. Память активируется не только предметами: порой достаточно случайного запаха, растения или пейзажа.

Описывая жизнь в Германии, С. Фельде отмечает детали, напоминающие о Казахстане: «Что напоминает мне о нем? Наверное, это какие-то мгновения. Все это очень эмоциональное и не связано ни с какими эпохальными событиями: куст боярки в горах здесь напоминает боярку в горах, когда я жила в Алматы; запах костра может напомнить студенческие сельхозработы. Виноград напоминает школьные поездки на сбор урожая, плетеные корзины и ножички для срезания гроздьев» (из интервью с С. Фельде, 2025).

Ностальгия здесь – не стремление вернуться в прошлое, а узнавание знакомого в новой среде. Запахи, растения и предметы повседневности становятся импульсами, запускающими воспоминание. Благодаря этому Казахстан существует в сознании автора не только как географическое место. Это внутреннее пространство, наполненное эмоциями и жизненным опытом.

Значимую роль в воспоминании С. Фельде играет и топография родины. Места Алматы создают карту памяти: «Знаковые точки – собор Зенкова, Дом тканей, Зеленый базар, дорога на Медео, Никольская церковь, КазГУ, Дом печати, скамейки в парке Панфилова, театральное кафе, театр оперы и балета». За Алматы – озеро Иссык и степи: я часто ездила в командировки, любя эти просторы, бездонное небо и огромные звезды» (из интервью с С. Фельде, 2025).

Перечисленные места являются для автора не просто географическими ориентирами. Каждое из них связано с определенными периодами жизни, событиями и эмоциональными впечатлениями. Архитектура, пространства и пейзажи создают образ Казахстана, где личное сливается с культурной памятью. Интервью подтверждает: родина для Светланы Фельде – ментальное пространство из образов, запахов и воспоминаний.

Данное исследование рассмотрело природу ностальгии и ее воплощение в русскоязычной прозе Казахстана. История понятия прошла путь от медицины до междисциплинарного понимания ностальгии как культурного феномена. Особое внимание уделено связи ностальгии с данными воспоминаниями, утратой и образом родины.

Рассказы Светланы Фельде показывают, что Казахстан в ее творчестве – это пространство личной эмоциональной памяти. Родина предстает не только территорией, связанной с детством и юностью. Это символ утраченного дома, внутренней укорененности и психологической опоры. Писательница воссоздает карту родины через географию, быт, традиции и сенсорные детали. Оно остается узнаваемым и эмоционально близким, хотя физически может быть недоступным. Анализ рассказов показал, что ностальгия связывает личные воспоминания с культурным опытом через систему образов. Пейзажи, предметы и ощущения становятся носителями памяти, помогая героям сохранять идентичность. Казахстан представлен и как реальная география, и как символическое пространство детства и становления.

Материалы интервью со Светланой Фельде дополняют результаты анализа художественных текстов. Слова писательницы подчеркивают роль сенсорных ассоциаций и мест в сохранении связи с родиной. Запах полыни, Ал-

маты, Иссык и степь стали ключевыми элементами личной карты памяти. Ностальгия – это не просто повторение прошлого, а способ переосмыслить биографию и связь с культурной средой.

В прозе Светланы Фельде ностальгия выполняет эмоциональную, идентификационную и композиционную функции. Она превращает Казахстан во внутреннее пространство, объединяющее личный опыт и культурную память. Воспоминание становится способом противостояния забвению. Через детали, топонимы, бытовые реалии и чувственные образы Светлана Фельде создает внутренний образ родины, сохранившийся в памяти, но утративший доступность в настоящем, что придает ностальгическому переживанию особую эмоциональную глубину.

2.2.3 Образы и мотивы «казахстанского текста» в книге «Там, в Казахстане» В. Гоголадзе

Исследуя художественные тексты, репрезентирующие образ Казахстана, мы также обнаружили различные жанровые формы, в которые воплощается репрезентация образа страны. Одним из авторов, привлекших наше внимание, стал Вахтанг Гоголадзе. Разделенный на две структурные части – «Миниатюры» [118, с.14] и «Рассказы», [118, с.16], сборник небольших по объему текстов, относящийся к 2019 году, представляет собой образец художественной репрезентации казахстанского текста.

К «Миниатюрам» относится 14 сочинений публицистического характера, содержащих автобиографические и социокультурные элементы поэтики. Они объединены общим автобиографическим образом нарратора, который парадоксально соединяет в своем сознании свое единение с Вселенной и одиночество от потери матери («Мы вместе!). Здесь же обнаруживается образ Солнца, который для героя ассоциируется с Родиной и становится ключевым концептом. В тексте «Мы вместе!» этот аспект реализуется через многочисленные повторы лексемы «солнце». Мотив одиночества ассоциирован с ощущением чуждости. Одиночество определяет пространственные элементы – «в чужом краю» [118, с.7], «здесь, в одиночестве»; принимает форму повествовательной рамки – «Блуждающий в одиночку», «В одиночестве»; воплощается в прямых вербальных конструкциях: «заунывное чувство одиночества»; обозначение

Ментальные образы казахов, репрезентируемые автором, принимают самые различные формы. В миниатюре «На Восток» женский образ построен на оппозиции «свой» – «чужой». Ни грузинская девушка, чей портрет вырисовывается через минимум деталей, ни казашка-попутчица не обретают имя, что вполне закономерно с учетом жанра текста. Но существует еще одно основание такой анонимности – стремление авторского сознания объединить через противопоставление. При всей оппозиционности женского образа из воспоминаний и реальной случайной попутчицы повествователь стремится найти в портрете казашки – и находит – объединяющие черты: «У нее точно такие же прямые и черные волосы…у нее ведь глаза такие же черные, как ежевика… У этой же ведь тоже красные щеки?!..» [118, с.6]. Стремление

объединить, найти схожее становится попыткой сознания выйти из ощущения чуждости, соединить «свое» и «чужое», но в финале миниатюры два полюса сохраняются, и эмоциональный подтекст, тяготеющий к минорности, доминирует, образуя «кольцо», образуемое фразами «ни единой души» в первом абзаце текста до «глазами, полными грустью» [118, с.6]. Так контрастируют азиатские и грузинские портретные черты женских образов-персонажей («маленький носик присажен к лицу» – «прямой, грузинский нос» [118, с.6]). Концепт «чужой» в прозе Гоголадзе чаще всего ассоциирован с образом героя. Он это осознает и транслирует: «Я другой, совсем другой» [118, с.12]. Это осознание формируется и в семье переселенцев: «Мы здесь чужие», говорит отец мальчика [118, с.29].

Образ «чужого», наложенного на казахстанские культурные элементы, складывается из культурного кода «степь». Степь в миниатюре характеризуется как «снежная», что дополняет чужеродность через бинарную семантику «теплая Грузия» – «холодный Казахстан», названа «бесконечной» [118, с.9], выстраивая принципы создания хронотопа казахстанского текста. Для героя степь ассоциируется с холодом: это «первая зима в чужом краю» (118, с.11), «холодный, как лед, воздух, который расстелился на подоконнике моей комнаты» [118, с.11], осадки – «оттуда никогда ничего не сойдет, кроме дождя и снега» [118, с.11], «холодная снежная вьюга хлестала по лицу» [118, с.12]. В то же время эмоциональный фон репрезентации культурного образа лишен негативизма. В миниатюре «В степи» создана картина с элементами мифологического описания. «Насколько очаровательно и таинственно все вокруг!» –повествовательная реплика, носящая характер нарративного отступления, придает описанию сказочный характер, дополняемый введением мифономинаций – Адама и Евы.

Также образ страны связан в сознании автора с движением, мотивом движения или изгнанничества (образ паровоза). Миниатюра «На Восток», «Светила направлялась к Западу» уже в рамочной части вводят читателя в мотив пространственного перемещения, который расширяет бинарность до масштабного «Запад – Восток». При том эта бинарность теряет свой традиционный характер через из-за описания цикличности движения солнца. В миниатюре «Мы вместе», открывающей серию небольших текстов, нарратор обозначает свою пространственную позицию как фиксирующую движение Солнца (авторская орфография В. Гоголадзе), тот есть круговую. В пространственном мире автора казахстанский текст влияет на трансформацию бинарности: «я утром смотрю на Восток и созерцаю солнце. А вечером – на Запад» [118, с.5]. Эта кольцевая структура поддерживается семейной связью («Я вспомнил о матери, уставшей от ожидания, там, далеко на Западе» [118, с.5]). Солнце в пространстве «казахстанских» миниатюр, становится связующим центром, который создает движение между родиной и чужбиной.

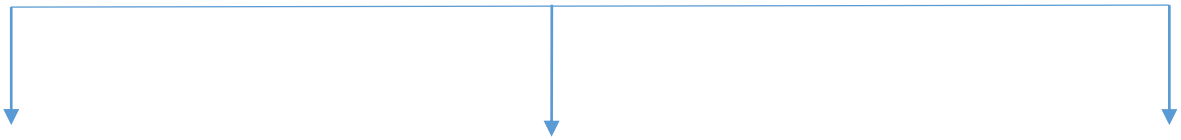
Кроме упомянутого вектора «Запад-Восток» автор определяет еще два полюса – «с Севера на Юг» [118, с.7], которое, с одной стороны, органичен в попытках создания бинарности художественного мира, с другой – четко очерчивает субъективные границы пространства рассказов и лишает текст

декларируемой «миниатюрности». Жанровые авторские метки позволяют говорить о цикличности и своеобразной «дробимости» хронотопа, который превращает миниатюры в полноценный единый художественный текст, тяготеющий к поставангардистскому характеру структурирования повествования.

Хронотоп казахстанского текста в прозе В. Гоголадзе приближен к пространству-времени в прозе Е. Зейферт, рассмотренной нами выше. Миниатюра «Время бессильно» связывает категории времени и памяти. Через противопоставление – «Время бессильно с памятью» – репрезентируется мотив памяти, составляющий семантическую основу нарратива всего сборника и структурно объединяющего тексты в цикл «миниатюр». Организация времени в рассказах В. Гоголадзе построена на взаимном пересечении прошлого и настоящего. Сквозная репродукция прошлого реализуется через глаголы прошедшего времени, придающими рассказам мемуарный характер. Реалистичность и мемуарность также

Среди культурных кодов, которые репрезентирует В. Гоголадзе в своем казахстанском тексте, присутствуют зооморфные образы, например, степного жаворонка. «Чужеродность» этого образа подчеркнут нарративно: «Таких жаворонков никогда не видел на своей родине» [118, с.7]. Жаворонки в рассказах-миниатюрах оставляют свои гнезда и в поисках пропитания разлетаются по степи, а потомство рискует попасть в «игру» [118, с.7] степных лисиц. К зооморфному коду относится и образ волка-врага в миниатюре «В одиночестве». Вновь используя оппозиционность в конструировании художественного мира в рамках казахстанского текста, автор через введение образа степного волка присваивает герою статус жертвы. Герой и волк – враги: «Хочешь и волка в своих целях использовать? Ни за что, и его не боюсь!» [118, с.12]. «Вой, эй, ты бедный и трусливый!» [118, с.12]. Подобная характеристика сама по себе не несет элементы традиционного отношения к животному. Отметим здесь характерную для западного социокультурного мышления ассоциацию «волк»-«зло», противостоящую сакральность образа волка для казахского культурного самосознания, воплощение которой можно, к примеру, найти в прозе Е. Турсунова, в том числе в мифопоэтическом подтексте. Об этом подробно упоминается в исследованиях Р.Б. Сабдалиевой и Г.А. Орынхановой [119, с.246]. Используя терминологию А. Байболова, можно сделать вывод о наличии элементов природно-ландшафтного национального кода в казахстанском тексте В. Гоголадзе [120, с.211].

Солнце (концепт-центр)
Родина
Память

пространство	время	человек
степь Восток Запад Север Юг дорога паровоз ковыль	Память Воспоминание Прошлое-настоящее Цикличность Время	Автобиографический нарратор Игнанник Одинокий человек Ищущий «свое»

Движение

Запад↔Восток
Север↔Юг
Родина↔Чужбина

Базовые оппозиции
Свой↔чужой
Грузия↔Казахстан
Теплое↔холодное
Одиночество↔Единение
Память↔Время

Рисунок 4 – Модель художественного мира в казахстанском тексте В. Гоголадзе

Среди казахских национальных кодов согласно предложенной классификации А. Байболова, обнаружены природно-ландшафтные коды (степь, солнце, ковыль, степной волк, степной жаворонок), коды исторической памяти (паровоз). Отметим их наличие в сводной таблице (таблица 6)

Таблица 6 – Казахские национальные коды в прозе В. Гоголадзе

	Национальный код	
1	*Ковыль*	
	серебряный колыхающийся ковыль	С. 13
2	*Степь*	

Продолжение таблицы 6

	Колыхающаяся степь	С. 13
	Замерзшая пустыня	С. 29
3	*Юрта*	
	Юрта Абдуллы	С. 13
4	*Ветер*	
	Восточный ветерок	С. 14
5	*Пшеница*	
	Колоски пшеницы	С. 14
6	*Хлопок*	
	Сухие стебли хлопка	С. 28
7	*Лепешка*	С. 22
8	*Айва*	С. 27

Упомянутые выше моменты репрезентации казахского национального кода в прозе Гоголадзе сочетаются с общими образами тюркского культурного мира. В миниатюре «в степи» находим мотивы молитвы и имя божества («утренняя мусульманская молитва мусульманина», «Аллах») [118, с.13],

При анализе казахстанского текста ранее нами была отмечена характерная для него тенденция к синтетическому объединению культурного сознания героев. У Гоголадзе этот момент обнаруживается в миниатюре «В степи», где наблюдается сочетание страха перед чужим религиозным обычаем и парадоксально соединение разных теологических традиций: «Я тоже стал на колени рядом с ним и открыл душу спасителю» [118, с.13]. Мотив веры как основы чужеродности носит сквозной характер. Мать героя, который радуется возможности познакомиться с соседской девочкой, акцентирует внимание на вероисповедании местных людей: «Зачем знакомиться с казашкой, она ведь другой веры» [118, с.29].

Номинативно образ Казахстана презентуется в именах персонажей: «Абдулла» [118, с.13], «Шортанбей» [118, с.19], «Дойа», «Махамбет» [118, с.30] или в номинациях, соотносящихся с национальной принадлежностью: «одна казашка» [118, с.6], «красивая "казашка" подружилась с тобой, братишка!» [118, с.29],

Номинальная репрезентация героев сочетается с характеристиками, которые в совокупности создают образ представителя казахского народа, обладающего высокими нравственными чертами. В рассказе «Лепешки Гульнары» описан образ работника силовых структур, призванного следить за грузинскими переселенцами. Когда сосланные начинают петь, он заходит в комнату и спрашивает, что происходит. Испуганные люди ожидают наказания, но вместо этого переселенцы услышал просьбу продолжить петь «прекрасными голосами» [118, с.20]. Слеза, которая покатилась с глаз казаха, становится символом добра и сочувствия. Все время, пока переселенцы были в заточении, они получали через окно казахские лепешки, испечённые Гульнарой, женой Шортанбея. «Какие же теплые здешние люди, ничего им не жалко для нас» [118, с.24]. Лепешки («Лепешки Гульнары»), плод айвы, так вовремя подаренный местным жителем («Листья айвового дерева»), одежда,

обувь и лепешки, подаренные Тазие и дающие ему возможность пойти в детский сад («Дойя») – все эти сюжетные мотивы реалистично отображают жизнь людей, поневоле оказавшихся в Казахстане. Образы казахов в прозе Гоголадзе соотносятся с добротой, теплотой и открытостью. Это и охранник Шортанбай, расчувствовавшийся, услышав песни переселенцев поневоле, и мальчик и девочка, которые каждый день машут в окне маленькому герою.

Для казахстанского текста В. Гоголадзе образ страны складывается из пространства степи, движения на Восток, культурной инаковости, где герой преодолевает чувство чуждости через поиск связей между прошлым и настоящим, Родиной и чужбиной.

Образ Казахстана в прозе В. Гоголадзе можно назвать типичным для литературы, созданной писателями, репрезентирующими казахстанский текст. Мы обнаруживаем образ степи как культурный код и маркер казахстанского текста, мотивы пространственного перемещения без личной воли как варианта изгнанничества,

Сравнивая с другими произведениями, репрезентирующими образ Казахстана в семантическом поле переселенчества, можно отметить неизменное движение от полного отвержения чужого – культуры, языка, ландшафта – к постепенному принятию и минимизации чужеродности в сознании автора и героя. Такую же сюжетную динамику мы наблюдали в прозе Е. Зейферт. Эта же тенденция обнаруживается в рассказах В. Гоголадзе, где герои-переселенцы сокращают различного рода дистанцию между собой и казахстанским миром через понимание и принятие иной культуры. Важным моментом здесь становится овладением казахским языком: «Время шло. Уже довольно хорошо изучил казахский язык. Все члены нашей семьи тоже понемногу говорили по-казахски» [118, с.31].

Разрушение границ между культурами в рассказах В. Гоголадзе также связано с любовными мотивами, в частности в рассказе «Дойя» изображаются отношения между братом Тазии Ачи и казашкой Дойей, которые встречают сопротивление общества. «…не забудь, сынок, что мы переселенцы и состоим на учете в комендатуре», – напоминает мать Ачи основную причину невозможности отношений между молодыми.

В рассказе «Баркай» встречаем художественную репрезентацию культурного кода «төрт түлік мал» – жылқы. Увидев скакуна, оседланного стариком Мураддином, рассказчик вспоминает своего коня Цквито и грузинскую реку Техуру, воплощающую в сознании мечту о конных прогулках на Родине. В этом сюжетном моменте мы наблюдаем наложение ментальных кодов Грузии и Казахстана с разницей в понимании коня как культурной составляющей жизни человека. В казахской культурной традиции конь реализует множество семантических составляющих. Прежде всего, это мифический крылатый конь тулпар и неотъемлемый спутник батыров – народных героев. «Ел қорғаны – ердің сенімді серігі ер қанаты болып бағаланған «желден жүйрык», «адам есті жануар» ретінде ардақталған тұлпарлар тағдыры оның күй өнерімен бірге толғандырған десек те артық болмас, отмечает Әбдезұлы [121, с. 154]. представляет собой вьючное

животное, которое востребовано в контексте кочевого образа жизни, символ достатка и гастрономический код, то для грузина это символ свободы и независимости. Е.А. Гогиашвили, анализируя образ коня в грузинском сказочном эпосе, отмечает магические свойства животного в грузинской сказочной традиции («конь-чародей», чудесный помощник, друг воина, владелец четырех стихий) [118] Баркай и Цквито – казахский и грузинский скакуны, символизирующие преодоление дихотомии «свой» – «чужой». Неслучайно Баркай, нередко проявляющий суровый нрав, «спокойно принимает» героя. Высокой семантичностью обладает поэтика номинативности: «Барқай», и об этом упоминает Мураддин, «на старогреческом означает огонь» [118, с.37], значение имени «Цквито» – шустрый.

В рассказе В. Гоголадзе «Баркай» Писатель вводит важную в семантическом отношении художественную деталь – Мураддин никогда не садится сам и не разрешает другим садиться на коня, потому что тот принадлежит ушедшему и не вернувшемуся с войны сыну, несмотря на то, что прошло шесть лет со дня окончания войны. Однако, увидев, как Баркай подружился с Хвичей, он настаивает на том, чтобы грузинский юноша оседлал казахского коня.

Сцена скачек, в которых принимает участие Хвича и Баркай, приобретает высокую семантическую напряженность. Доверие, которое Нураддин оказывает герою, становится признаком разрушения национальных и культурных преград в жизни людей. После одержанной на скачках победе Мураддин дарит Баркая Хвиче, тем самым разрушая противоречие в сознании героя и синтезируя в нем свое и чужое.

Одна из основных составляющих картины мира казахов, которую транслируют авторы казахстанского текста – это радушие, гостеприимство и щедрость – художественно воплощена в рассказе «Борец». Узнав, что Како собирается принимать участие в борцовском поединке, несмотря на последствия ранения на войне, из-за приза – барана, которого планирует обменять на дойную козу, чтобы вылечить ребенка, Аббай отговаривает грузина от поединка. «Подарить тебе одну Чедилу, нашему поселку будет не трудно», – говорит он [118, с.45].

2.3 Современная интернет-литература как пространство распространения текстов, репрезентирующих образ Казахстана

В предыдущих разделах нами рассмотрены два направления «казахстанского текста» – поэзия и проза. В теоретической части исследования также была обоснована дифференциация трех корпусов «казахстанского текста»: творчество писателей и поэтов, которые родились в Казахстане, проза и поэзия авторов, которые оказались в Казахстане в определённый период жизни вследствие ряда исторических факторов и группа творческих личностей, не связанных с Казахстаном, но репрезентирующих образ страны.

В разделе 2 нами были проанализированы художественные произведения второй группы авторов. Все тексты, представленные в предыдущей структурной части диссертации, обрели печатный вид. Те же авторы, которые родились и жили в нашей стране, но покинули пределы Казахстана и создают «казахстанский текст» за рубежом, как правило, создают свои произведения в цифровом виде. Современная литература ищет и находит новые художественные формы раскрытия смыслов. Ведущим каналом репрезентации «казахстанского текста» сегодня стала интернет-литература. В рамках настоящего исследования мы рассматриваем ее как особый жанр «казахстанского текста».

На сегодняшний день четко обозначились два подхода к определению интернет-литературы: более общий, предполагающий рассмотрение всего массива современной литературы, опубликованной в Интернете, и более широкий. более конкретный, согласно которому критериями для интернет-литературы являются обязательно используемые возможности электронных коммуникаций, такие как гипертекста (целостная система текстовых страниц, которая является характеризуется наличием перекрестных ссылок, например, из одной части книги в другую), интерактивность (мгновенный диалог с читателем и получение читательской реакции, а также выявление характера и степени взаимодействия между автором и читателем), визуализация (как метод преобразования невидимого в видимое посредством различные визуальные средства, доступные автору для отображения художественной картины мира), аудиализация текста (звуковое и речевое воспроизведение произведения искусства) и т.д.

Формы интернет-литературы повторяют печатные, но имеют свои особенности и классифицируются следующим образом:

- литературные сетевые журналы;
- сетевые библиотеки;
- сетевые литературные игры;
- литературные сайты, форумы гостевых книг, чаты;
- литературные виртуальные объединения;
- литературные компьютерные программы.

Сетевая литература постепенно выводит из литературного оборота печатную литературу, которая в свое время заменила рукописную форму литературы. Интернет -пространство привлекательно для авторов литературы тем, что позволяет им публиковать свои произведения без рецензирования и оценки известных критиков. Сетевая литература развивается как литература не очень высокого качества, но у автора есть возможность быстро продвигаться на литературном рынке с неограниченным количеством пользователей. Осуществляется выполнение сетевых литературных произведений выходит в цифровом формате, что позволяет сохранить его следующие характеристики: динамизм формы и содержания, обработку значительного количества концепций, изображений, идей и быструю реализацию любых фантазий и утопий.

Определяющей чертой читателя интернет-произведений является его активность в обсуждении, а иногда и в совместном создании литературных форм с автором [121]. Кроме того, анализируя современную интернет-прозу казахстанских писателей, мы видим, что она представляет собой динамичную и разнообразную литературную среду, в которой сочетаются традиционные казахские мотивы с развитием цифровых технологий появились новые формы самовыражения.

Появление и распространение Интернета, которое неизбежно повлекло за собой появление его сетевого сегмента в литературе, никоим образом не способствовало прояснению этой проблемы. Естественно, возник вопрос о том, как связаны эти два термина и как они соотносятся друг с другом. Важно отметить, что цифровая литература обычно рассматривается как отдельное явление (по крайней мере, на терминологическом уровне).

По мнению Ю. Лотмана, можно определить границы художественной литературы определяются с двух точек зрения: функциональной (основанной на функциях, которые текст выполняет в рамках культурного поля) и с точки зрения организации текста [122]. Учитывая тот факт, что сетевая литература все еще является малоизученным явлением, на данном этапе исследования представляется необходимым и полезным взглянуть на материал и особенности его применения в более широком контексте: это эффект в общем культурном контексте. С появлением Интернета эту тенденцию можно проследить гораздо дальше, чем, например, использование художественных текстов в кинематографе или плакатном искусстве: особенности восприятия, распространения и хранения информации во Всемирной паутине как новом средстве массовой информации открывают другие возможности для анализа и открытие художественного.

Интернет как носитель текстов предоставляет автору ряд инструментов и техник, недоступных на бумаге, а именно:

- нелинейность текста: благодаря гиперссылкам читатель может самостоятельно выстраивать свою траекторию движения по тексту;
- интерактивность текста: автор может предоставить читателям возможность дополнить существующий текст в соответствии с определенными правилами или произвольным образом;
- мультимедийный текст: в литературное произведение, размещенное в Интернете, легко вставить звуковые файлы, файлы с анимированными изображениями и так далее.

Авторы «казахстанского текста» активно используют онлайн-платформы для публикации своих произведений, что позволяет им охватить более широкую аудиторию и экспериментировать с жанрами и стилями. Это цифровое пространство предоставляет уникальную возможность как профессиональным писателям, так и начинающим авторам исследовать и внедрять инновации в свое дело. В этой литературной онлайн-сфере появляется широкий спектр контента, включая короткие рассказы, повести, эссе и даже романы. Эти работы часто затрагивают такие актуальные темы, как социальные перемены, национальная идентичность, урбанизация и

современные политические и экономические реалии. Ключевой особенностью интернет-литературы является ее многоголосие – произведения написаны на русском, казахском и других языках.

Характеристики электронных художественных произведений, репрезентирующих «казахстанский текст», включают гипертекстуальность, мультимедийность, фрагментарность, процессуальность, поликодирование и минимизацию присутствие автора. Наличие художественных текстов в Интернете обозначается различными терминами: «интернет-литература», «сетевая литература», «сетевая литература», «киберлитература», «киберпространство», «цифровая литература», «гиперлитература», «электронная литература» и «кибертекст». Современный художественный текст, существующий в интернет-пространстве, обладает несколькими ключевыми свойствами. Неотъемлемой характеристикой художественного текста, размещенного в сети Интернет в электронном виде, является интерактивность, понимаемая как обмен информацией в рамках специально организованной системы. Другим свойством является процессность, за которой следуют фрагментарность и мультисредственность или трансмедиальность. В современной филологии появилось теоретическое понятие электронного текста, которое определяется как «текст, созданный с помощью любого электронного носителя... и сочетающий в себе черты как устной, так и письменной речи» [123, с.18]. Интернет-литература как «связная, внутренне организованная единица литературного выражения, сопровождаемая программным обеспечением», характеризуется трансформацией художественной коммуникации на уровне «автор-читатель».

Среди авторов, которые используют интернет-площадки для публикации своих произведений, в которых обнаруживаются элементы «казахстанского текста», можно упомянуть В.В. Савельеву, И. Серкебаеву и других. Обратимся к творчеству этих авторов. Отметим, что эти авторы выбирают как печатные формы издания, так и интернет. В частности, это можно сказать про Ирину Серкебаеву, дочь народного артиста Ермека Серкебаева. С 2001 года постоянно проживает в штате Флорида, США,

Ирина Серкебаева – прозаик, автор книг «Кризис среднего возраста, которого нет» (2009), «Бибигуль Тулегенова: любить, надеяться и верить» (2012), «История папенькиной дочки». Среди форм, которые выбрала писательница для своих произведений – мемуары, которые сама автор называет «семейной рукописью». Это книга о Ермеке Серкебаеве, отце писательницы и народном артисте Казахстана [124]. «Ермек Серкебаев. И жизнь, и молодость, и счастье» (2010) – книга, описывающая жизнь и творческий путь выдающегося казахстанского певца. В нее включены рассказы самого музыканта о детстве, юности, зрелых годах, а также воспоминания современников Серкебаева. Книга была издана дважды. Во втором издании, презентованном в августе 2026 года в Алматы, в год 100-летия со дня рождения певца, в нее включены разделы о казахской песне и камерной музыке. Книга Ирины Серкебаевой во втором издании вышла за рамки мемуарного жанра и творческой биографии, представив читателям

литературную историю развития культуры Казахстана с 1940-х годов по наши дни.

Первый интернет-сообщества в Казахстане начали появляться в 2000-х годах, а интернет-литература активно развивалась через онлайн-журналы, литературные кружки и другие цифровые проекты. Например, литературно - художественный полноцветный журнал «Простор» (http://prostor.samal.kz); газета «Книголюб», имевшая статус национального книжного обозрения (главный редактор А. Алексеев; http://samal.kz/~kb); литературное объединение в Петропавловске, Северный Казахстан, был веб-сайт под названием «Литера»; в Караганде работал веб-сайт «Дар слова»; в Кокшетау - веб-сайт литературного объединения «Струны народа» (http://struny.narod.ru); онлайн-альманах современной казахской литературы «Русскоязычная Азия» (под редакцией Л. Калаус и В. Савельевой; http://ra.site.kz); сайт общественного фонда гуманитарного развития «Муссагет» (http://www.musagetes.com) и так далее.

Самая первая форма литературы в Интернете была представлена онлайн-журналами и веб-сайтами, где тексты были распределены по категориям в меню. Главным преимуществом этого формата было быстрое продвижение автора. Сегодня в Интернете существует множество платформ, содержащих литературный контент, включая литературные порталы («Портал Адеби», «Kitap.kz», «Drama.kz», «Proza.kz»), онлайн-журналы («Тамыр», «Дактиль»), персональные веб-сайты («Бухта Нагаева»), литературные сообщества («Qazaqpen club», «kz451») и международные порталы с казахским контентом. Современное интернет-пространство представлено в различных форматах, которые, так или иначе, заимствуются различными видами искусства, в том числе и литературой. Казахстанская интернет-литература все еще находится на ранних стадиях развития, но ключевые тенденции уже наметились. В нынешних условиях повсеместной цифровизации классические формы искусства становятся все более востребованными. вынужденный искать новые способы существования. Внимание к читателю как потребителю информации стимулирует создание новых форм литературного самовыражения. Длительный процесс создания тезауруса интернет-литературы на данный момент можно считать практически завершенным, и следующим шагом является активный анализ современной интернет-литературы.

Доступность интернет-литературы существенно влияет как на ее форму, так и на содержание. Определяя процесс создания художественного текста и его интерпретацию как форму моделирования, основоположники рецептивной эстетики предполагается, что каждый читатель создает свою собственную модель текста, каждый раз новую. «Интернет – это мир информационных потоков, которые обволакивают и пронизывают все вокруг нас, обладая потенциалом материализации сообщений в любой осязаемой форме, охватывая все разнообразие создаваемой, хранимой и передаваемой информации» [125, с.15]. Сегодня каждый седьмой человек на планете зарегистрирован в социальной сети Facebook, и число новых пользователей продолжает расти. Наш интерес к этой социальной сети обусловлен

несколькими причинами, одной из которых является генетическая связь между Facebook и постмодернизмом. Перечисленные ниже характеристики присущи как постмодернизму в целом, так и Facebook, который воплощает философские идеи постмодерна:

• Слияние искусства и технологий.
• Понимание мира как текста.
• Феномен маленького мира.
• Цитаты и соавторство.
• Игривость.
• Повествовательность (маленькие истории заменяют большие повествования, жизнь после истории).
• Принцип коллажа, мозаичная природа реальности.
• Полифония или многоголосие.
• Шизофрения (фрагментация мира).
• Интертекстуальность;
• Гипертекстуальность (перекрестные ссылки между фактами и антифактами).
• Неприятие авторитетов.
• Потребность в рефлексии: возвращение к мифам и неверие в будущее.

Все эти характеристики, безусловно, применимы к Интернету в целом. Взаимосвязь между искусством и технологиями лежит в основе онлайн - коммуникации. Сегодня, без сомнения, социальная сеть Facebook служит творческой платформой, пространством для взаимодействия и инструментом саморекламы для всех авторы. Многие писатели и поэты ведут свои блоги в этой социальной сети. Один из примеров творчества автора в социальной сети, а именно – в Facebook – является В.В. Савельева.

Вера Владимировна Савельева – известный казахстанский литературовед, доктор филологических наук, автор первых казахстанских учебников «нового поколения» (2003-2020), множества фундаментальных научных трудов, в том числе монографии «Художественный мир и художественный текст: соотнесенность и организация» (1996), «Художественная антропология» (1999), «Художественная гипнология и онейропоэтика писателя» (2018), критик, поэтесса. В 2021 покинула Казахстан. Вначале жила в России, в настоящее время проживает во Франции. Сегодня, продолжая свой творческий путь за пределами Казахстана, создает прозаические и поэтические произведения. В стихотворениях «Сон об отце» и «Сон во время болезни» находим поэтическую трансформацию научных идей В.В. Савельевой.

Стихотворение «Сон об отце» посвящено переживанию утраты и духовной связи с ушедшим отцом. В стихотворении сон ассоциирован с образами стекла и зеркала. Мифопоэтический образ стекла как границы между разными пространствами: реальностью и сном, прошлым и настоящим, видимым и невидимыми мирами. Многократность употребления «или» подчеркивает зыбкость сна: лирическая героиня не может четко ощутить, где физически она находится.

Как странно, что в призрачном
Утреннем сне отца я увидела,
Будто в окне и зеркале
Или в проеме двери,
И он мне махал и «Иди!» говорил. [126, с.25].

Сон становится пространством встречи прошлого и настоящего, жизни и памяти. При этом эмоциональный фон, создаваемый поэтом, лишен трагичности: образ отца приносит лирической героине не страх или боль, а чувство тепла, защищенности и душевного покоя. Отец приходит во сне, чтобы поддержать дочь.

И стало теплее и так хорошо.
И я не заметила, как сон прошел.
Так ясно я видела,
Как он стоял, рукой поводил,
Как обычно махал. [126, с.25].

Героиня лирического мира стоит перед своеобразным выбором. Классический мифопоэтический сюжет встречи с ушедшим из жизни отцом разрешается в пользу жизни:

Он был далеко, где-то в заднем ряду,
Но я почему-то к нему не иду.
Я крепче за руку взяла свою дочь
И сон начал таять, как стаяла ночь. [126, с.25].

Связь с живым – с дочерью – оказывается сильнее связи с прошлым. «Таяние» как признак зыбкости, нереальности завершает этот смысловой отрезок стихотворения. Финальные строки переносит героиню в повседневность, в «спешные дела наступившего дня». Таинственное совмещение сна и воспоминания органично переходят в реальность, в котором сон выполняет охранную функцию. Память, духовная связь с прошлым осознаются автором как средство приобщения к семье, к прочной связи поколений.

Художественный мир стихотворения основан на системе пограничных образов: утро, сон, окно, зеркало, дверь, ночь. Все они обозначают переход или границу. Благодаря этим символам стихотворение приобретает философский смысл: жизнь и смерть разделены пространством любви.

Мотив сна продолжает воплощение в стихотворении «Сон во время болезни». Болезненный сон превращает смутное внутреннее беспокойство лирического героя в фантастический образ «коварного вора».

Традиционная хрупкость сна передается через эпитет «тонкий»:

С горячей плоской крыши
По ниточке прямой
Спускается неслышно
Коварный вор домой. [126, с.85].

Персонифицированный символ лихорадочного нарушенного сознания воплощает черты трикстера:

Смесь мании и чуда,
гордец, хитрец, мудрец,
прилипчив, как простуда,
на пальцах семь колец. [126, с.97].

Стихотворение построено в традициях гротеска, на синтезе комического и фантастического, материального и бесплотного, бытового и сказочного. Эта двойственность соответствует природе болезненного сна: нелепость деталей не снижает тревожную эмоциональность.

Поиск различных форм для воплощения творчества привел В.В. Савельеву к созданию сказки. Выбрав в качестве центрального персонажа фольклорный образ Дремы – доброго духа, оберегающего человека, вызывающего умиротворение души. Дрема в сказке В. Савельевой живет во французском городе, на берегу моря. Она ни с кем не общается, кроме большого краба, с которым Дрема ведет долгие разговоры о снах, о бессоннице. Ключевой для писательницы образ сна занимает важное место и в сказочном мире: «Дрема знает, что сны снятся всем, даже камням и скалам. Камни видят во сне многолюдные города с замками и площадями». Все в сказке видят сны – и люди, и животные, и предметы: взрослым и людям подводного мира, рыбам и птицам.

Дрема – образ женский, что сближает его с автором. Дрема любит гулять по побережью, заходит в воду, и тогда «лицо её светлеет и молодеет, морщины разглаживаются». Дрема живет в современности: она «видит демонстрации, толпы кричащих болельщиков, коллективные игры, очереди в аэропортах», и ей неуютно в этом суетном мире. Поскольку Дрема – ночной персонаж, ее трудно увидеть днем, только при условии ее превращения в обычную женщину. Тогда портрет мифического персонажа приобретает реалистические автобиографические черты, и в финале номинации уже четко обрисовывают женский портрет: «бодрая старушка», обретающий европейские характеристики: «мадам на велосипеде». В то же время Дрема обладает и фрагментарной зооморфностью, превращаясь в «веселую сороку», «ласковую кошку», «дружелюбную собаку», «шуструю белку».

В цикле сказок «Непридуманные истории про Дрему» (2023) находим элементы «казахстанского текста»: в сказке «Дрема и бабай» возникает фантастический образ с чертами казахских мифологических существ. Синтетическое сознание автора дает возможность для поликультурного объединения элементов европейской, русской, казахской сказочной традиции.

«Бабай» – сказочное существо из Средней Азии. Он обладает жизнелюбием и бессмертием. Важный атрибут Бабая – тюбетейка. Как и во всех сказках про Дрему этот персонаж живет одновременно и в сказочном, и в реальном мире: «Мешок у него современный, похож на рюкзак с двумя большими карманами на кнопках. В одном лежит все необходимое: расческа, зубная щетка, ножик, фляжка с водой, полотенце. В другом кармане – документы, сделанные на случай задержки, книжка стихов Омара Хайяма, сборник пословиц и афоризмов, карандаши, пластырь и бинт» [127]. Этот мужской сказочный персонаж, принявший образ старика, выполняет все свойственные ему функции: пугает взрослых и детей, может увеличиваться в росте,

Поэтика художественного мира сказок В. Савельевой о Дреме демонстрирует синтез реального и фантастического: ночная русская Дрема днем превращается во французскую старушку, Бабай строит себе дом из сосновых деревьев, поваленных ураганом, свидетелем которых стал сказочный нарратор, который «с группой студентов» ехал «в горы в маршрутном такси». Вплетение факта об алматинском урагане. Повалившем тянь-шанские ели, трансформируется в полифоничный сюжет о сказочном персонаже детского фольклора постсоветского – в том числе казахстанского – культурного пространства.

Казахские культурные коды представлены несколькими категориями. Это ландшафтные коды – снежные горы, ель, ночной Алматы, горное озеро Иссык; зооморфные – снежный барс Ирбис, манул, верблюд; предметные – тюбетейка, яркие пиалушки, баурсаки с медом, домбра. Дрема и Бабай символизируют два культурных начала – русское и казахское.

Авторское определение «непридуманные истории» построено на парадоксе: нарратор описывает заведомо фантастические события, но настаивает на их достоверности. Благодаря этому создается характерная для сказки атмосфера доверия к чудесному. Название стирает границ между вымыслом и реальностью: Дрема и Бабай существуют не только в фольклоре, но и в реальном пространстве Алматы и Бреста.

Текст В. Савельевой объединяет признаки литературной сказки, мифологического рассказа, городской легенды, автобиографической прозы, сказочного путевого очерка и современной литературной интернет-литературы. Автор не просто использует традиционные сказочные персонажи, а создает вокруг них художественный мир, вплетая сказочные элементы в современный нарратив.

В последнее время публикации в Интернете стали одной из самых доступных и популярных форм признанными авторами также охотно используются средства вывода текста на читателя, онлайн-сборники и альманахи, сайты со свободным размещением произведений и блоги. В связи с этим становится очевидным, что формирование новой коммуникативной системы оказывает существенное влияние не только на казахскую культуру в целом, но и, в первую очередь, на литературный процесс. Таким образом,

сетевая литература стало одним из новаторских способов репрезентации «казахстанского текста».

Выводы по второму разделу:

1**.** Творчество П. Васильева, Л. Щеглова представляют собой поэтическое направление «казахстанского текста». В нем обнаружены черты евразийской идентичности и элементы диалога культур. В поэтических текстах этих авторов обнаруживается репрезентация национальных казахских кодов различных семантических группа, а оппозиция «свой» - «чужой» не выражена, поскольку авторское сознание синтетично.

2. Прозаическое направление «казахстанского текста» характеризуется такими чертами, как ретроспективная организация повествования (у Зейферт хронотоп обладает также мифопоэтическими чертами), личная и коллективная память, мотивы насильственного перемещения, изображение Казахстана как убежища, благодарность казахскому народу, позитивный фон репрезентации казахских культурных кодов и динамика тяготения к разрушению оппозиции «свой» - «чужой» от начала сюжета к финалу.

3. Интернет-литература представляет собой межжанровый вид литературы, обладая при этом синтетическими свойствами. Авторы, репрезентирующие Казахстан в интернет-пространстве, стремятся сохранить и развить казахские традиции, вплетая элементы фольклора и эпических повествований в современные сюжеты, в то время как другие придерживаются постмодернизма, используя метафоры, иронию и игривый язык. «Казахстанский текст» интернет-литературы также отражает глобальные тенденции, такие как мультикультурализм, гендерные различия. проблемы, связанные с окружающей средой, часто интерпретируются через призму местной культуры и традиций.

3 ФОРМИРОВАНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ «КАЗАХСТАНСКОГО ТЕКСТА»

3.1 Методологические условия разработки модели формирования исследовательской компетенции при изучении «казахстанского текста»

Университетское образование сегодня тесно связано с научными исследованиями. Во всем мире, в том числе и в Казахстане, наблюдается тенденция перехода на модель исследовательских университетов. К этой же модели тяготеет Казахский национальный педагогический университет имени Абая. В этой связи актуальной оказывается моделирование ожидаемых результатов университетского образования в контексте навыков исследовательской работы.

Объект исследования диссертации отвечает всем требованиям образовательного контента, формирующего модель выпускника. «Казахстанский текст» развивается в условиях глобализации, миграции и трансформации национальной идентичности. Исследование «казахстанского текста» даст студентам возможность проследить историко-культурные изменения, формируя навыки диахронического анализа текстов.

Особое значение приобретает использование междисциплинарных методов анализа. Объединяя подходы историко-функционального, социологического, интермедиального и герменевтического анализа, студенты рассматривают «казахстанский текст» в широком контексте мировых литературных и культурных процессов. Такой методологический синтез позволяет выявлять динамику репрезентации Казахстана, а также анализировать механизмы трансформации национального самосознания.

«Казахстанский текст» также может быть рассмотрен через концепцию урбанистического текста (например, «алматинский текст»). Этот подход позволяет исследовать влияние городского пространства на культурные нарративы, выявлять элементы локальной идентичности, проявляющиеся в литературе. Анализ городского текста способствует изучению процессов социализации, исторической памяти и культурного взаимодействия в городской среде. Кроме того, он формирует у студентов навыки работы с визуальными, пространственными и текстовыми репрезентациями города.

«Казахстанский текст» включает многоуровневые нарративы – от исторических хроник до художественных образов. Их анализ развивает у студентов способность к интерпретации, сравнению и классификации литературных явлений. Будущие филологи получают возможность распознавать символические коды, анализировать культурные контексты и устанавливать связи между текстами и реальной историей. Таким образом, работа с «казахстанским текстом» становится важным инструментом формирования критического мышления, академической рефлексии и самостоятельного научного поиска.

Исследование «казахстанского текста» в произведениях, написанных вне Казахстана сопряжено с использованием методов имагологии, поскольку вынесение образа Казахстана за пределы его географического контекста позволяет проследить репрезентацию «своего» и «чужого», их

взаимопроникновение и трансформацию. Носитель казахстанской культуры, вне зависимости от его этнической принадлежности, неизменно воплощает ее в «чужом» пространстве. Это делает возможным исследование различных форм и степеней культурного взаимодействия.

Обращение к «казахстанскому тексту» в образовательном процессе не только углубляет понимание национальной литературы, но и способствует развитию исследовательских навыков. Магистранты осваивают методы сравнительного литературоведения, герменевтического и семиотического анализа, исследуют концепты национального самосознания и механизмы трансформации культурных кодов.

«Казахстанский текст» формирует знаковую систему, в которой отражены культурные смыслы и ментальные коды. Семиотический анализ «казахстанского текста» произведений позволяет выявить ключевые знаковые системы, которые транслируют культурные смыслы и формируют целостное восприятие Казахстана. Анализ текстов помогает студентам выявлять символы, метафоры, архетипы, связанные с образом Казахстана. Это способствует развитию компетенций в области лингвистики, литературоведения и культурологии, а также формированию методологической гибкости в исследовательской деятельности.

При формировании исследовательской компетенции магистрантов планировалось внедрение средств искусственного интеллекта в этот процесс. Искусственный интеллект обладает возможностями формирования новой исследовательской культуры через дополнение классического филологического образования.

Появление технологий машинного обучения, обработки естественного языка (NLP) и генеративных моделей открыло новые методологические горизонты для литературоведения. Если традиционные методы опирались на качественное описание, сравнение и интерпретацию, то внедрение инструментов ИИ в литературоведение расширяет исследовательский инструментарий через использование количественных и вычислительных способов анализа, что дает основание говорить о зарождении нового научного направления – цифрового литературоведения.

Методологическую базу разработанной методики составили следующие подходы:

- культурологический подход (Э.Б. Тайлор [128], К. Гирц [129], Ю.М. Лотман [130]);
- научные позиции Digital Humanities (Manfred Thaller [131], Д.В. Галкин [132]);
- герменевтическая парадигма, которая нашла реализацию через организованную реконструкцию культурных смыслов текста и введении категории «понимания как исследовательского опыта»;
- исследовательская педагогика (Д. Дьюи [133], В.И. Загвязинский [134], Е.С. Полат [135]);
- социокультурный конструктивизм (П. Бергер, Т. Лукман [136]);

- научную базу исследования в части, касающейся формирования исследовательской компетенции, составили труды Т.В. Боровиковой [137], Э.Г. Черновой [138], В.С. Елагиной [139], Л.М. Репета [140], Н.В. Миненко [141] и др;

- совокупность подходов составили труды Manfred Thaller, Д.В. Галкина, Roula Daher.

В совокупности эти подходы позволили трактовать образовательный процесс как пространство культурного самопознания, где исследовательская деятельность становится формой личностной самоидентификации себя с социокультурным обществом.

В теоретический блок модели отобраны теоретические положения литературоведения:

- казахстанской литературы и образа Казахстана в мире (В.В. Бадиков, С.В. Ананьева, Б.У. Джолдасбекова, М.А. Костина и др.);
- интермедиальности (В.О. Чуканцова, О.И. Савиных и др.);
- национальных текстов (Д.А. Чугунов, В.Н. Топоров, В.В. Орехов и др.);
- семиотики (Ю.М. Лотман и др.);
- национальных картин мира (Г.Д. Гачев, М. Тимофеев, М.К. Попова и др.);
- имагологии (О.Ю. Поляков, В.А. Хорев и др.);
- проблем казахстанской культуры (Е.Т. Джелбулдин и др.);
- взаимодействия литератур (Н.О. Джуанышбеков и др.);
- метафорической репрезентации образа Казахстана (Б.Г. Смагулова, Ш.К. Жаркынбекова, Е. Абдувалитов и др.).

В ходе моделирования педагогического эксперимента были выделены структурные *компоненты* исследовательской компетенции: когнитивный, операциональный, рефлексивный, ценностно-смысловой. Под когнитивным компонентом понимается знание теории литературы, оперирование терминами «казахстанский текст», «культурный код», «образ Казахстана» и др. Операциональный предполагает работу над овладением студентами навыками анализа и интерпретации текстов. Рефлексивный компонент предполагает осознание магистрантами личной исследовательской позиции. Ценностно-смысловой имеет аксиологическую направленность и предполагает личностное освоение национальной культуры через художественную литературу, созданную авторами, покинувшими пределы Казахстана.

На основе требований Государственного общеобязательного стандарта образования Республики Казахстана Образование высшее, выделены следующие дескрипторы (таблица 7).

Таблица 7 – Дескрипторы исследовательской компетенции

Код	Содержание дескриптора	Уровни сформированности ИК		
		низкий	средний	высокий
1	2	3	4	5

Продолжение таблицы 7

ИК1	Умение работать с электронными базами данных Google Scholar, электронными базами данных МБРЭК, использование возможностей ИИ (инструмента)	Демонстрирует навыки работы в общих поисковых системах, отсутствуют навыки работы с электронными базами данных Google Scholar, электронными базами данных РМЭБ, возможности ИИ используются с высоким уровнем компиляции без содержательной переработки	Демонстрирует навыки работы в общих поисковых системах, отсутствуют навыки работы с электронными базами данных Google Scholar, электронными базами данных РМЭБ, критически переосмысливаются результаты запросов в ИИ	Демонстрирует осознанные навыки работы с электронными базами данных Google Scholar, электронными базами данных РМЭБ, е- LIBRARY, инструмента .
ИК2	Навыки академического цитирования	Цитирование целиком заменяет компилятивной вставкой	Осуществляет частичную переработку используемого материала, цитаты не оформляет согласно логике исследования и задачам цитирования, не излагает собственную исследовательскую позицию	Составляет текст, который представляет собой оригинальную трансформацию использованных источников с включение цитат и аналитическим обзором с высказыванием собственной исследовательской позиции.
ИК3	Составление сквозной библиографии	Четко не структурирует библиографию, отмечаются несовпадения в цитировании и списке использованной литературы. отмечаются множественные технические ошибки	Составляет библиографию, которая частично не соответствует цитированию, технические ошибки отсутствуют.	Составляет библиографию, в которой четко прослеживается сквозной характер, все цитаты точно соответствуют заявленному списку, соблюдены стандарты библиографического оформления.

Продолжение таблицы 7

ИК4	Умения в разработке научного аппарата	Магистрант демонстрирует неумение определить цель и задачи исследования, определить и зафиксировать методы, описать структуру исследования.	Магистрант демонстрирует частичное присутствие навыков составления научного аппарата по образцу, при этом наблюдаются нарушения последовательности структурирования научного аппарата, неточности в обзоре методологической базы, описании структуры исследования.	Магистрант демонстрирует умение разрабатывать научный аппарат, логически выстраивать содержание согласно цели и задачам исследования, описывает логическую структуру научного проекта.
ИК5	Составление содержания исследовательского проекта	Не составляет содержание проекта	Составляет содержание проекта с помощью преподавателя	Самостоятельно составляет содержание исследовательского проекта
ИК6	Составление аннотации	Не демонстрирует навык самостоятельного составления аннотации	Составляет аннотацию с привлечением возможностей ИИ	Самостоятельно составляет аннотацию к статье или исследовательскому проекту

Разработанная методика формирования исследовательской компетенции приняло форму модели, изображенной на следующей схеме (рисунок 5)

Целевой блок

Формирование исследовательской компетенции магистрантов через анализ и интерпретацию «казахстанского текста»

Теоретико-методологический блок

Подходы: культурологический, герменевтический, семиотический, имагологический, интермедиальный, междисциплинарный, Digital Humanities

Общеметодические принципы: научности, системности, проблемности, диалогичности, связи теории и практики, рефлективности. Частнометодические принципы: историзма, единства формы и содержания, художественной целостности, взаимосвязи традиции и новаторства.

Продолжение схемы

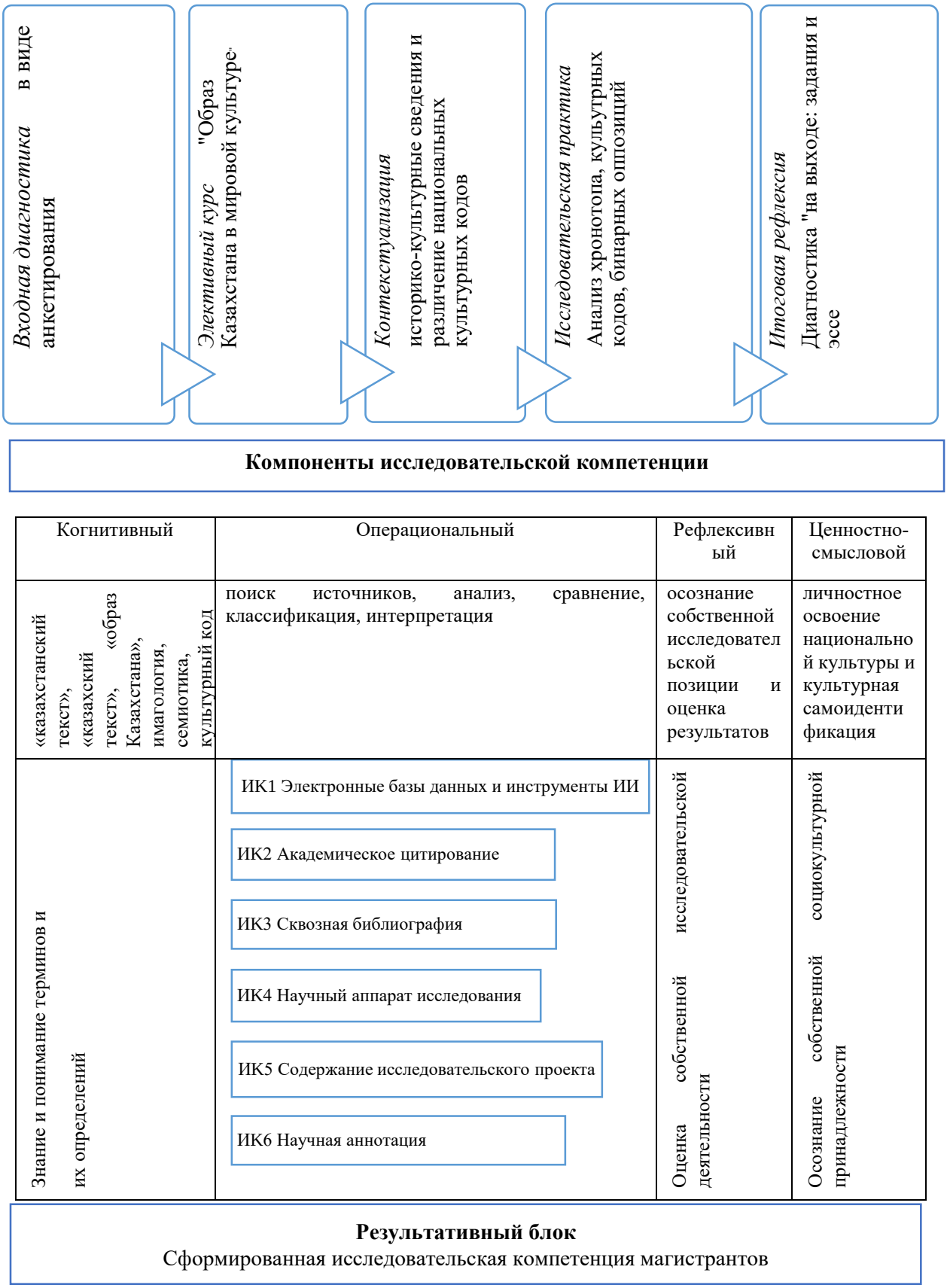

Рисунок 5 – Модель формирования исследовательской компетенции магистрантов образовательной программы «Русский язык и литература»

С целью проверки эффективности разработанной модели был организован педагогический эксперимент.

Цель эксперимента: проверить эффективность методики формирования операционального компонента исследовательской компетенции магистрантов КазНПУ им. Абая через изучение «казахстанского текста».

К *задачам* эксперимента были отнесены следующие:

- разработать диагностические процедуры «на входе» и «на выходе», сравнить динамику показателей исследовательских навыков в контрольной и экспериментальной группах;
- реализовать в экспериментальной группе методику формирования исследовательской компетенции в части формирования операционального компонента через изучение «казахстанского текста» в литературе эмиграции;
- применить в обучающей среде магистрантов методы и приемы анализа репрезентации Казахстана в художественном сознании авторов-мигрантов;
- осуществить диагностику сформированности операционального компонента исследовательской компетенции.

3.2 Предварительное анкетирование бакалавров на констатирующем этапе

В целях подтверждения эффективности разработанной модели нами было организовано исследование операционального компонента исследовательской компетенции как определяемого при помощи количественных методов. Независимой переменной выступило внедрение элективного курса, а зависимой–уровень исследовательской компетенции, операционализированный через показатели ИК-1 – ИК-6, измеряемыми до и после формирующего воздействия. Такой дизайн позволил проследить не только разницу в конечных показателях в ЭГ и КГ, но, прежде всего, отследить внутри групповую динамику.

На первом этапе экспериментальной работы нами были выявлены педагогические условия формирования исследовательской компетенции на 4 курсе бакалавриата образовательной программы «Русский язык и литература» как маркеров сформированности формируемых навыков в магистратуре, которые планировалось подтвердить на уровне магистратуры.

В ходе констатирующего этапа использовался *анкетный опрос* среди студентов Казахского национального педагогического университета имени Абая (4 курс образовательной программы 6В01702 – «Русский язык и литература»). Вопросы касались частоты обращения к казахстанским текстам, типов используемых материалов и возникающих трудностей. *Статистическая обработка данных* использовалась для анализа ответов респондентов использованы методы количественной обработки данных.

Выборка групп для проведения количественного исследования – бакалавры четвертого курсов Казахского национального педагогического университета – 35 студентов. Основание – входной диагностический срез, позволивший представить общие тенденции сформированности исследовательских компетенций бакалавров филологических специальностей.

Были использованы следующие диагностические инструменты: анкетирование, разработанное автором данной диссертации (Г. Атембаевой), включающей вопросы на знание понятий «национальный образ», «казахстанский текст», знание реалий казахстанского общества, казахских национальных культурных кодов, исторических фактов, связанных с «советским» периодом казахстанской истории.

Было проведено анкетирование среди студентов Казахского национального педагогического университета имени Абая на 4 курсе образовательной программы 6В01702 – «Русский язык и литература». В исследовании приняли участие 35 студентов. Предварительное анкетирование студентов четвертого курсов бакалавриата направлено на выявление опыта работы с текстами о Казахстане, субъективно воспринимаемых трудностей и потребности в методическом сопровождении. Также данные использовались для разработки дескрипторов исследовательской компетенции и разработки содержания образования элективного курса.

При обработке данных учитывалось, что в ряде вопросов студенты могли выбирать несколько вариантов ответа, поэтому общее количество указанных выборов превышает численность участников опроса, а сумма процентов в таблицах не всегда равна 100%. При этом мы не ставили целью сравнение уровня сформированности исследовательских навыков, так как основная задача заключалась в выявлении роли текстов о Казахстане в развитии исследовательской компетенции студентов в целом. Поэтому в таблицах приводятся сводные данные по всей выборке, что позволяет отразить общие тенденции.

Опрос даст представление о том, насколько эффективно казахстанские тексты интегрированы в научно-исследовательское обучение и какие действия могут улучшить этот процесс. Дизайн опроса соответствует Европейской структуре компетенций для исследователей (2023-го года), в которой особое внимание уделяется ключевым компетенциям, необходимым для эффективных исследований, включая критическое мышление, аналитические навыки и академическую честность. Согласно этой концепции, проведение исследований включает в себя не только дисциплинарные знания, но и способность проводить междисциплинарные исследования, применять этические принципы и эффективно управлять исследовательскими данными. Оценивая, как учащиеся взаимодействуют текстами о Казахстане, опрос определяет уровень развития этих компетенций в местном образовательном контексте.

Первый раздел нашего опроса был посвящен анализу опыта исследований у студентов. Как уже отмечалось ранее, нами были опрошены студенты 4 курса. Результаты представлены в таблице 1 и позволяют сделать следующие выводы (студенты могли выбирать несколько пунктов) (таблица 8).

Таблица 8 – Обобщение ответов студентов по разделу 1 опроса

Исследовательская деятельность	Количество студентов	Процент (%)
Опубликованная статья	1	2,9%
Устный доклад на конференции	15	42,9%
Готовлю дипломный проект	24	46%
Нет исследовательского опыта	8	22,9%

Примечание: студенты могли выбрать несколько вариантов, поэтому сумма процентов превышает 100%.

Следующая часть опроса, а именно раздел 2, был направлен на выяснение особенностей использования текстов о Казахстане в исследовательской деятельности студентов. Вопросы касались частоты обращения к текстам и типов используемых материалов. В ходе анализа ответов были выявлены следующие результаты:

1. Частота использования казахстанских текстов: 31% студентов часто используют текстов о Казахстане в своих исследованиях. 38% студентов обращаются к ним иногда. 21% студентов используют такие тексты редко. 10% студентов никогда не использовали текстов о Казахстане (более подробно в таблице 9).

Таблица 9 – Частота использования казахстанских текстов

Частота использования	Количество студентов	Процент (%)
Иногда	25	54,3%
Часто	10	8,6%
Редко	16	31,4%
Никогда	2	10%

2. Типы используемых казахстанских текстов: 37,1% студентов используют исторические тексты и документы. 42,9% студентов работают с современными казахстанскими текстами и культурными медиа. 45,7% студентов обращаются к классическим печатным текстам. 45,7% студентов используют академические статьи о казахской культуре (таблица 10).

Таблица 10 – Типы используемых текстов о Казахстане

Тип текста	Количество студентов	Процент (%)
Современные казахстанские тексты	15	42,9%
Классические казахстанские тексты	16	45,7%
Культурные медиа (фильмы, музыка, театр)	16	45,7%
Исторические тексты и документы	13	37,1%
Академические статьи	8	22,9%
Никогда не использовали казахстанские тексты	2	5,7%

Примечание: студенты могли выбрать несколько вариантов, поэтому сумма процентов превышает 100%.

Тексты о Казахстане используются студентами-филологами в различной степени. Результаты показывают разнообразие типов используемых материалов и уровень их вовлечённости в исследовательский процесс.

Раздел 3 опроса был посвящён оценке того, как использование текстов о Казахстане способствует развитию ключевых исследовательских навыков студентов. Вопросы касались таких аспектов, как анализ литературных и культурных текстов, формулирование исследовательских вопросов, проведение литературных обзоров, интерпретация и синтез информации, а также презентация результатов исследований. Результаты представлены в таблице 11.

Таблица 11 – Оценка вклада казахстанских текстов в развитие исследовательских навыков

Навык	**Не способствует**	**Слабо**	**Умеренно**	**Существенно**	**Значительно**
Анализ литературных и культурных текстов	2%	4%	15%	40%	39%
Формулирование исследовательских вопросов	5%	8%	20%	35%	32%
Проведение литературных обзоров	3%	10%	25%	37%	25%
Интерпретация и синтез информации	4%	12%	22%	38%	24%
Презентация результатов исследований	6%	9%	28%	33%	24%

Представленные данные демонстрируют разнообразие в восприятии студентами роли текстов о Казахстане в развитии исследовательских навыков.

Раздел 4 опроса был направлен на выявление трудностей, с которыми сталкиваются студенты при работе с текстов о Казахстане, а также на сбор предложений для преодоления указанных трудностей. Результаты представлены в таблицах 12 и 13.

Таблица 12 – Основные трудности при работе с казахстанскими текстами

Трудности	**Количество студентов**	**Процент (%)**
Сложность поиска надёжных источников	21	60%
Недостаток методических рекомендаций по анализу казахстанских текстов	20	57,1%
Трудности в структуре исследовательских работ с казахстанскими текстами	5	14,3%
Ограниченный доступ к академическим базам данных Казахстана	16	45,7%
Языковой барьер при работе с казахстанскими текстами	2	5,7%

Продолжение таблицы 12

Сложность применения соответствующих исследовательских методов	4	11,4%

Примечание: студенты могли выбрать несколько вариантов, поэтому сумма процентов превышает 100%.

Таблица 13 – Предложения по улучшению интеграции казахстанских текстов в исследования

Предложения	**Количество студентов**	**Процент (%)**
Повышение доступа к цифровым библиотекам и архивам казахстанских текстов	29	82,9%
Обучение методам исследования для анализа культурных и литературных текстов	12	34,3%
Разработка чётких методических рекомендаций по использованию казахстанских текстов	18	51,4%
Проведение семинаров и мастер-классов по казахстанской литературе	7	20%
Возможности для сотрудничества с преподавателями по исследовательским проектам	9	25,7

Примечание: студенты могли выбрать несколько вариантов, поэтому сумма процентов превышает 100%.

Результаты показывают наличие значительных трудностей при работе с текстов о Казахстане, таких как ограниченный доступ к ресурсам и отсутствие методических материалов. Также выявлены приоритетные направления для улучшения условий работы с казахстанскими текстами, включая расширение доступа к академическим ресурсам и проведение обучающих мероприятий.

Результаты данного исследования дают всестороннее представление о том, как текстов о Казахстане влияют на развитие исследовательской компетенции у студентов-филологов. В ходе опроса стало очевидно, что, в то время как студенты активно взаимодействуют с текстами, на эффективность этой интеграции в исследовательскую практику влияет несколько факторов.

Большинство опрошенных студентов (83%) имеют значительный исследовательский опыт, включая публикации статей, выступления на конференциях и участие в научных конференциях. Такой уровень вовлеченности говорит о том, что респонденты имеют четкое представление об исследовательском процессе и способны критически оценивать роль текстов о Казахстане в своей научной работе. Несмотря на это, только 31% студентов часто используют текстов о Казахстане, а 10% никогда не включали их в свои исследования. Это расхождение указывает на то, что, хотя студенты знакомы с исследованиями, текстов о Казахстане не всегда рассматриваются как важные ресурсы, возможно, из-за проблем с доступностью или отсутствия методического руководства.

Тексты о Казахстане вносят значительный вклад в развитие ключевых исследовательских навыков. Студенты сообщили, что тексты играют существенную роль в повышении их способности анализировать литературные и культурные материалы, формулировать исследовательские вопросы и проводить литературные обзоры. В частности, 79% студентов отметили, что работа с текстами о Казахстане существенно помогает в анализе текста, а 67% признали их важную роль в формулировке исследовательских вопросов. Эти результаты согласуются с Европейской структурой компетенций для исследователей, в которой подчеркивается, что критическое мышление, аналитические навыки и междисциплинарные исследования являются ключевыми компонентами исследовательской компетентности.

Несмотря на свой потенциал, студенты сталкиваются с рядом проблем при интеграции текстов о Казахстане в свои исследования. Наиболее распространенными проблемами являются трудности с поиском достоверных источников (60%), отсутствие методологического руководства (57,1%) и структурные проблемы в организации исследовательских работ (14,3%). Языковой барьер также представляет собой значительное препятствие: 5,7% студентов сообщают о трудностях при работе с текстами на казахском языке. Эти проблемы свидетельствуют о том, что, хотя студенты признают ценность текстов о Казахстане, институциональная поддержка в виде доступных ресурсов и четких методологических рамок отсутствует.

Студенты предложили несколько стратегий для усиления интеграции текстов о Казахстане в исследовательскую деятельность. Наиболее часто предлагаемые улучшения включают расширение доступа к цифровым библиотекам и национальным архивам текстов (82,9%), обучение методам исследования, специфичным для культурного и литературного анализа (68,6%), и разработку четких руководящих принципов использования текстов о Казахстане в исследованиях (34,3%).

Важно отметить, что «казахстанский текст», и именно его мы имели ввиду при формировании анкетирования, – не просто литературное явление, а инструмент формирования исследовательской культуры будущих учителей-филологов. Его анализ способствует развитию исследовательской компетенции, что особенно важно в современном образовании. Следовательно, обращение к «казахстанскому тексту» как источнику и объекту исследования открывает широкие возможности для развития критического мышления, аналитических навыков и формирования личностных ценностей.

Однако выявленные барьеры – сложность поиска источников, нехватка методических рекомендаций и языковые трудности – требуют дальнейшей проработки. Внедрение интерактивных образовательных методов, практико-ориентированных занятий и развития цифровых ресурсов поможет повысить эффективность работы студентов с казахстанскими текстами и усилить их академическую подготовку. Результаты проведенного исследования позволяет предположить, что «казахстанский текст» является важным инструментом формирования исследовательской компетенции будущих учителей-филологов. Его изучение с большой вероятностью позволит развивать критическое

мышление, аналитические и интерпретационные навыки, а также сформировать понимание национальной идентичности в глобальном контексте.

В целях реализации экспериментальной работы был разработан элективный курс «Образ Казахстана в мировой литературе» для магистрантов 2 курса, направленный на углубленное изучение художественных произведений, содержащих «казахстанский текст». Курс предполагает освоение методов анализа художественных текстов, межкультурной герменевтики и сравнительного литературоведения. В рамках этого курса также был создан электронный биобиблиографический указатель, включающий произведения, репрезентирующие Казахстан в мировой литературе. Этот ресурс предоставляет магистрантам доступ к систематизированной информации и способствует их самостоятельной исследовательской деятельности.

Исследование подтверждает необходимость дальнейшего развития методологии и методики преподавания казахстанского текста в филологическом образовании, с акцентом на его трансмедийную природу, междисциплинарный анализ и интеграцию в международный научный контекст.

Педагогический эксперимент охватил магистрантов 2 курса 2025-2026 учебного года образовательной программы 7М01702 – «Русский язык и литература» КазНПУ им. Абая (5 магистрантов). В качестве контрольной группы выступили магистранты специальности «Русский язык и литература» КазНацЖенПУ (10 магистрантов). В ходе эксперимента осуществлялось формирование исследовательской компетентности магистрантов в экспериментальной группе. С этой целью были выделены следующие ее дескрипторы:

- направления, понятие «образ страны», «национальный культурный код»;

навыки комплексного анализа художественного текста. Они предполагают широкую интерпретацию произведения в контексте мировой и национальной казахской культуры;

- умения выделять типологические, философские, психологические, аксиологические основания воплощения авторской идеи;

- навыки интерпретации национальных культурных кодов.

На констатирующем этапе педагогического эксперимента был проведен входной срез сформированности навыков исследовательской деятельности.

Таблица 14 – Данные констатирующего этапа исследования в контрольной группе

Код	**ІК1**	**ІК2**	**ІК3**	**ІК4**	**ІК5**	**ІК6**	**Σ**
1	9	8	11	10	11	12	61
2	9	7	10	9	10	13	58
3	8	8	11	12	9	10	58
4	5	6	9	13	8	9	50

Продолжение таблицы 14

5	5	9	12	14	12	13	65
6	2	5	9	15	14	15	60
7	6	4	13	14	14	16	67
8	10	8	13	10	7	12	60
9	4	7	8	12	10	10	51
10	5	6	6	14	15	11	57
	6,3	6,8	10,2	12,3	11,0	12,1	

Таблица 15 – Данные констатирующего этапа исследования в экспериментальной группе

Код	**ИК1**	**ИК2**	**ИК3**	**ИК4**	**ИК5**	**ИК6**	**Σ**
1	7	6	12	8	8	10	51
2	6	5	9	9	7	11	47
3	5	4	8	10	11	12	50
4	5	6	7	10	12	9	49
5	5	5	9	8	9	8	44
	5,6	5,2	9	9	9,4	10	

Таблица 16 – Распределение уровней сформированности исследовательской компетенции

№	**Уровни**	**Показатель**
1	Высокий	90-100%
2	Средний	70-89%
3	Низкий	0-69%

Таблица 17 – Данные констатирующего этапа исследования

Выборка	Сформированность исследовательской компетенции					
	высокий		средний		низкий	
	кол.	%	кол.	%	кол.	%
Контрольная группа (n=10)	-	-	-	-	10	100
Экспериментальная группа (n=5)	-	-	-	-	5	100

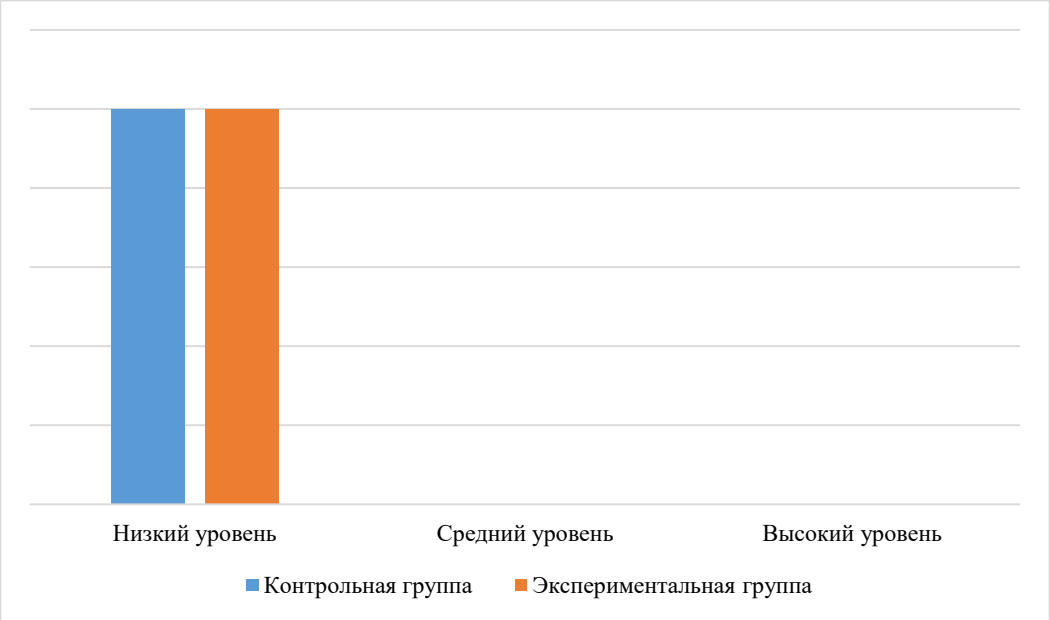

Рисунок 6 – Уровни сформированности исследовательской компетенции на констатирующем этапе исследования

Как видно из результатов констатирующего эксперимента, нами выбрана в качестве экспериментальной группа с меньшим входным уровнем сформированности исследовательских навыков. Обнаруженная разница с учетом того, что магистранты обучаются в разных университетах, возможно, объясняются разными подходами к обучению. Однако выбор в качестве экспериментальной группы с более низкими показателями является объективным фактором педагогического эксперимента.

3.3 Формирующий этап экспериментальной работы

На формирующем этапе эксперимента был разработан и внедрен элективный курс «Образ Казахстана в мировой литературе» в целях формирования исследовательской компетенции.

В рамках элективного курса была разработана и апробирована методика, направленная на развитие исследовательской компетенции через изучение наследия писателей, покинувших Казахстан. Исследовательская компетенция будущего филолога рассматривается как интегративное качество личности, включающее способность к познанию, анализу и интерпретации художественного текста как через осмысление национального образа страны в мировой литературе.

Апробация элективного курса «Казахстанский текст в современной мировой литературе» в процессе формирования исследовательской компетенции магистрантов осуществлялась на базе Казахского национального педагогического университета имени Абая, в то время как контрольная группа обучалась в КазНацЖенПУ на традиционном образовательном контенте.

Формирующий этап опытно-экспериментальной работы был реализован посредством внедрения содержания элективного курса в образовательный

процесс. Курс, который был организован во внеаудиторное время, был направлен на формирование у магистрантов комплекса исследовательских умений. Необходимых для выявления, описания и интерпретации «казахстанского текста» в произведениях очерченного круга авторов.

В соответствии с разработанной моделью «казахстанского текста» были изучены три типа текстов: эмиграционно-диаспорального, историко-мемориального и внешне-описательного.

В структуре анализируемого феномена выделялись этнический, историко-политический, географический, ментальный и языковой типы культурного кода. Содержание курса позволило объединить литературоведческую подготовку магистрантов с последовательным освоением исследовательских действий: от обнаружения отдельных культурных маркеров до построения целостной научной интерпретации произведения.

При организации формирующего эксперимента учебный процесс был организован как последовательность взаимосвязанных этапов:

- мотивационного-диагностического;
- теоретико-ориентировочного;
- учебно-аналитического;
-исследовательско-поискового;
-проектно-продуктивного;
-рефлексивно-оценочного.

Логика элективного курса предусматривала постепенный переход от выполнения задний по предложенному преподавателем алгоритму к самостоятельному литературоведческом исследованию. Объем элективного курса составил 5 кредитов.

Содержание элективного курса включает 15 лекций, 15 семинарских занятий и 15 СРО.

Тематика лекций представлена ниже:

Лекция 1. Исследование культурных отношений Востока и Запада через образы национального и инонационального в литературе.

Лекция 2. М.М. Бахтин концепция «диалога культур».

Лекция 3. Репрезентации «локальных текстов»: в области семиотики Ю.М. Лотмана.

Лекция 4. Сверхтексты в литературе.

Лекция 5. Петербургский текст.

Лекция 6. Московский текст.

Лекция 7. «Городской текст» в художественной литературе.

Лекция 8. Локальный текст Алма-Аты.

Лекция 9. Восточно-Казахстанский культурный текст.

Лекция 10. Имагология как часть сравнительного литературоведения.

Лекция 11. Гибридная идентичность в литературе.

Лекция 12. Образ страны в художественной литературе.

Лекция 13. Евразийское пограничье как концепт художественной прозы.

Лекция 14. Образ казахского этнокультурного мира в русской литературе Казахстана.

Лекция 15. Евразийская поэтика казахстанского культурного текста.

На первых занятиях магистрант выработали с отдельными фрагментами и заранее определёнными категориями анализа. На последующих этапах они самостоятельно выбирали произведения, формулировали исследовательские вопросы, определяли методы, собирали материал и предстали результаты в форме научного доклада, аналитической карты или цифрового проекта.

В ходе эксперимента преподаватель выполнял функции организатора, консультанта и эксперта. Его деятельность заключалась не только в изложении теоретического материла, но и создании исследовательских ситуаций, постановке проблемных вопросов, демонстрации способов анализа и сопровождении индивидуальных и групповых проектов.

Мотивационно-диагностический этап

На начальном этапе была проведена диагностика исходного уровня исследовательской компетенции магистрантов. Участникам предлагалось проанализировать фрагмент художественного произведения, содержащий образы степи, дороги, аула, города, родовой памяти или исторического прошлого.

Диагностическое задание предусматривало выполнение следующих действий:

1. Выделить культурно маркированные элементы.
2. Определить их возможное значение.
3. Соотнести выявленные элементы с историко-культурным контекстом.
4. Сформулировать исследовательски проблему.
5. Предложить интерпретационную гипотезу.
6. Подтвердить выводы примерами из текста.

Анализ первоначальных работ показал, что магистранты в целом могли определять тему и проблематику произведения, однако испытывали затруднения при разграничении культурного маркера, мотива, образа, символа и культурного кода. В большинстве работ преобладало описательное изложение. Историко-культурный комментарий часто не был связан с анализом поэтики. А выводы не всегда подтверждались текстовыми примерами.

Результаты диагностики были использованы при определении содержания и последовательности занятий. Особое внимание было уделено формированию навыков постановки исследовательского вопроса., классификации материала, аргументации и применения литературоведческой терминологии.

Для создания познавательной мотивации магистрантам был предложен ряд проблемных вопросов:

1. На каком основании произведение можно отнести к «казахстанскому тексту»?

2. Обязательно ли автор «казахстанского текста» должен быть уроженцем Казахстана?

3. Может ли «казахстанский текст» быть создан за пределами страны и на другом языке?

4. Чем художественный образ Казахстана отличается от географического описания?

5. Как связаны индивидуальная память героя и коллективная историческая память?

6. Как эмиграция меняет образ Родины в художественном сознании автора?

Обсуждение этих проблемных вопросов показало множественность подходов и подвело магистрантов к необходимости разработки единых исследовательских критериев.

Теоретико-ориентировочный этап

На данном этапе магистранты освоили понятийный аппарата курса. В учебную работу были введены понятия «локальный текст», «сверхтекст», «образ страны», «геопоэтика», «культурный код», «историческая память», «национальная идентичность», «гибридная идентичность».

Теоретический материал не сообщался в готовом виде. Занятия проводились в форме проблемных лекций и исследовательских семинаров. После рассмотрения научных концепций магистранты проверяли применимость каждой категории к конкретным художественным текстам.

Работа над определением «казахстанского текста» была организована в несколько этапов. Сначала магистранты изучили основные признаки локальных текстов. Затем они сопоставили понятия «казахская литература», «Литература Казахстана», «Образ Казахстана» и «казахстанский текст». После этого на основе прочитанных произведений ими были выделены повторяющиеся признаки исследуемого феномена.

В результате коллективного обсуждения магистранты пришли к выводу, что принадлежность произведения к «казахстанскому тексту» определяется не только биографией автора или местом действия. Более существенными признаками являются системность казахстанских образов, наличие культурных кодов, связь с исторической памятью и присутствие образа Казахстана в формировании проблематики, хронотопа, персонажной системы и авторской концепции произведения.

Для систематизации понятий применялись «интеллект-карты» и терминологические схемы. Каждый магистрант вел исследовательский словарь, в котором фиксировал определение понятия, его научный источник и пример реализации в художественном тексте.

На *учебно-аналитическом* этапе был внедрен разработанный нами алгоритм анализа произведений, содержащих «казахстанский текст». Он включал следующие действия:

1. Определение позиции автора по отношению к Казахстану.

2. Выявление текстовых маркеров: топонимов, антропонимов, этнорафизмов, исторических реалий и символов.

3. Распределение маркеров по культурным кодам.

4. Установление художественных функций выявленных элементов.

5. Реконструкция историко-культурного контекста.

6. Определение интертекстуальных связей.

7. Анализ хронотопа, повествовательной структуры и системы персонажей.

8. Определение идентичности героя и автора.

9. Формулирование интерпретационной гипотезы.

10.Подготовка аргументированного вывода о специфике образа Казахстана в мировой литературе.

Сначала анализ выполнялся совместно с преподавателем, затем – в малых группах и, наконец, самостоятельно. Такая последовательность обеспечивала постепенному уменьшение внешней помощи и развитие исследовательских навыков магистрантов.

При изучении творчества Мориса Симашко основное внимание было уделено историко-мемориальному типу «казахстанского текста». Материалом послужили произведение «Емшан» и «Маздак» и отдельные тексты писателя, в которых история в Центральной Азии осмысляется через судьбы личности, государства и культуры.

Работа над повестью «Емшан» начиналась с заглавия. Магистранты изучили символику емшана как растения, связанного с памятью о родной земле. Затем устанавливались интертекстуальные связи образа с легендарными и летописными источниками. В ходе семинара обсуждалось, каким образом запах степной травы превращается из предметной детали в знак родины и механизм восстановления памяти.

Магистрантам удалось проследить смысловую цепочку: «емшан-запах степи-воспоминание-возвращение идентичности-связь с родиной». При анализе магистранты выявляли природно-ландшафтный, этический и ментальный коды. Особое внимание уделялось тому, что степь у Симашко выступает не фоном действия, а пространством исторической памяти. На основе проведенного анализа магистранты формулировали положение о семиотической функции природного образа.

Изучение произведения «Маздак» было направлено на формирование умений работать с историко-культурным контекстом. Магистранты сопоставляли художественную версию исторических событий с научными материалами, определяли границы авторского вымысла и анализировали способы репрезентации Востока. Это позволило разграничить исторический факт, культурный миф и художественную интерпретацию. При работе с произведениями Мориса Симашко применялись герменевтический, сравнительно-исторический и структурно-семиотический методы. Результатом стало понимание того, что исторический материал выполняет не только информативную, но и идентификационную функцию

Поэзия Бахыта Кенжеева была включена в содержание курса как материал для изучения эмиграционно-диаспорального типа «казахстанского текста». В центре внимания находились стихотворения, в которых образ

Казахстана возникает через воспоминание, степные и среднеазиатские реалии, топонимы, языковые вкрапления, переживание утраты родины и дистанцию между прошлым и настоящим.

Магистранты исследовали, каким образом казахский культурный код сохраняется в творчестве поэта, жившего за пределами Казахстана. Анализировались образы степи, Арала, сайгака, пустыни, дороги, границы. Эти элементы рассматривались не как изолированные этнографические детали, а как знаки культурной памяти и территориальной идентичности

Работа над стихотворениями проводилась на трех уровнях:

- стиховедческом,
- семантическом,
- семиотическом.

На стиховедческом уровне магистранты определяли метр, рифм, характер рифмовки, строфику, переносы, звуковые повторы и интонационную организацию. Далее устанавливалось, каким образом формальные особенности текста участвуют в выражении состояния разрыва, перемещения и неустойчивой идентичности.

На семантическом уровне выделялись мотивы родины, памяти, отчуждения, возвращения, бездомности, дороги и культурной раздвоенности. На семиотическом уровне географические и природные образы интерпретировались как знаки утраченного или дистанциированного пространства.

В ходе занятия магистрантам предлагалось ответить на вопрос: является ли изображенное пространство реальным Казахстаном, воспоминанием о нем или внутренней картой лирического субъекта? Обсуждение позволило установить, что в эмиграционной поэзии образ родины часто конструируется одновременно как географическое, биографическое и символическое пространство.

В ходе реализации содержания образования элективного курса проводились сопоставительные исследования поэзии Бахыта Кенжеева и Бахыта Каирбекова. При анализе применялся метод медленного чтения. Магистранты исследовали значение отдельных слов, повторов, пространственных образов и цветообозначений. Они устанавливали, как конкретная предметная деталь приобретает символическое значение и включается в общую авторскую модель Казахстана. Основанием сопоставления поэзии двух авторов-казахов стали авторская позиция, пространственная дистанция, характер памяти и тип лирического субъекта. Магистранты пришли к выводу, что у Бахыта Каирбекова пространство переживается преимущественно как культурно освоенный мир, тогда как у Бахыта Кенжеева оно нередко предстает как пространство памяти, дистанции и внутреннего возвращения.

Отдельный блок курса был посвящен произведениям авторов, оказавшихся в Казахстане вследствие исторических событий. На материале воспоминаний и художественных текстов Вахтанга Гоголадзе магистранты

исследовали образ Казахстана как пространства убежища, спасения и межэтнической солидарности.

Магистранты выявляли мотивы вынужденного переселения, исторической травм, выживания, благодарности и нравственной поддержки. Особое внимание уделялось образам казахского дома, пищи, степного поселения, соседства и помощи переселенцам. Изучение произведений авторов этого направления строилось на сопоставлении личной памяти автора и коллективной истории. Магистранты определяли, каким образом частное воспоминание приобретает общественное значение, а бытовая деталь превращается в свидетельство исторической эпохи.

В рамках кейс-задания магистрантам предлагался комплекс материалов для изучения: фрагмент рассказов Вахтанга Гоголадзе, историческая справка о переселении малых народов в Казахстан, карта маршрута и воспоминания представителей депортированных народов, к примеру, интервью В. Гоголадзе (https://youtu.be/ywfxYULddrs?si=EZk0G18UjtrLg5bj).

На этапе формирующего эксперимента при изучении повести Е. Зейферт «Плавильная лодочка» на предмет репрезентации гибридной идентичности также был внедрен в литературоведческий анализ инструмент Voyant Tools. Разработанный С. Синклером и Д. Роквеллом, он предназначен для работы с большим объемом текстовой информации.

Нами был разработан алгоритм работы с данным инструментом ИИ:

1. Регистрация на https://voyant-tools.org/?utm_source=Securitylab.ru
2. Добавление текста в окно обработки информации (рисунок 1).

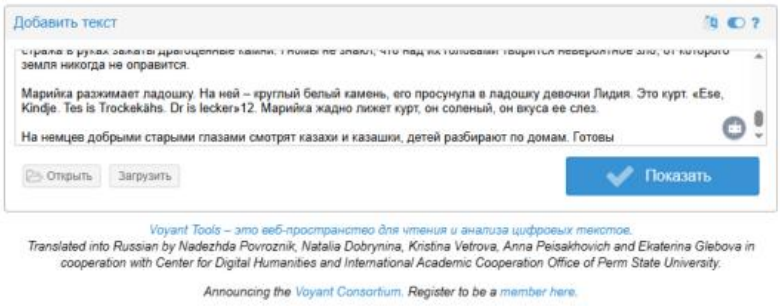

Рисунок 7 – Загрузка текста в Voyant Tools

3. Выбор категории текстового анализа. В результате анализа пользователь получает полный анализ частотности слов, контекста, сегментов документа, в которых присутствует слово (рисунки 2, 3).

Рисунок 8 – Категория «Облако слов»

В данной категории осуществляется автоматический анализ частотности слов. ИИ определяет как самое частотное имя «Фридрих» (68), а затем по убывающей «руки» (62), «глаза» (54), «Марийка» (52), «Лидия» (52).

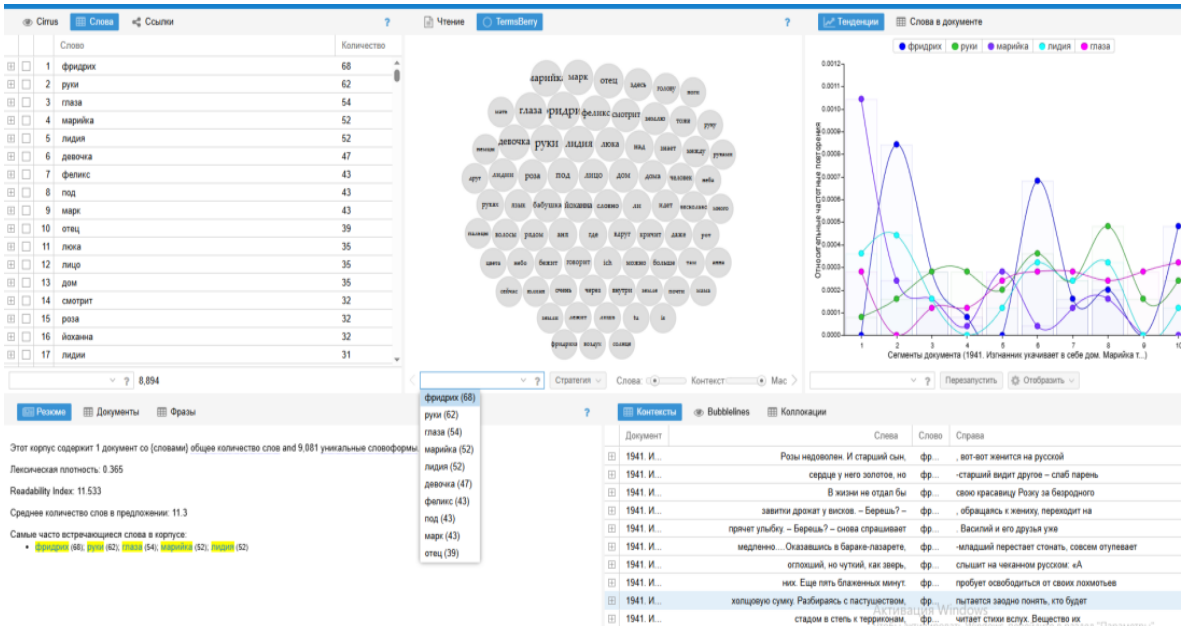

Рисунок 9 – Полный текстовый анализ

4. Литературоведческий анализ на основе данных, полученных с помощью ИИ.

Система выдает следующую справку:

Этот корпус содержит 1 документ со {словами} общее количество слов and 9,081 уникальные словоформы. Создан сейчас.

Лексическая плотность: 0.365

Readability Index: 11.533

Среднее количество слов в предложении: 11.3

Самые часто встречающиеся слова в корпусе:

фридрих (68); руки (62); глаза (54); марийка (52); лидия (52).

В результате текстового анализа, проведённого с помощью инструмента Voyant Tools, студенты делают выводы о представленности составляющих образ Казахстана. Это слово «Караганда» и его словоформы: «Караганда» (14), «Караганде» (16), «Караганду» (13), «Караганды» (6) – всего 49. ИИ предоставляет график тенденций по разным сегментам документа, в которых встречается топоним (рисунок 4).

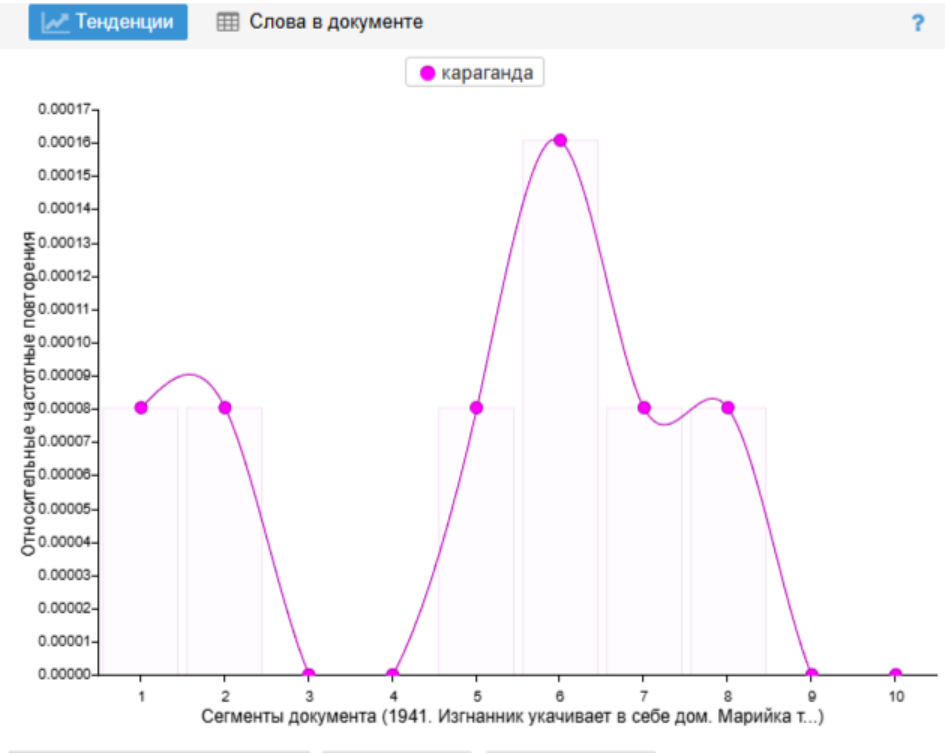

Рисунок 10 – Динамика представленности топонима «Караганда» в сегментах документа

Далее студенты анализируют частотность слов «карагандинской» – 4, «Ерканат» – 6. Как видим, частотность слова, ассоциированного с казахстанской локацией, «Караганда» составляет большой объем. Слово «степь», также соотносящееся с образом Казахстана, обладает частотностью – 8. Таким образом осуществляется текстовый анализ данных по семантике образа Казахстана на примере частотности слов.

Следующий этап работы с художественным текстом – непосредственно литературоведческий анализ. Определив моменты представленности образа Казахстана через корпусный анализ, студенты осуществляют анализ образа

персонажа, сюжетно-композиционных особенностей, семиотической составляющей прозаического текста. В частности, по картине частотности делается вывод о том, что в повести «Плавильная лодочка» присутствует три культурных кода – немецкий, казахский, русский, что становится свидетельством поликультурности авторского сознания. Превалирование в тексте онимов и топонимов позволяет судить о семантической связи на уровне «человек» - «земля». Активное чтение позволило сделать ряд аналитических выводов: в первых главах повести Казахстан в сознании автора ассоциируется с холодом, чуждостью, то во второй половине повествования появляются ассоциации «Караганда» – «дом». Сочетание позиций «свой» – «чужой» интегрирует национальные коды, демонстрируя гибридную идентичность автора.

Таким образом, через инструменты частотного анализа студенты минимизируют рутинный анализ частотности слов, могут увидеть визуализацию частотности слов, связывают частотность с определённым сегментом текста, выходят на полноценный литературоведческий анализ на основе машинного.

Проведенный анализ позволил отнести произведения В. Гоголадзе и Е. Зейферт к историко-мемориальному типу «казахстанского текста». Казахстан в этих произведениях репрезентировался не только как географическое место ссылки или переселения, но и как пространство человеческой солидарности.

Анализ внешне-описательного типа «казахстанского текста» предполагал обращение магистрантов к текстам зарубежных авторов, описывающих Казахстан с позиции внешнего наблюдателя. Исследовательская работа была сосредоточена на выявлении механизмов экзотизации и деэкзотизации Казахстана.

Магистранты обращали внимание на следующие моменты:

- какие природные и этнографические образы отбирает автор;
- какие признаки Казахстана представлены как необычные;
- возникают ли в тексте культурные стереотипы;
- противопоставляется ли Казахстан культурному миру;
- меняется ли позиция повествователя по мере знакомства со страной;
- является ли изображение страны самостоятельным художественным образом или выполняет декоративную функцию.

Сопоставление внешнего взгляда с произведениями авторов, биографически связанных с Казахстаном, позволило магистрантам обнаружить различия в принципах организации художественного пространства. Если для внутреннего взгляда культурная реалия обычно включена в повседневный мир героя, то при внешнем описании она нередко сопровождается пояснением, оценкой или сравнением с другой культурой.

В рамках элективного курса были использованы следующие методы.

Проблемное обучение применялось на всех этапах элективного курса. Были созданы ситуации, в которых необходимо было не только применять имеющиеся знания по «казахстанскому тексту» в новых условиях, но и создавать новое знание. К заданиям проблемного типа можно отнести

постановку проблемных вопросов (например, «Можно ли считать произведение, написанное не на казахском языке, «казахстанским текстом?»). Проблемные вопросы побуждали магистрантов выдвигать гипотезы, устанавливать критерии и доказывать свою позицию примерами из текстов.

Метод медленного чтения использовался при анализе поэтически произведений и небольших прозаических произведений. Магистранты исследовали лексический состав, синтаксическую организацию, тропы, повторы, звуковые соответствия и культурно маркированные элементы.

Герменевтичсекий метод был направлен от первоначального понимания произведения к его уточнению на основе анализа отдельных элементов и историко-культурного контекста. После каждого этапа магистранта возвращались к исходной гипотезе и корректировали ее. Например, образ степи первоначально определялся как пейзажный элемент. После изучения контекста и системы повторов он интерпретировался как знак родовой памяти, утраченной родины либо исторической травмы.

Структурно-семиотический метод применялся магистрантами в моменты рассмотрения художественных произведений, содержащих «казахстанский текст» как систему взаимосвязанных элементов, к примеру, при дифференциации разных типов национальных культурных кодов. Динамика анализа при этом осуществлялась по линии «текстовый маркер – культурный код- художественная функция-модель Казахстана».

Сравнительно-типологический метод применялся при сопоставлении произведений авторов, различающихся языком творчества, биографическим опытом, отношением к Казахстану.

В частности, магистранты сопоставляли следующие моменты:

- внутренний и внешний взгляд на Казахстан;
- оседлую и миграционную модели пространства;
- непосредственное переживание родины и воспоминание о ней;
- индивидуальную и коллективную память;
- казахоязычные и русскоязычные способы выражения культурной идентичности.

Сравнение проводилось по единым критериям, что позволяло избежать произвольного перечисления сходств и различий.

Нарратологический анализ использовался в те моменты, когда магистранты анализировали тип повествователя, фокализацию, соотношение времени события и времени повествования, ретроспекции, пространственную организацию и способы передачи памяти персонажа.

Кейс-технология объединяла художественный текст, исторические документы, карты, фотографии и фрагменты научных исследований. Работа с ними включала постановку проблемы, оценку источников, выявление противоречий и подготовку коллективного заключения.

Групповая работа проводилась при анализе культурных кодов в «казахстанском тексте». К примеру, было дано задание выявить особенности произведения Ю.О. Домбровского. Магистранты обнаруживали разные коды: первая группа исследовала историко-политический и географический типы

кодов, вторая группа – этнический и ментальный коды в репрезентативном отрывке повести «Хранитель древностей». После выполнения заданий результаты были объединены и была создана общая модель произведения. В качестве СРО было дано задание обнаружить особенности хронотопа.

Проектная технология использовалась на завершающей стадии элективного курса, когда магистранты выполняли индивидуальные и групповые проекты. Тематика проектов определялась на основе изученных художественных произведений.

В качестве итоговых продуктов были получены:

- научные доклады;
- инфокарты культурных кодов;
- сопоставительные таблицы;
- электронные словари терминов;
- цифровые маршруты героев;
- мультмедийные презентации;
- библиографические обзоры.

Оценивание осуществлялось на протяжении всего курса согласно академической политике КазНПУ им. Абая. Использовались наблюдение, анализ учебных работ, взаимное рецензирование, групповое обсуждение, защита проектов.

3.4 Контрольный этап педагогического эксперимента

На контрольном этапе педагогического эксперимента проводилась диагностика трех составляющих исследовательской компетенции: когнитивного, операционального, рефлексивного и ценностно-смыслового.

Уровень сформированности операционального компонента исследовательской компетенции с использованием диагностического инструмента: разработанных дескрипторов и шкалы уровней овладения знаниями, умениями и навыками. При этом максимальными показателями ІК1 и ІК2 были 10, максимальными показателями ІК3-ІК6 – 20.

В целях диагностики предложено следующее комплексное задание:

Блок 1. Диагностика ИК-1

Выберите одну из предложенных тем для проекта в рамках проблематики «казахстанского текста»:

- диалог культур;
- локальный текст;
- сверхтекст;
- городской текст;
- алматинский текст;
- восточно-казахстанский культурный текст;
- имагология;
- гибридная идентичность;
- образ страны;
- евразийское пограничье;

- Казахский этнокультурный мир;
- Евразийская поэтика казахстанского текста;

Найдите научную литературу по теме, используя следующие источники:
- Google Scholar;
- РМЭБ;
- e-LIBRARY;
- электронные каталоги библиотек;
- отобрать 5-7 наиболее релевантных публикаций;
- объяснить критерии выбора;
- оценить научную достоверность и соответствие теме;
- указать, использовался ли искусственный интеллект и как проверялись полученные сведения.

Максимальный балл – 10.

Блок 2. Диагностика ИК-2

Подготовить аналитический обзор с использованием полученных источников

В обзоре необходимо:

1. Выделить основные подходы к изучению выбранного произведения или научной проблемы.
2. Сопоставить позиции не менее трех исследователей.
3. Определить общее и различное в их выводах.
4. Найти научный вакуум, который может стать новизной исследования.
5. Обосновать собственную научную позицию.
6. Включить в обзор цитаты из источников, используя необходимые требования к их оформлению.

Максимальный балл – 10.

Блок 3. Диагностика ИК-3.

Составление библиографии.

Требования:
- не менее 20 источников;
- наличие научных статей, монографий и электронных источников;
- единый стандарт оформления;
- сквозной порядок расположения источников;
- отсутствие источников, не использованных в проекте.

Максимальный балл – 20.

Блок 4. Диагностика ИК-4.

Разработайте научный аппарат проекта, включив в него:
- тему,
- актуальность,
- объект,
- предмет,

- цель,
- четыре задачи,
- исследовательский вопрос,
- интерпретационную гипотезу,
- методы исследования,
- теоретическую и практическую значимость,
- структуру работы.

Максимальный балл – 20.

Блок 5. Диагностика ИК-5.

Литературоведческий анализ произведения.

1. Типологическая характеристика.

Выявите, к какому типу текста относится это произведение (эмиграционно-диаспоральному, историко-памятному или внешне-описательному). Обоснуйте классификацию

2. Выявление культурных маркеров.

Найдите в тексте:

- топонимы,
- антропонимы;
- этнографизмы;
- казахизмы;
- исторические реалии;
- национальные символы;
- образы природы и пространства;
- элементы родовой или семейной памяти.

3. Классификация культурных кодов.

Распределите обнаруженные маркеры по группам:

- этнический код;
- историко-политический код;
- географический код;
- ментальный код;
- языковой код.

Заполнить таблицу:

Текстовый маркер	Культурный код	Контекст	Художественная функция

4.Анализ поэтики.

Раскройте:

- особенности хронотопа;
- систему персонажей;
- нарративные стратегии;
- интертекстуальные связи;

- бинарные оппозиции «свой-чужой», «здесь-там», «родина-чужбина», «память-забвение», «Восток-Запад»;

- формы национальной, локальной, диаспоральной или гибридной идентичности;

- роль казахстанских образов в выражении авторской концепции.

Максимальный балл – 20.

Блок 6 – Диагностика ИК-6.

6.1. Составить аннотацию к мини-проекту объемом не менее 100 слов.

В аннотации необходимо отобразить проблему исследования, цель, материал, использованные методы, основные результаты, научную новизну, ключевой вывод.

Максимальный балл – 10.

6.2. Работа с Voyant Tools

1. Загрузить текст произведения или репрезнтативный фрагмент.

2. Исключить из анализа служебные слова.

3. Определить наиболее частотные слова и словоформы.

4. Проследить распределение двух-трех ключевых лексем по сегментам текста.

5. Выбрать лексемы, связанные с образом Казахстана.

6. Сопоставить количественные результаты с данными внимательного чтения.

7. Объяснить, какие литературоведческие выводы подтверждаются частотными данными, а какие не могут быть сделаны на их основании.

На контрольном этапе исследования были получены следующие диагностические результаты на основании количественных данных.

Таблица 18 – Данные контрольного этапа исследования в контрольной группе

Код	**IK1**	**IK2**	**IK3**	**IK4**	**IK5**	**IK6**	**Σ**
1	10	10	15	13	14	14	76
2	9	9	13	12	15	16	74
3	9	10	14	14	12	11	70
4	6	9	9	14	10	10	58
5	7	10	14	18	15	15	79
6	7	10	12	14	17	18	78
7	8	7	15	17	19	18	84
8	10	10	15	14	12	15	76
9	6	8	10	14	10	12	60
10	10	8	8	16	17	14	73

Таблица 19 – Данные контрольного этапа исследования в экспериментальной группе

Код	ІК1	ІК2	ІК3	ІК4	ІК5	ІК6	Σ
1	10	9	19	18	17	20	93
2	9	9	18	19	16	19	90
3	10	8	18	20	15	20	91
4	8	9	17	20	16	19	89
5	9	10	19	18	18	17	91

Распределение участников педагогического эксперимента – магистрантов КазНПУ им.Абая по уровням сформированности операциональных навыков, в экспериментальной группе на контрольном этапе наблюдается значительный рост: количество студентов с высоким уровнем достигло 80%, со средним – 20, с низким снизилось до 0. В контрольной группе изменения не такие продуктивные: студенты, демонстрирующие низкий уровень, составили 20%, студенты, достигшие среднего уровня – 80%.

Таблица 20 – Уровни сформированности операциональных навыков на контрольном этапе исследования в КГ

Уровни сформированности	Констатирующий этап	Контрольный этап
Низкий уровень	100	20
Средний уровень	0	80
Высокий уровень	0	0

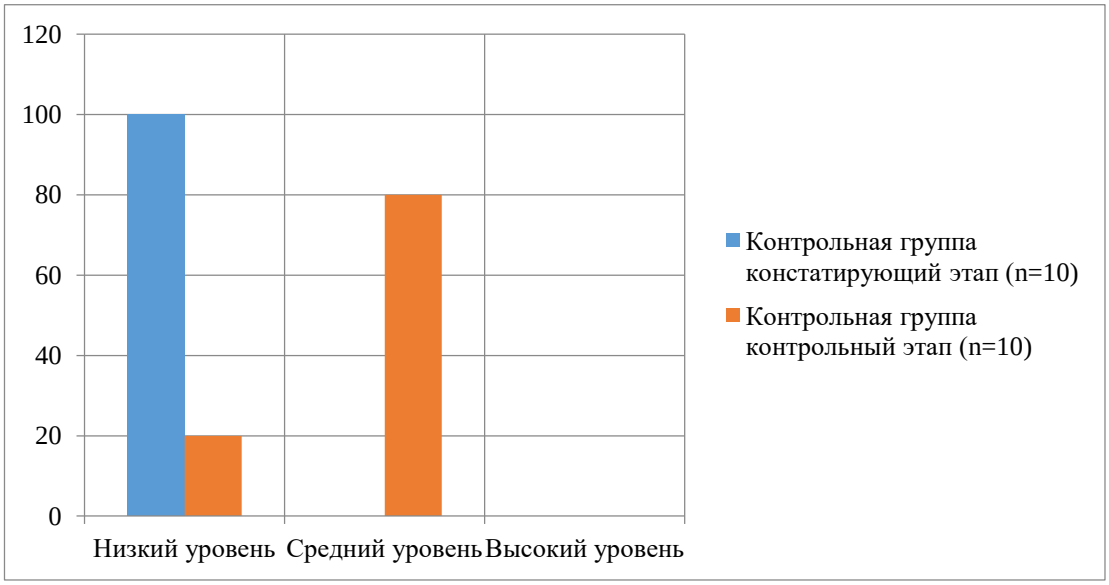

Рисунок 11 – Динамика уровней сформированности операциональных навыков в КГ

Таблица 21 – Уровни сформированности операциональных навыков на контрольном этапе исследования в ЭГ

Уровни сформированности	Констатирующий этап	Контрольный этап
Низкий уровень	100	0
Средний уровень	0	20
Высокий уровень	0	80

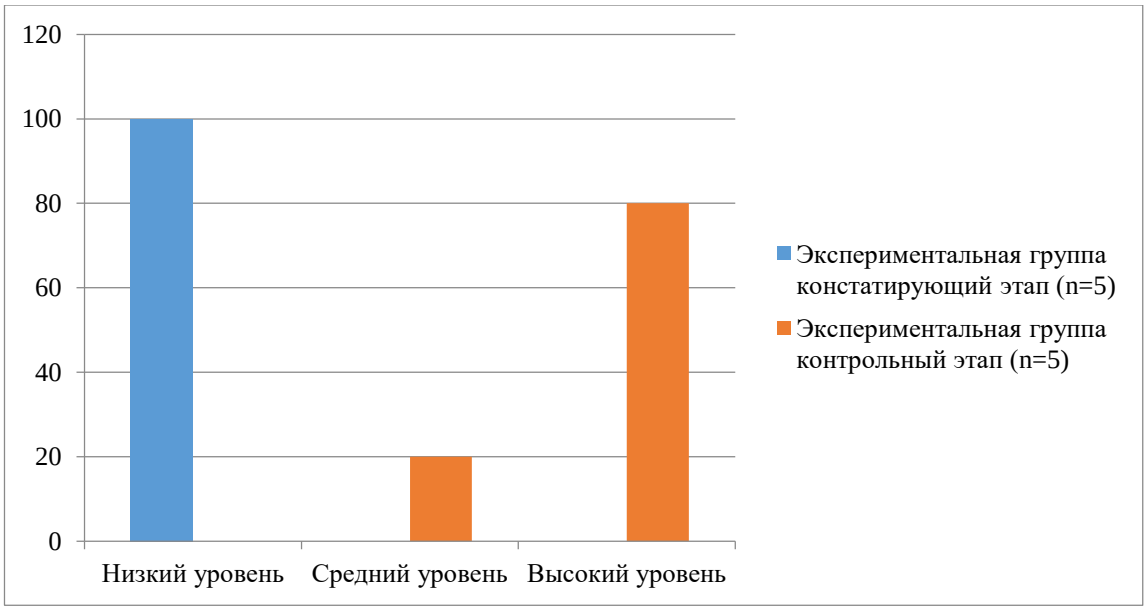

Рисунок 12 – Динамика уровней сформированности операциональных навыков в ЭГ

По результатам анализа уровня сформированности операциональных навыков магистрантов КазНПУ им. Абая на констатирующем и контрольном этапах наблюдаются различия в динамике показателей. Так, доля участников с низким уровнем в экспериментальной группе снизилась со 100% до 0%. Доля магистрантов со средним уровнем сформированности исследовательской компетенции составила 20%. А высокий уровень – 80%. В контрольной группе уровень магистрантов с низкими показателями сформированности операциональных навыков составил 20%. Средний уровень продемонстрировали 80% респондентов. Высокого уровня не достиг никто. Таким образом, экспериментальная группа демонстрирует более высокие результаты. Доля магистрантов с низким уровнем ИК сократилась на 100%.

Представленные результаты показывают положительную динамику оцениваемых исследовательских умений в обеих группах, более выраженную в экспериментальной группе. Поддерживают перспективность дальнейшего применения и изучения разработанного курса. Вместе с тем малая численность

участников, исходные различия групп и проведение эксперимента на базе разных университетов ограничивают обобщение результата. Поскольку содержание курса, исследовательские задания, педагогическое сопровождение и цифровые средства применялись совместно, самостоятельный вклад каждого компонента не устанавливался. Дальнейшая проверка методики предполагает расширение выборки, уточнение диагностических процедур и оценку устойчивости сформированных умений.

Рефлексивная и ценностно-смысловая составляющие компетенции учитывались в содержании курса посредством обсуждения исследовательских решений, самооценки выполненных заданий, взаимного рецензирования и осмысления тематики художественных произведений. Эти составляющие не подвергались самостоятельной формализованной диагностике. Поэтому данные об эффективности методики основывались на динамике операциональных показателей.

Выводы по третьему разделу.

1. В системе магистерского филологического образования особое значение приобретает развитие исследовательской культуры, обеспечивающей способность будущего педагога к научной интерпретации текста.

2. Разработанная и апробированная методика, направленная на развитие исследовательской компетенции через изучение наследия писателей, покинувших Казахстан, выявила проблемные моменты в подготовке филологов. Принимая во внимание то, что исследовательская компетенция будущего филолога рассматривается как интегративное качество личности, включающее способность к познанию, анализу и интерпретации художественного текста как через осмысление национального образа страны в мировой литературе, были разработаны дескрипторы исследовательской компетенции, разработано содержание образования в рамках элективного курса и проведен формирующий эксперимент для формирования навыков литературоведческого анализа.

Полученные результаты свидетельствуют о выраженной положительной динамике исследовательской компетенции в экспериментальной группе и позволяют рассматривать разработанную методику как перспективную. Вместе с тем малая численность выборки, исходные различия групп и принадлежность к разным образовательным организациям не позволяют интерпретировать выявленную динамику как окончательное доказательство эффективности методики.

Этические аспекты: использование текстов осуществлялось в учебных целях на основе оцифрованных официальных бумажных источников, приведенных в библиографии и использованного исключительно в учебной аудитории КазНПУ им. Абая с образовательной и научной целью без дальнейшего коммерческого распространения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволило сформулировать следующие выводы

1. Теоретическое осмысление художественных произведений, репрезентирующих образ Казахстана, подтвердило возможность выделения «казахстанского текста» как особого поликультурного сверхтекстового образования. Его целостность определяется не принадлежностью произведений к одному языку, национальной литературе или историческому периоду, а общностью изображаемого географического, исторического, социокультурного и аксиологического пространства. Установлено, что системообразующим началом «казахстанского текста» выступает образ Казахстана, создаваемый посредством устойчивых пространственных ориентиров, мотивов исторической памяти, этнокультурных и языковых кодов. Повторяемость и смысловая взаимосвязанность этих элементов позволяет объединить разнородные произведения в единое семантическое поле.

2. В результате методологического анализа разграничены понятия «казахский текст» и казахстанский текст». «Казахский текст» ориентирован преимущественно на художественное воплощение казахского этнокультурного мир, национальной ментальности, традиций, исторической памяти и культурной символики. «Казахстанский текст» обладает более широким содержанием и репрезентирует Казахстана как пространство взаимодействия различных этнических. Языковых и культурных систем. Следовательно, указанные понятия не могут использоваться как синонимы: «казахский текст» входит в структуру «казахстанского текста в качестве его важнейшего национально-культурного компонента, но н исчерпывает всего содержания последнего.

3. Литературоведческий анализ произведений П. Васильева, Л. Щеглова, В.В. Савельевой, С. Фельде, Е. Зейферт и В. Гоголадзе показал, что образ Казахстана формируется посредством взаимосвязанной системы пространственно-географических, историко-культурных, антропологических, языковых и аксиологических знаков. К наиболее устойчивым маркерам относятся степь, аул, городское пространство Казахстана, казахские топонимы, исторические события, традиции и обычаи, национальные образы, национальные образы, казахизмы, гастрономические и ономастические реалии. При различии авторских биографий и художественных стратегий данные компоненты образуют общее семантическое поле. Казахстан репрезентируется как родина, пространство межкультурного диалога, исторического испытания, а художественные произведения, воплощающие образ Казахстана через отдельные элементы, приобретают статус «казахстанского текста». Доказано, что писатели, создавшие свои произведения на стыке двух или нескольких систем национальных кодов транслируют феномен гибридной идентичности.

2. На основе полученных результатов разработана многоуровневая модель исследования «казахстанского текста», включающая типологический, структурно-семиотический и аналитический уровни. Типологический уровень позволяет классифицировать произведения с учетом характера биографической и творческой связи автора с Казахстаном. Структурно-семиотический направлен на выявление этнического, историко-политического, географического, ментального и языкового кодов. Аналитический уровень определяет последовательность литературоведческой интерпретации: идентификацию текстовых маркеров, установление их культурной семантики, анализ взаимодействия культурных кодов и определение авторской концепции. Взаимодействие названных уровней выявляется через системный анализ произведений, который определяет образ Казахстана как смысловое ядро «казахстанского текста».

3. Доказан образовательный потенциал изучения «казахстанского текста» в процессе подготовки магистрантов специальности «Русский язык и литература». Разработаны дескрипторы исследовательской компетенции, содержание элективного курса «Образ Казахстана в мировой литературе» и комплекс заданий, направленных на формирование навыков выявления текстовых маркеров, интерпретации культурных кодов и самостоятельной интерпретации.

Результаты педагогического эксперимента подтвердили эффективность предложенной методики: в экспериментальной группе доля магистрантов с высоким уровнем исследовательской компетенции достигла 80%, со средним – 20%, тогда как участников с низким уровнем не осталось. В контрольной группе высокого уровня не достиг ни один участник. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что изучение «казахстанского текста» способствует развитию исследовательской культуры, аналитического мышления и способности к научно обоснованной интерпретации художественного произведения.

4. Установлено, что целенаправленная интеграция инструментов искусственного интеллекта и цифрового анализа в профессиональную подготовку магистрантов специальности «Русский язык и литература» способствует формированию навыков автоматизированной обработки художественного текста. Использование цифровых инструментов позволяет осуществлять контекстуальный анализ лексики, выявлять повторяющиеся образы, мотивы, концепты и языковые маркеры, сопоставлять значительные массивы текстов и визуализировать полученные данные. Вместе с тем искусственный интеллект выполняет вспомогательную функцию и не заменяет исследовательскую интерпретацию: результаты автоматизированного анализа требуют критической проверки, культурно-исторического объяснения и литературоведческого осмысления. Сочетание цифровых методов с традиционными способами анализа расширяет исследовательские возможности магистрантов и создает условия для развития цифровой гуманитаристики в современном филологическом образовании.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1Токаев К.-Ж. К. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева наро-ду Казахстана «Единство народа и системные реформы – прочная основа про-цветания страны»: Послание Президента Республики Казахстан от 1 сентября 2021 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республи-ки Казахстан. – 2021. – URL: https: // mirror.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-183048 (дата обращения: 12.08.2026).

2 Лотман, Ю.М. Семиотика культуры и понятия текста/Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. – 1. – Таллин: Александрия, 1992 – С.129-132.

3 Власова Г. И. Казахстанский культурный текст и современность // Сборник научных статей XIX Международной научной конференции (Астана, Казах-стан, 22 – 24 сентября 2016 г.): в 2 т. – Астана: ЕНУ им. Л. Н. Гумилёва, 2016. – Т. 2. – С. 248 – 253.

4 Бадиков В. В. Дискуссия откроет перспективы // Дружба народов. – 2007. – № 6. – С. 212 – 214.

5 Ананьева, С. В. Евразийские мотивы в русской прозе Казахстана [Текст] / С. В. Ананьева // Русская проза Казахстана. Последняя четверть XX века – пер-вое десятилетие XXI века. – Алматы, 2010. – С. 227-273.

6 Joldasbekova B., Bayanbayeva Zh. Национальные образы в русской литерату-ре Казахстана // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – 2016. – Т. 154, № 2. – URL: https: // philart.kaznu.kz/index.php/1-FIL/article/view/1710 (дата обращения: 24.10.2023).

7 Костина М. А. Из истории формирования русско-казахских литературных связей XIX – XX веков // Филология и культурология: современные проблемы и перспективы развития: сборник материалов II Международной научно-практической конференции (28 февраля 2013 г.) / НИЦ «Апробация». – М.: Издательство «Перо», 2013. – С. 171 – 177.

8 Магомедова Д. М., Тамарченко Н. Д. «Сверхтекст» и «сверхдеталь» в рус-ской и западной культуре // Дискурс. – 1998. – № 7. – С. 24 – 28.

9 Теория литературы: учебное пособие для студентов филологических фа-культетов высших учебных заведений: в 2 т. Т. 1: Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика / Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман; под ред. Н. Д. Тамарченко. – М.: Издательский центр «Акаде-мия», 2004. – 512 с.

10 Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе: учебное пособие / науч. ред. Т. И. Печерская; Новосибирский государственный педагогический уни-верситет. – Новосибирск: НГПУ, 2003. – 170 с. – Библиогр.: с. 163 – 167. – ISBN 5-85921-391-3.

11 Чугунов Д. А. Образ России в современной немецкой литературе: пробле-мы и моменты восприятия // Вестник Воронежского государственного уни-верситета. Серия: Гуманитарные науки. – 2004. – № 2. – С. 229 – 247. –

URL: http: // www.vestnik.vsu.ru/pdf/hyman/2004/02/chugunov.pdf (дата обращения: 13.10.2026).

12 Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: избранные труды. – СПб.: Искусство – СПБ, 2003. – 616 с. – ISBN 5-210-01545-9.

13 Баянбаева, Ж. А. Алма-Атинский локальный текст в творчестве Ю. Домбровского: функционально-семиотический аспект : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.01.01 / Жадыра Амангельдиевна Баянбаева. — Москва : Российский университет дружбы народов, 2017. — 142 с.

14 Шмакова, Е. С. Структурно-семиотические и мифопоэтические доминанты «алматинского текста» в контексте русскоязычной прозы Казахстана / Е. С. Шмакова, С. Б. Бегалиева // Новые исследования Тувы. — 2026. — № 3. — С. 346–362.

15 Власова, Г. И. Локальный «алматинский» текст в малой прозе Лили Калаус / Г. И. Власова // Русская литература в иностранной аудитории : материалы XIV Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 18 ноября 2022 г.). Вып. 11 / отв. ред. Т. Г. Аркадьева. — Санкт-Петербург : Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2022. — С. 106–115.

16 Чуканцова В.О. Интермедиальные аспекты трансформации сюжета о Медее в европейском литературном сознании XX – начала XXI вв. – Дисс. кандидата филолог. наук. – М., 2020.

17 Савиных О. И. Интермедиальный аспект интерпретации сюжета о Медее в творческой практике писателей XX – начала XXI вв. – URL: https: // cyberleninka.ru/article/n/intermedialnyy-aspekt-interpretatsii-syuzheta-o-medee-v-tvorcheskoy-praktike-pisateley-hh-nachala-hh1-vv (дата обращения: 13.10.2026).

18 Орехов В. В. Русская литература и национальный имидж: имагологиче-ский дискурс в русско-французском литературном диалоге первой половины XIX в. – Симферополь, 2006.

19 Лотман Ю.М. Актуальные проблемы семиотики культуры. – Тарту, 1987.

20 Гачев, Г.Д. Национальные образы мира. Центральная Азия: Казахстан, Киргизия, Космос Ислама: (интеллектуальные путешествия) / Г. Д. Гачев.- М.: Издательский сервис, 2002. – 780 с.

21 Тимофеев М.Ю. Нациосфера. Опыт анализа семиосферы наций. – Иваново: Иван.гос.ун-т, 2005. – 279 с.

22 Попова М. К. Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании. – Воронеж, 2004.

23 Папилов Е.В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия: Филологические науки. – 2011, № 4/ – с. 31 – 40.

24 Козулин В. Н. Россия и Запад. Очерки истории взаимодействия культур. – Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2015. – 150 с.

25 Барабаш В. В., Бордюгов Г. А., Котеленец Е. А. Образы России в мире: курс лекций. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 296 с. – ISBN 978-5-91876-003-1.

26 Поляков О. Ю. Имагология: учебное пособие. – Киров: ВятГУ, 2015. – 184 с.

27 Поляки и русские в глазах друг друга: сборник научных трудов / отв. ред. В. А. Хорев; Институт славяноведения РАН. – М.: Индрик, 2000. – С. 22 – 32.

28 Джелбулдин Е.Т. Традиции и обычаи казахов /Е.Т. Джелбулдин. – Кокшетау: «Мир печати», 2010. – 342 с

29 Джуанышбеков Н.О. Социальное значение интегрированной литературы // Современные исследования социальных проблем. Вып. 3., 2010. - С. 141-144.

30 Смагулова Б.Г., Жаркынбекова Ш.К. Метафорическая репрезентация образа Казахстана в российском медиадискурсе (за период с 2010 по 2021 гг). – URL: file: // /C: /Users/user/Downloads/Smagulova.pdf

31 Абдувалитов Е. «Миллий мактабларда қардош халқлар адабиётини қиёсий ўрганишнинг методологик асослари». – Тошкент, Давлат пед. ун-ти. – Т.: Фан, 2008. – 110 б.

32 Каскабасов, С. А. Предисловие к сборнику «Литературно-художественный диалог» [Текст] / С. А. Каскабасов // Голоса Сибири. Литературный альманах. – Вып. 8. – Кемерово, 2008.

33 Ананьева, С. В. Евразийские мотивы в русской прозе Казахстана [Текст] / С. В. Ананьева // Русская проза Казахстана. Последняя четверть XX века – первое десятилетие XXI века. – Алматы, 2010. – С. 227-273.

34 Власова, Г. И. В поисках национальной идентичности: образ степи в современной казахстанской поэзии [Текст] // Литературное трансграничье: русская словесность в России и Казахстане: коллективная монография. – Барнаул, 2017. – С. 157-162.

35 Алексеев П.В., Дюсекенев Д.Н. М.М.Пришвин и казахская степь: проблемы эволюции русского ориентализма в период поздней империи. https: // surl.li/msnvod

36 Абдуллина, Л. И. Литературный ландшафт родного края [Текст]: моногра-фия / Л. И. Абдуллина. – Усть-Каменогорск, 2012. – 136 с.

37 Джгамадзе К.Б. Теоретико-методологические особенности изучения образа страны в массовом сознании

38 Смагулова Б. Г., Жаркынбекова Ш. К. Метафорическая репрезентация образа Казахстана в российском медиадискурсе (за период с 2010 по 2021 гг.) // Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. Серия: Филология. – 2022. – Т. 138, № 1. – С. 96 – 111. – DOI: 10.32523/2616-678X-2022-138-1-96-111

39 Дима А. Образ иностранца в различных национальных литературах // Дима А. Принципы сравнительного литературоведения. М., 1977. С. 148 – 153.

40 Dyserinck H. Komparatistische Imagologie. Zur politischen Tragweite einer eu-ropäischen Wissenschaft von der Literatur // Europa und das nationale

Selbstverständnis: Imagologische Probleme in Literatur, Kunst and Kultur des 19. und 20. Jahrhunderts. Bonn, 1988. S. 13 – 33.

41 Мура, Ж.-М. Литературная имагология: современные тенденции = L'imagologie littéraire: tendances actuelles / Ж.-М. Мура // Perspectives comparatistes / sous la dir. de J. Bessière, D.-H. Pageaux. – Paris: Champi-on, 1999. – P. 181 – 191.

42 Świderska M. Studien zur literaturwissenschaftlichen Imagologie: Das literarische Werk F. M. Dostoevskijs aus imagologischer Sicht mit besonderer Berücksichtigung der Darstellung Polens. – München: Verlag Otto Sagner, 2001. – 495 S. – (Slavistische Beiträge; Bd. 412). – ISBN 3-87690-816-7.

43 Гачев Г. Д. Ментальности народов мира / Г. Д. Гачев. – М.: Алгоритм: Эксмо, 2008. – 544 с. – (Философский бестселлер). – ISBN 978-5-699-28541-9.

44 Chevrel Y. La littérature comparée. – 5e éd. refondue. – Paris: Presses Universitaires de France, 2006. – 127 p. – (Que sais-je?; 499). – ISBN 2-13-055865-8.

45 Королёва С. Б. Миф о России в британской культуре и литературе (до 1920-х годов): монография. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 314 с.

46 Большакова А. Ю. Теория архетипа и концептология // Культурологиче-ский журнал. – 2012. – № 1 (7). – С. 1 – 11. – URL: https: // cr-journal.ru/rus/journals/109.html&j_id=9 (дата обращения: 13.10.2026).

47 Михальская Н. П. Образ России в английской художественной литературе IX – XIX вв. – М.: Издательство Московского государственного университета, 1995. – 152 с.

48 Янушкевич А. С. От картины мира к образу мира: история становления имагологического текста в русской словесной культуре // Имагология и компаративистика. – 2014. – № 2. – С. 5 – 16.

49 Фомин И. В. От образования до образования её исследователя // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: сборник научных трудов. – М., 2018. – Вып. 8: Образ и образность. – С. 47 – 60.

50 Алексеев П. В. Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века: концептосфера русского ориентализма. – Томск, 2015. – 420 с.

51 Ощепков А. Р. Образ России во французской прозе XIX века: автореф. дис. … д-ра филол. наук. – М., 2011. – 48 с.

52 Оразбаева Н. С. Национальная самобытность Казахстана в художественных и документальных текстах конца XIX – XX века: диссертация на соискание степени доктора философии (PhD). – Астана, 2017. – 169 с.

53 Караева Л. Б. Опыт этнокультурной самоидентификации в английской литературной автобиографии XX века // Филология и культура. Philology and Culture. – 2013. – № 2 (32). – С. 123 – 126.

54 Сатпаева Ш. К. Казахско-европейские литературные связи XIX и первой половины XX в.: монография / под ред. Е. В. Лизунова. – Алма-Ата: Наука, 1972. – 280 с.

55 Кереева-Канафиева К. Ш. Русско-казахские литературные отношения: вторая половина XIX – первое десятилетие XX в. – Алма-Ата: Казахстан, 1980. – 280 с.

56 Ауэзов, М.О. Мысли разных лет Текст. / Ауэзов, М.О. Алма-Ата, 1961.

57 Фетисова М. И. Русско-казахские литературные отношения в первой половине XIX века: монография. – Алма-Ата: Казахское государственное изда-тельство художественной литературы, 1959. – 479 с.

58 Царегородцева С. С. Евразийские мотивы в творчестве Георгия Гребенщикова и Павла Васильева // Русский писатель Георгий Дмитриевич Гребенщиков: [сайт]. – URL: http: // grebensch.narod.ru/ (дата обращения: 13.10.2025).

59 Эфендиев Ф. С. Этнокультура и национальное самосознание. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 329 с.

60 Умарова Г. С. В. И. Даль: мир казахского этноса в документально-научных и художественных текстах: монография. – Уральск: Редакционно-издательский центр ЗКГУ им. М. Утемисова, 2012. – 305 с.

61 Сухих О. Е. Образ казаха-кочевника в русской общественно-политической мысли в конце XVIII – первой половине XIX века: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. – Омск, 2007. – 258 с.

62 Маданова М. Х. Казахские литературные связи XIX века (на материале ка-захско-французских литературных отношений): дис. … канд. филол. наук. – Алма-Ата: Институт литературы и искусства, 1990. – 153 с.

63 Сарбаш Л.Н. Инонациональное в русской литературе и публицистике XIX века: проблематика и поэтика: дис. … док. филол. наук: 10.01.01. – Чебоксары: 2013. – 516 с.

64 Габдуллина В. И. Художественная коммуникация и диалог культур в условиях трансграничности: «казахский текст» как предмет имагологического исследования / В. И. Габдуллина, Д. Н. Дюсекенев // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 1 (68). – С. 366 – 369.

65 Кучинская Т. Н. Трансграничный регион как форма социокультурного пространства: в поисках когнитивной модели исследования // Современные проблемы науки и образования. – 2011. – № 6. – URL: https: // science-education.ru/ru/article/view?id=5045 (дата обращения: 13.10.2026).

66 Волков Ю. Г., Курбатов В. И. Гибридная идентичность: факторы форми-ро-вания и формы проявления // Гуманитарий Юга России. – 2022. – Т. 11, № 2. – С. 15 – 26. – DOI: https: // doi.org/10.18522/2227-8656.2022.2.1. – EDN: HVDEAS.

67 Гиздатов Г. Г., Буренина-Петрова О. Д., Сопиева Б. А. Культура как текст и проект в постсоветском дискурсе (на примере Казахстана) // Πραθηmα. Журнал визуальной семиотики. – 2023. – Вып. 1 (35). – С. 30 – 47. – DOI: https: // doi.org/10.23951/2312-7899-2023-1-30-47.

68 Germov J., Poole M. Hybrid identities in a globalized world // Public Sociology: An Introduction to Australian Society. – Allen & Unwin, 2011. – P. 188 – 203.

69 Абишева С. Д., Хавайдарова М. М., Молдагали М. Б. Теоретические основы исследования трансмедиальной и художественной репрезентации образа Казахстана // Керуен. – 2024. – Т. 84, № 3. – С. 41 – 46. – DOI: 10.53871/2078-8134.2024.3-03.

70 Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Се-миотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам XVIII. – Тарту: Издательство Тартуского государственного универ-ситета, 1984. – С. 30 – 45.

71Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: избранные труды. – СПб.: Искусство – СПБ, 2003. – 616 с. – ISBN 5-210-01545-9.

72 Селеменева М. В. Своеобразие московского текста Александра Иличевско-го // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2017. – Т. 22, № 4. – С. 627 – 639. – DOI: 10.22363/2312-9220-2017-22-4-627-639.

73 «Таллинский текст» в русской культуре: сборник в честь профессора И. З. Белобровцевой – к 60-летию со дня рождения / отв. ред. С. Доценко. – Т. 11 серии «Балтийский архив». – [Б. м.]: [б. и.], 2006. – 435 с. – ISBN 978-9985-58-442-2.

74 Ноева (Карманова) С. Е. Пространственный миф в якутском городском тексте: специфика и функции // Вестник Северо-Восточного федерального уни-верситета имени М. К. Аммосова. – 2025. – Т. 22, № 2. – С. 174 – 187. – DOI: https: // doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-2-174-187.

75 Темиргазина З. К. «Алматинский» текст в творчестве Бахытжана Канапья-нова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2024. – № 90. – С. 268 – 285. – DOI: https: // doi.org/10.17223/19986645/90/13.

76 Какильбаева И. Т. Семиотика «алматинского текста» в поэмах Владимира Луговского и Олжаса Сулейменова // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – 2016. – Т. 159, № 1.

77 Баянбаева Ж. А. Локальный текст и его функции (на примере алмаатинского локального текста) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2016. – № 2. – С. 77 – 84. – URL: https: // journals.rudn.ru/literary-criticism/article/view/13372 (дата обращения: 11.12.2024).

78 Кермешова Ж. Б., Муханова К. Б. Алма-Атинский текст казахстанской лирики в формировании нового гуманитарного знания // Вестник КГУ им. Ш. Уалиханова. Серия: Филологическая. – 2018. – № 1 (2). – С. 222 – 232.

79 Шмакова Е. С., Бегалиева С. Б. Структурно-семиотические и мифопоэтиче-ские доминанты «алматинского текста» в контексте русскоязычной прозы Ка-захстана // Новые исследования Тувы. – 2026. – № 3. – С. 346 – 362. – DOI: https: // doi.org/10.25178/nit.2026.3.20.

80 Яценко И. И., Яценко А. В. Культурное пограничье в постсоветских рус-скоязычных текстах казахстанских писателей // Полилингвиальность и тран-скультурные практики. – 2023. – Т. 20, № 4. – С. 694 – 707. – DOI: https: // doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-4-694-707. – EDN: MCMOVK.

81 Константинова, С. Л. «Итальянский текст» русской литературы XIX–XX вв. / С. Л. Константинова. – Псков : ПГПУ им. С. М. Кирова, 2005. – 159 с.

82 Красноярова, А. А. «Китайский текст» русской литературы : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.01.01 /

Анна Александровна Красноярова. — Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2020.

83 Воронцова, К., Свёнтек, Я., Прокудина, Г. Польский текст русской литературы в поэзии Елены Шварц и Сергея Стратановского: мифопоэтика и культурные контексты / К. Воронцова, Я. Свёнтек, Г. Прокудина // Slovanský literární svět: kontexty a konfrontace I / ред. Е. Гунишева, Л. Паучова. — Брно : Masarykova univerzita, 2015. — С. 227–235.

84 Кузнецова А. В., Петрулевич И. А. Городской текст: семиозис культурного кода // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 11. – С. 89 – 95.

85 Британника. Kazakh literature // Encyclopaedia Britannica. – URL: https: // www.britannica.com/art/Kazakh-literature (дата обращения: 31.03.2025).

86 Kudaibergen D. T. What Does It Mean to Be Kazakhstani? Power, Identity and Nation-Building. – London: Hurst Publishers, 2025. – 304 p. – ISBN 978-1-80526-058-5.

87 Contemporary Kazakh Literature. Poetry Anthology. – Kazakhstan: Public Foundation National Bureau of Translations; Cambridge: Cambridge University Press, 2019. – URL: https: // www.cambridge.org/sites/default/files/media/documents/Kazakh_Poetry_Book_PRINTno-crops.pdf (дата обращения: 05.05.2025).

88 Абишева, С., Хавайдарова, М., & Молдагали М. (2024). Теоретические основы исследования трансмедиальной и художественной репрезентации образа Казахстана. Keruen, 84(3), 40 – 48. https: // doi.org/10.53871/2078-8134.2024.3-03

89 Кулиева Ш. А. Чтение транслингвального художественного текста в поликультурной аудитории // Полилингвиальность и транскультурные практики. – 2019. – Т. 16, № 4. – С. 637 – 643. – DOI: https: // doi.org/10.22363/2618-897X-2019-16-4-637-643.

90 Fielding N. Travellers in the Great Steppe: The Journey of Thomas and Lucy At-kinson. – London: Signal Books, 2020.

91Cameron S. The Hungry Steppe: Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan. – Ithaca: Cornell University Press, 2018. – 288 p. – ISBN 978-1-5017-3043-4.

92 Хамраев А. Т., Калиаскарова А. Т. Казахская тема в творчестве русской по-этессы Н. М. Черновой // Керуен. – 2024. – Т. 83, № 2. – С. 59 – 63.

93 Власова Г. И. Евразийская поэтика казахстанского культурного текста (на материале современной поэзии) // Журнал культурологии. – 2019. – № 1 (38). – С. 84 – 95.

94 Киктенко, В. В. Когорта: русский эпос Казахстана. XX век: лирико-документальная повесть / В. В. Киктенко // Журнал русской культуры. – 2018. – № 9. – С. 5 – 89; № 10. – С. 51 – 141.

95 Шмидт, А. Биография и творчество [Электронный ресурс] // Российско-немецкое авторское объединение. – URL: https: // rd-autoren.de/allauthors/20-21-vek/20-21-schmidt-alexander.html (дата обращения: 31.03.2025).

96 Роббинс, К. Яблоки из Казахстана: земли, которая исчезла / К. Роббинс. – Лондон: Profile Books, 2007.

97 Кэмерон, С. Голодная степь: голод, насилие и становление Советского Казахстана / С. Кэмерон. – Итака: Издательство Корнеллского университета, 2018.

98 Филдинг, Н. Путешественники в Великой степи: путешествие Томаса и Люси Аткинсон / Н. Филдинг. – Лондон: Signal Books, 2020.

99 Васечко, Н. С. Зал Павла Васильева в Рязани / Н. С. Васечко // Человек в мире культуры: культурное описание территории: материалы X Международного философско-культурологического симпозиума / отв. ред. А. В. Соловьев. – Рязань: Концепция, 2015. – С. 41 – 43.

100 Королева, С. Б. Миф о России в британской культуре и литературе (до 1920-х годов): монография / С. Б. Королева. – Москва: Директ-Медиа, 2014. – 314 с.

101 Жирмунский, В. М. Народный героический эпос / В. М. Жирмунский. – Москва; Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1962. – 435 с.

102 Васильев П.Н. Стихотворения и поэмы. – Алма-Ата: Жазушы, 1984. – 432 с.

103 Ильин И.А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин. Ремизов. Шмелев. – М.: Скифы, 1991. – 216 с.

104 Приходченко, И. О. Локальный текст Павлодара 1930-х годов (на материале мемуаров А. В. Миля и Г. А. Бешкарева): дис.... канд. филол. наук: 5.9.1 / Приходченко Илья Олегович. – Омск, 2025. – 189 с.

105 Щеглов Л. Стихи из чемодана: в 2 книгах. Кн. 2. – Алматы: Wink, 2012.

106 Савельева В. В. Не только стихи: Вера Савельева. – Алматы: ИДК, 2021. – 164 с.

107 Лебедева, И.А. Тема Родины в поэзии XX века [Электронный ресурс] // Литературный блог Ирины Лебедевой. – URL: https://iralebedeva.ru/poezia_8.html (дата обращения: 15.10.2025).

108 Папилова Е.В. Имагология как гуманитарная дисциплина. file: // /C: /Users/User/Downloads/imagologiya-kak-gumanitarnaya-distsiplina.pdf

109 Зейферт Е. Плавильная лодочка. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 160 с.

110 elenaseifert https: // www.youtube.com/watch?v=zE7NjRsWs78

111 Бойм С. Будущее ностальгии // Неприкосновенный запас. – 2013. – № 3(89). [Электронный ресурс]. – URL: http: // magazines.russ.ru/nz/2013/3/11s.html (дата обращения: 20.10.2025).

112 Зинченко А.В. Ностальгия: диалог знания и памяти // Культурно-историческая психология. – 2009. – № 2. – С. 77 – 85

113 Чикишева, А. С. Феномен ностальгии в постсоветской массовой культуре / А. С. Чикишева // Фундаментальные проблемы культурологии : сборник статей по материалам конгресса / ответственный редактор Д. Л. Спивак. — Москва: Новый хронограф : Эйдос, 2009. — Т. 6 : Культурное наследие: от прошлого к будущему. — С. 267–277.

114 Фенько, А. Б. Психология ностальгии / А. Б. Фенько // Консультативная психология и психотерапия. — 1993. — Т. 2, № 3.

115 Hofer J. Dissertatio medica de nostalgia, oder Heimwehe. – Basileae: Typis Iacobi Bertschii, 1688. – URL: https: // doi.org/10.3931/e-rara-18924 (дата обращения: 14.10.2024).

116 Wildschut T., Sedikides C., Arndt J., Routledge C.D. (2006). Nostalgia: Con-tent, triggers, functions. Journal of Personality and Social Psychology, 91, 975 – 993.

117 Фельде С. Ю. На краю деревни [Электронный ресурс] // Самиздат. — URL: https://zhurnal.lib.ru/s/swetlana_f/ (дата обращения: 02.11.2025).

118 Вахтанг Гоголадзе Там, в Казахстане, 2019. – 164 с.

119 Сабдалиева Р. Б., Орынханова Г. А. Образ ене в киноповести Е. Турсунова «Келін» // Керуен. – 2023. – Т. 79, № 2. https: // doi.org/10.53871/2078-8134.2023.2-19

120 Байболов А. У. Вопросы национального кода в рассказах Бахытжана Канапьянова // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия: Филологические науки. – 2021. – № 1 (75). – DOI: 10.51889/2021-1.1728-7804.35. – URL: https: // bulletin-philology.kaznpu.kz/index.php/ped/article/view/486 (дата обращения: 14.05.2021).

121 Әбдезұлы Қ. Т. Т. Әлімқұлов шығармашылығы және 60 – 80-ші жылдардағы қазақ прозасы (дәстүр мен жалғастық). – Алматы: Қазақ уни-верситеті, 2005, – С. 154 – 156.

122 Лотман Ю. М. О содержании и структуре понятия «художественная литература» // Избранные статьи: в 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и ти-пологии культуры. – Таллинн: Александра, 1992. – С. 203 – 216.

123 Балакина Ю. В. Электронный текст: принципиально новый тип текста? // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2016. – Т. 15, № 3. – С. 17 – 27. – DOI: https: // doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.3.2

124 Серкебаева И. Ермек Серкебаев. И жизнь, и молодость, и счастье… – Алматы: Жібек жолы, 2010. – 239 с.

125 Колокольцева О. В., Лутовинова О. В. Интернет-коммуникация как новое речевое образование: коллективная монография. – 2-е изд., испр. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 328 с.

126 Савельева, В. Не только стихи / В. Савельева. — Алматы : ИДК, 2021. –164 с.

127 Омар Хайям. Афоризмы / Омар Хайям; автор-составитель С. Ю. Балашо-ва; перевод И. Тхоржевского и др. – Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2012. – 174 с. – (Мудрость веков). – ISBN 978-5-373-04526-1.

128 Тайлор Э. Б. Первобытная культура : [исследования развития мифологии, философии, религии, языка, искусства и обычаев] / Эдуард Бернетт Тайлор ; [перевод с английского Д. А. Коропчевского]. – Москва : АСТ, 2023. – 1152 с.

129 Гирц, К. Интерпретация культур / К. Гирц ; пер. с англ. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. — 560 с.

130 Лотман, Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство – СПБ, 2001. С. 395.

131 Таллер М. Дискуссии вокруг Digital Humanities (пер. с англ. Е.А. Лубанец, ред. перевода И.М. Гарскова) // Историческая информатика. 2012. № 1.

132 Галкин Д.В. Техно-художественные гибриды или произведение искусства в эпоху его компьютерного производства (V.1.0) // Гуманитарная информати-ка. – Томск: Изд-во ТГУ, 2007. – Вып. 4. – С.22-38.

133 Дьюи, Дж. Школа и общество / Дж. Дьюи. – М.: Госиздат, 1924. – 168 с.

134 Загвязинский В. И. Методология педагогического исследования: учебник для вузов. Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https: // urait.ru/bcode/562722 (дата обращения: 08.12.2025).

135 Полат Е.С. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования: уч. Пособие для студ. высш. учебн. Заведений / Е.С. Полат, М.Ю. Бухарника. – 3-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 368 с.

136 Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: «Медиум», 1995. – 323 с.

137 Боровикова Т.В. Формирование исследовательской компетенции в условиях двухуровневого высшего образования // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2014. №3. С. 17 – 23.

138 Чернова Э.Г. Актуальные проблемы методологии социально-гуманитарных наук // Актуальные проблемы современной науки, техни-ки и образования: тезисы докладов 76-й международной научно-технической конференции Магнитогорск, Магнитогорский гос. техн. ун-т им. Г.И. Носова, 16 – 20 апреля

139 Елагина В.С. Формирование исследовательской компетенции в процессе профессиональной подготовки студентов педагогического методический электронный журнал «Концепт». 2012. №8. С. 26 – 30. URL: http: // e-koncept.ru/2012/12102.htm

140 Репета Л.М. Исследовательская деятельность как главный фактор формирования исследовательской компетенции учащихся // Теория и практика общественного развития. 2012. №11. С. 149 – 152.

141 Миненко Н.В. Структура аналитико-рефлексивной компетентности будущего учителя в системе высшего профессионального образования // Преподаватель XXI век. 2015. №1. С. 55 – 64.

Сводные таблицы результатов опроса

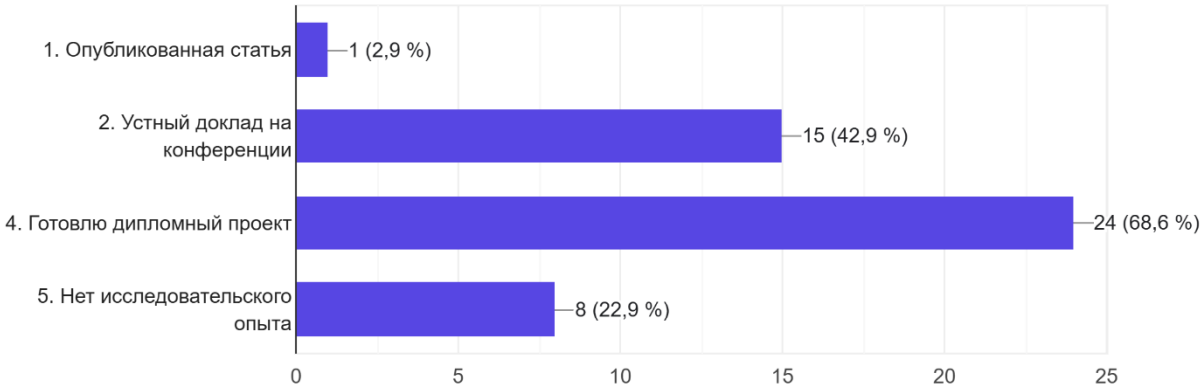
Ваш курс

35 ответов

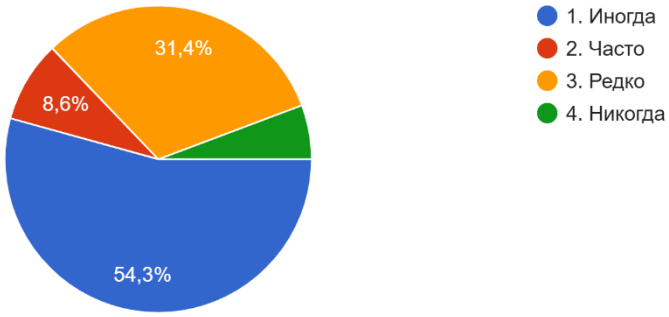

Есть ли у вас опыт исследовательской работы?

35 ответов

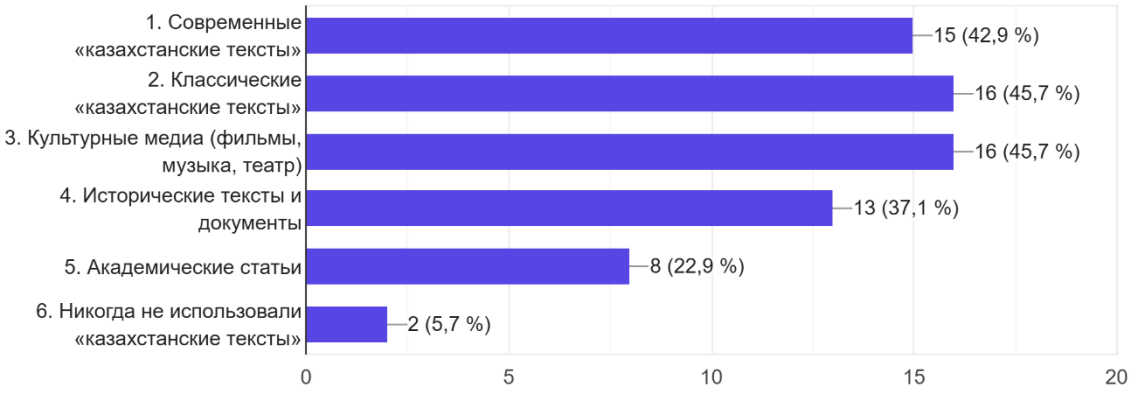
Используете ли вы в своих работах «казахстанский текст»?

35 ответов

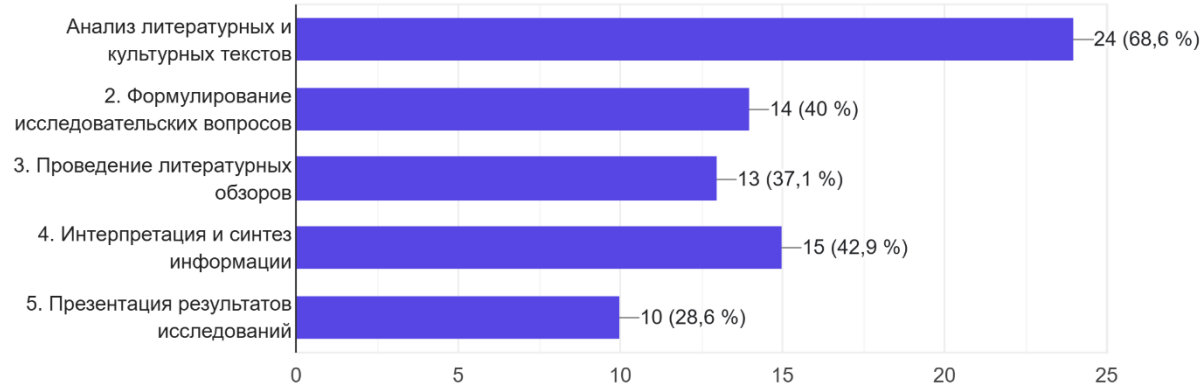

Какие «казахстанские тексты» вы используете?

35 ответов

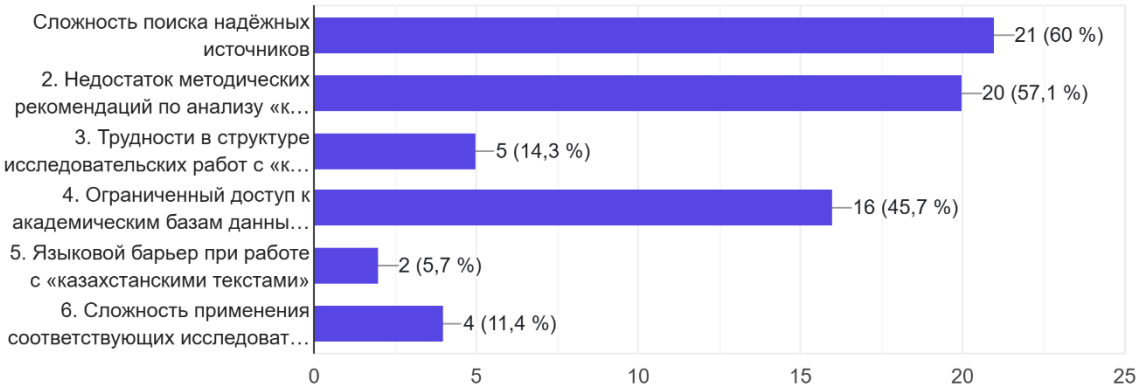
Как использование казахстанских текстов способствует развитию ключевых исследовательских навыков студентов при анал... слабо, умеренно, существенно, значительно)

35 ответов

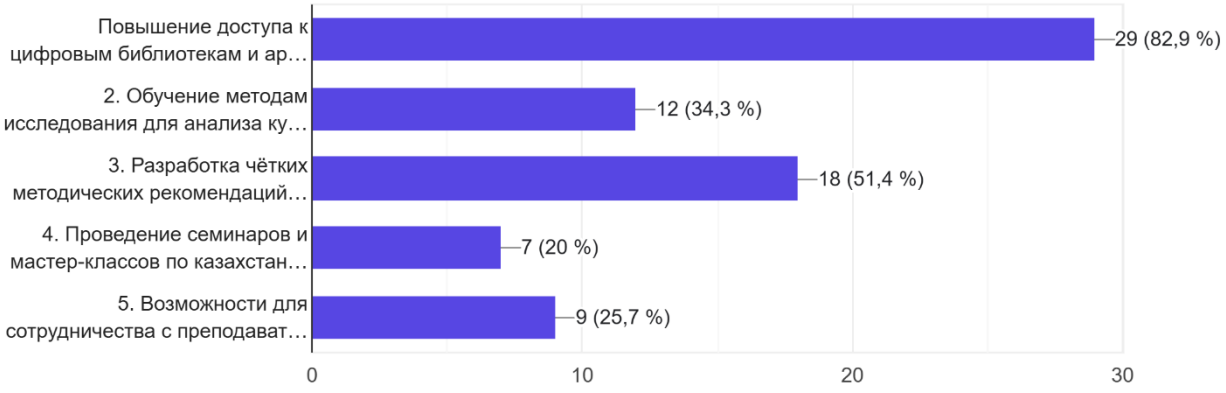

С какими трудностями вы столкнулись при работе с «казахстанским текстом»

35 ответов

Какие предложения на ваш взгляд улучшать интеграцию «казахстанских текстов» в исследовании

35 ответов

Силлабус элективного курса «Образ Казахстана в современной мировой литературе»

1.	**Общая информация о дисциплине**		
1.1.	Факультет: филологии	1.6.	Кредиты: 5
1.2.	Название дисциплины: Образ Казахстана в современной мировой литературе	1.7.	Код дисциплины:MPLNSH **7М01702- Русский язык и литература**
1.3.	Пререквизиты: Организация учебного процесса по русскому языку и литературе	1.8.	Действующий с: *2025 г*
1.4.	Постреквизиты: преподавание, научная деятельность		
1.5.	Образовательная программа: Обязательный компонент (ОК) (да – нет): нет Вузовский компонент (ВК) (да - нет): нет Компонент по выбору (КВ) (да – нет): да		
	Описание дисциплины		
Цель: изучение художественной литературы, содержащих в себе обращение к образу Казахстана, к его реалиям, традициям, истории и культуре. Исследование произведений западных и восточных авторов XXI века, затрагивающие казахстанскую тематику, анализ их нарративных стратегии, культурных стереотипов и интертекстуальных связей. **Содержание:** развитие художественных и эстетических знаний и развитие научно-теоретических основ дисциплины, новых направлений ее исследования, научных концепций в этой области. **Компетенции:** использовать в профессиональной деятельности основы современной мировой литературы и искусства, литературно-эстетические, теоретические знания.			
	Формы итогового контроля		
3.1.	Экзамен в форме группового проекта		
	Методы текущего оценивания		
3.1.	Собеседование	3.6.	Презентация
3.2.	Курсовая работа	3.7.	Коллегиальная оценка *(Peer Assessment)*
3.3.	Индивидуальный или групповой проект	3.8.	Эссе
3.4.	Лабораторные занятия/ Практическое задание	3.9.	*Аналитическая записка*
3.5.	Педагогическая ситуация / кейс	3.10.	*Другое*
5.	**Цели дисциплины**		

Изучение художественной литературы, содержащих в себе обращение к образу Казахстана, к его реалиям, традициям, истории и культуре. Исследование произведений западных и восточных авторов XXI века, затрагивающие казахстанскую тематику, анализ их нарративных стратегии, культурных стереотипов и интертекстуальных связей.			
6.	**Результаты обучения по дисциплине**		
5.1.	К концу дисциплины ожидается, что магистрант сможет: На уровне *знания:* демонстрирует знание авторов, произведений и терминов, связанных с темой образа Казахстана в мировой литературе XXI века; воспроизводит понятийный аппарат и научные концепции дисциплины. На уровне *понимания*: объясняет особенности репрезентации Казахстана в контексте культурных традиций; интерпретирует текст с учётом культурных кодов и историко-литературного фона. На уровне *применения:* применяет теоретические концепции (нарративный анализ и др.) к конкретным текстам; использует методы анализа в письменных и устных работах. На уровне *анализа:* анализирует нарративные стратегии и культурные стереотипы в произведениях; сопоставляет интерпретации образа Казахстана в разных традициях. На уровне *синтеза:* разрабатывает оригинальный исследовательский проект, посвящённый репрезентации Казахстана в мировой литературе XXI века; формирует авторскую концепцию или аналитическую модель на стыке литературоведения, культурологии. На уровне *оценки:* формулирует критическую оценку репрезентации Казахстана, оценивает теоретические подходы и художественные решения.		
5.2.	РО	Результаты обучения по ОП, с которыми связаны результаты обучения по дисциплине	Атрибуты выпускника, с которыми связаны результаты обучения по дисциплине
	РО2	соблюдет педагогический такт, правила педагогической этики; проявлять уважение к личности обучающихся; придерживается демократического стиля во взаимоотношения с обучающимися; проявлять приверженность к высшим социальным ценностям	коммуникативная компетенция
	РО6	знание теории и истории языкознания как теоретической базы исследовательской и прикладной деятельности в области языкознания; знание антропологических, семиотических и герменевтических основ коммуникации и использование их в теоретической и практической деятельности;	исследовательская компетенция
	РО8	самостоятельно и во взаимодействии с коллегами осуществлять апробацию полученных результатов исследований; во взаимодействии с коллегами планировать и проводить исследования в области психолого-педагогических наук для	профессиональная компетенция

		совершенствования практики образования; во взаимодействии с коллегами планировать и проводить исследования в специальной области, в том числе в целях коммерциализации полученных результатов	

7.	**Подробная информация о дисциплине**		
6.1.	Академический год:	6.3.	Расписание (в соответствии с расписанием)
6.2.	Семестр:	6.4.	Место проведения: *6 корпус, 312, 314, 317, 318 кабинеты*

8.	**Преподаватель**			
Должность Имя Офис Контактная	Должность Имя Офис Контактная	Должность Имя Офис Контактная	Должность Имя Офис Контактная	Должность Имя Офис Контактная
Преподаватель/ преподаватели				

9.	**Содержание дисциплины**		
Неделя	Тема лекции	Ссылка на литературу	Ссылка на цели и результаты обучения по дисциплине
1	Лекция 1. Исследование культурных отношений Востока и Запада через образы национального и инонационального в литературе.	Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение Восток и Запад, Ленинград «Наука», 1979. – 479 с.	РО6
	ПЗ1. Диалог культур. ПЗ2. Образы национального и инонационального в литературе.	Гачев Г. Ментальности народов мира, Москва: Эксмо, Алгоритм, 2003. — 541 с.	РО2
2	**СРМП 1.** Образ Казахстана сквозь призму русской литературы. Консультация и прием **СРМ.**	Сатпаева Ш.К. Казахско-европейские литературные связи 19 и первой половины 20 в.: монография / Под ред. Е.В.Лизунова. – Алма-Ата: Наука, 1972. – 280 с.	РО8
	Лекция 2. М.М. Бахтин концепция «диалога культур».	Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.	РО6

	ПЗ3. Национальные образы в литературе. ПЗ4. Национально-культурная идентичность в поле диалога культур.	Костина А.В. Национальная культура – этническая культура: «Баланс интересов» в современном обществе. М., 2009. 216 с.	РО6
	СРМП 2. Художественная картина мира в современной литературе Казахстана. Консультация и прием **СРМ.**	Национальные образы мира в современной литературе Казахстана / У.К. Абишева, К.К. Ахмедьяров, А.Б. Абдулина, Х.С. Мухамадиева; под. общей ред. У.К. Абишевой. – Стер. изд. – Алматы: Қазақ университеті, 2020. – С. 180.	РО8
3	Лекция 3. Репрезентации «локальных текстов»: в области семиотики Ю.М. Лотмана.	Лотман Ю.М. статьи по семиотике культуры и искусства (Серия «Мир искусства»).Предисл. С. М. Даниэля, сост. Р. Г. Григорьва. Спб.: Академический проект, 2002. 543 с.	РО6
	ПЗ 5. Семиотика Петербурга Ю. М. Лотман. ПЗ 6. Семиотический подход к изучению города.	Лотман, Ю. М. Семиосфера. С.-Петербург: «Искусство—СПБ», 2000.- 704 с.	РО8
	СРМП 3. Вопросы исследования «городского текста». Консультация и прием **СРМ.**	Лошаков А.Г. О смысловой корреляции «локус - сверх-текст» // Язык как отражение духовной культуры народа: материалы Международной научной конференции. Архангельск, 2018. С. 93-94.	РО6

4	Лекция 4. Сверхтексты в литературе.	Меднис Н.Е. Поэтика и семиотика русской литературы., Москва., 2011. 231 с.	РО6
	ПЗ 7. Ключевые интерпретации сверхтекста в современной литературе. ПЗ 8. Сверхтекст: проблема терминологии и содержание.	Коркунов В. Локальный текст: к вопросу объединения исторического и биографического контекстов // Дети Ра. № 7 (117). 2014. http://magazines.russ.ru/ra/2014/7/12k.html	РО2
	СРМП 4. Мир востока в произведениях Мориса Симашко. Консультация и прием **СРМ.**	Ананьева С. Морис Симашко. Опыт филологического прочтения. Караганда: ЖК, 2014. 220 с.	РО6
5	Лекция 5. Петербургский текст.	Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. – Санкт-.Петербург: «Искусство – СПБ». 2003. – 616 с.	РО8
	ПЗ9. Петербургский текст в системе сверхтекстов: реализация, художественное восприятие. ПЗ10. Петербургский текст: теория, структура, компонентный состав.	Иванов В.В., Топоров В.Н. Инвариант и трансформации в мифологических и фольклорных тек-ста // Типологические исследования по фольклору. – М., 1975.	РО6
	СРМП 5. Петербургский текст в XX веке: проблема художественного восприятия. Консультация и прием **СРМ.**	Топоров В. Н. Петербург и ≪Петербургский текст русской литературы≫ // Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. 18.	РО8
6	Лекция 6. Московский текст.	Веселова И.С. Логика московской путаницы (на материале	РО2

		московской «несказочной» прозы конца XVIII — начала XX вв.) // Москва и московский текст русской культуры. — М.: Изд-во РГГУ, 1998.	
	ПЗ11. Московский текст в XX веке: проблема художественного восприятия. ПЗ12. «Московский текст»: история, структура, значение.	Одесский М.П. Москва — град святого Петра // Москва и московский текст русской культуры. — М.: Изд-во РГГУ, 1998.	РО6
	СРМП 5. Мифопоэтика и «Московский текст» Консультация и прием **СРМ.**	Яблоков Е.А. Счастье и несчастье Москвы («Московские» сюжеты А. Платонова и Б. Пильняка) // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 2. — М.: Наследие, 1995.	РО8
7	Лекция 7. «Городской текст» в художественной литературе.	Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе: учебное пособие / науч. ред. Т. И. Печерская ; Новосиб. гос. пед. ун-т. – Новосибирск : НГПУ, 2003. - 170 с.	РО6
	ПЗ 13. Городской текст: специфика, место в типологии сверхтекстов. ПЗ 14. "Городской текст" и городской локус.	Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе / НГПУ, 2003 // http://www.kniga.websib.ru/text.htm	РО8
	СРМП 7. Городской текст через призму структурных и пространственно-временных элементов. Г.И. Власова.	Власова Г.И., Кривощапова Т.В. Городской текст южной столицы	РО2

	Консультация и прием **СРМ.**	Казахстана в современной поэзии и прозе // Русистика: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – С. 517.	
			Рубежный контроль – 1
8	Лекция 8. Локальный текст Алма-Аты.	Нора П. Проблематика мест памяти / Франция-память. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999.	РО6
	ПЗ 1. Алма-Ата в прозе Ю.О. Домбровского. ПЗ 2. Локальный текст и его функции. Пространство в локальном тексте.	Коркунов В. Локальный текст: к вопросу объединения исторического и биографического контекстов // Дети Ра. № 7 (117). 2014. http://magazines.russ.ru/ra/2014/7/12k.html	РО2
	СРМП 8. Локальный текст (на примере алма-атинского локального текста). Консультация и прием **СРМ.**	Баянбаева Ж.А. Локальный текст и его функции (например алма-атинского локального текста) // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2016. № 2. С. 77-84	РО8
9	Лекция 9**.** Восточно-Казахстанский культурный текст.	Абдуллина Л.И. Литературный ландшафт родного края [Текст]:монография/ Л.И. Абдуллина.– Усть-Каменогорск, 2012.–136с.	РО6
	ПЗ 3. Казахстанский культурный текст в произведениях писателей. ПЗ 4. Евразийский контекст в произведениях казахстанских авторов.	Абдуллина Л. И. «Генетический код» и локальное самосознание в русской поэзии Восточного Казахстана //	РО2

		Литературное трангранічье: Русская словесность в России и Казахстане / Отв. редактор В. И. Габдуллина. Барнаул: АлтГПУ, 2017.	
	СРМП 9. Евгений Курдаков «Ак-Баур. Тайны и открытия». Консультация и прием **СРМ.**	Курдаков, Е.В. Ак-Баур [Текст] : тайны и открытия : о памятнике древнейшей письменности, находящемся в казахстанском Алтае / Е. В. Курдаков. - Усть-Каменогорск : [б. и.], 2008. - 147 с.	РО6
10	Лекция 10. Имагология как часть сравнительного литературоведения.	Папилова Е.В. Имагология как гуманитарная дисциплина. https://cyberleninka.ru/article/n/imagologiya-kak-gumanitarnaya-distsiplina/viewerРоссия в литературе Запада. Монография. – М.: МГПУ	РО8
	ПЗ 5. «Казахский текст» как предмет имагологического исследования. ПЗ 6. Имагологический аспект взаимодействия казахского фольклора и поэзии П. Васильева.	Воспоминания о Павле Васильеве / Сост. С.Е. Черных, Г.А. Тюрин. – Алма-Ата: Жазушы, 1989. – 304 с.	РО6
	СРМП 10. Аспектный обзор научных трудов по имагологии. Консультация и прием **СРМ.**	Дима А. Образ иностранца в различных национальных литературах // Дима А. Принципы сравнительного литературоведения. М., 1977.	РО8
11	Лекция 11. Гибридная идентичность в литературе.	Гиздатов Г., Ашимова З. Нарративы диаспор в	РО6

		медиапространстве (на материале этнических групп Казахстана) // Критика и семиотика. 2024. Выпуск 2. С. 296-311. DOI: 10.25205/2307-1753-2024-2-].	
	ПЗ 7. Проза Елены Зейферт. ПЗ 8. Мифологемы в повести Е. Зейферт.	Зейферт Е. Плавильная лодочка. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 160 с.	РО2
	СРМП 11. Литература российских немцев: синтез культурных традиций Германии, России и Казахстана Консультация и прием **СРМ.**	Зейферт Е. Ловец смыслов, или культурные слои. Книга критики. – М.: МСНК-пресс, 210.-272 с.	РО2
12	Лекция 12. Образ страны в художественной литературе.	Михальская Н. П. Образ России в английской художественной литературе IX-XIX вв. - М.: Моск. Гос. Ун-т, 1995. - 152 с	РО8
	ПЗ 9. Павел Алексеев. М.М. Пришвин и казахская степь. ПЗ 10. Поэтическое наследие Руфь Тамариной.	Алексеев П.В. Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века: концептосфера русского ориентализма. – Томск, 2015. Тамарина Р. Помедли миг. Стихи /Составитель М. Чернова, Л. Шашкова. – Алматы: издательский дом «Жибек жолы», 2003. – 132 с.	РО6
	СРМП 12. Выборка художественных произведений,	Земсков В.Б. Теоретические аспекты: о рецепции	РО8

	репрезентирующих образ Казахстана. Консультация и прием **СРМ.**	и репрезентации «другой» культуры // На переломе: образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX — начало XXI в.). М., 2011.	
13	Лекция 13. Евразийское пограничье как концепт художественной прозы.	Ананьева С.В., Сагинтаев Э. Евразийское пограничье: идея интеркультуральности // Казахстан и мировое литературное пространство: компаративные исследования. – Алматы: Silver Press, 2022.	РО6
	ПЗ 11. Взаимосвязи азиатского пространства и национальной идентичности русскоязычного поэта. ПЗ 12. «Казахский текст» русской литературы.	Кереева-Канафиева К.Ш. Русско-казахские литературные отношения: вторая половина XIX - первое десятилетие XX в. Алма-Ата, 1980. 280 с.	РО2
	СРМП 13. Поэтический текст Вячеслава Киктенко и Александра Шмидта. Консультация и прием **СРМ.**	Киктенко В. Когорта: русский эпос Казахстана. XX век: лирико-документальная повесть//Москва: журнал русской культуры. - 2018. Шмидт А. Здесь и там. - Алматы: Интерпринт, 2003. - 224 с.	РО8
14	Лекция 14. Образ казахского этнокультурного мира в русской литературе Казахстана.	Габдуллина В.И., Дюсекенев Д.Н. Художественная коммуникация и диалог культур в условиях	РО6

		трансграничности: «казахский текст» как предмет имагологического исследования // МНКО. – 2018.	
	ПЗ 13. Нарративная репрезентация образа Казахстана в мировой литературе. ПЗ 14. «Казахстанский текст» в литературе писателей-эмигрантов.	Интеграционные процессы и казахская литература / Министерство образования и науки Республики Казахстан, Ком. науки, Ин-т литературы и искусства им. М.О. Ауэзова. – Алматы: Арда, 2011. – 256 с.	РО6
	СРМП 14. Творчество писателей-эмигрантов. (Ю. Герта (США); А. Кима, (Россия); Л. Вайдмана, (Германия); С. Аксенову-Штейнгруд (Израиль). Консультация и прием **СРМ.**	Бугаева Л.Д. Мифология эмиграции: геополитика и поэтика // За пределами. Интеллектуальная эмиграция в русской культуре XX века, 2006.	РО8
15	Лекция 15. Евразийская поэтика казахстанского культурного текста.	Власова, Г.И.В поисках национальной идентичности: образ степи в современной казах-станской поэзии [Текст]// Литературное транс-граничье: русская словесность в России и Казах-стане: коллективная монография.– Барнаул, 2017.	РО6
	ПЗ 15. Художественный феномен «казахстанский текст». ПЗ 16. Виды художественной репрезентации образа Казахстана в мировом культурном пространстве.	Маданова М.Х. Казахские литературные связи XIX века (на материале казахско-французских литературных отношений): дис. ... канд. филол. наук. –	РО2

		Алма-Ата: Институт литературы и искусства, 1990. – 153 с.	
	СРМП 15. Антология современной казахской прозы и поэзии. Консультация и прием **СРМ.**	Рафис Абазов. Внешний мир в казахской литературе (первое издание) Редактор — д-р Рафис Абазов, переводчик — Сергей Левчин. 2016, 246 с.	РО8
	Рубежный контроль – 2		
	Экзамен		В соответствии с расписанием

10.	**Методы обучения**
1	Контекстное обучение
2	Проблемное обучение
3	Обучение на основе запросов

11. График сдачи

Вид контроля	Макс. баллы за неделю	неделя									
		1	2		7	8				15	Общий макс. балл
Активность при обсуждении лекций	3	Примечание: за 1-ю неделю баллы не выставляются									15
Выполнение практических/лабораторных заданий	5										25
Выполнение заданий (СРОП)	5										20
Самостоятельная работа	5										20

обучающегося (СРО)											
Рубежный контроль 1 (Midterm)						20					20
Рубежный контроль 2 (Endterm)									20		20
Всего											100
Итоговый экзамен											100

12.	**Критерий и рубрики оценивания**
12.1.	**Активность при обсуждении лекций (макс.3 балла)**

Критерий	**Высокий (3 балла)**	**Средний (2 балл)**	**Низкий (1 балл)**	**0 баллов**
Частота участия	Регулярно, на каждом занятии	Периодически	Очень редко	Не участвует
Качество замечаний	Аргументированные и по теме	Поверхностные	Не по теме	Отсутствуют

12.2.	**Выполнение практических/лабораторных заданий (макс.5 баллов)**

Критерий	**5 баллов (Отлично)**	**4 балла (Хорошо)**	**3 балла (Удовлетворительно)**	**2 балла (Слабо)**	**1 балл (Минимум)**	**0 баллов**
Правильность решений	Все задания решены правильно, без ошибок	Незначительные ошибки, не влияющие на результат	Ошибки есть, но логика в целом верна	Много ошибок, задание выполнено частично	Выполнено неправильно	Работа не представлена
Использование формул и единиц	Формулы и единицы использованы корректно и в полном объеме	Незначительные неточности в формулах или единицах	Некоторые формулы или единицы отсутствуют	Большинство формул/единиц отсутствуют или ошибочны	Формулы не использованы	Нет попытки выполнения
Объяснение явлений (в соответствии со спецификой дисциплины)	Полное, обоснованное и связное объяснение	Объяснение есть, но частично раскрыто	Объяснение краткое и не всегда точное	Объяснение неполное и неясное	Формальное или ошибочное объяснение	Нет пояснений
Оформление работы	Аккуратное, логичное, соответствует требованиям	Соответствует требованиям, с незначительными недочётами	Есть структурные недостатки	Небрежное, нарушена структура	Структура полностью нарушена	Нет оформления
Своевременность сдачи	Сдана строго в срок	Задержка не более 1 дня	Задержка до 3 дней	Задержка до недели	Задержка более недели	Не сдано

12.3.	**Выполнение заданий (СРОП, СРО) (макс. 5 баллов)**

Критерий	**5 баллов (Отлично)**	**4 балла (Хорошо)**	**3 балла (Удовлетв**	**2 балла (Слабо)**	**1 балл (Минимум)**	**0 баллов**

			орительно)			
Полнота выполнения задания	Все пункты выполнены полностью и правильно	Выполнены почти все пункты, незначительные упущения	Выполнено около половины задания	Меньше половины выполнено	Минимальные попытки выполнения	Задание не выполнено
Качество содержания	Глубокий анализ, логичное и последовательное изложение	Анализ есть, но с упрощениями	Низкий уровень анализа и логики	Поверхностное изложение, слабый анализ	Ошибки в содержании, нет логики	Отсутствует содержание
Самостоятельность выполнения	Полностью самостоятельно, без заимствований	Преимущественно самостоятельно, с мелкими заимствованиями	Частично самостоятельное выполнение	Много заимствований без переработки	Значительные заимствования, нет оригинальности	Полностью списано или не выполнено
Оформление	Оформлено аккуратно и по требованиям	Незначительные недочеты в оформлении	Есть ошибки в оформлении	Оформление нарушает требования	Серьезные нарушения оформления	Отсутствует оформление
Своевременность сдачи	Сдано строго в срок	Задержка до 1 дня	Задержка до 3 дней	Задержка до недели	Задержка более недели	Не сдано

12.4.	**Рубежный контроль 1,2 (Midterm, Endterm) (макс. 20 баллов)**			
Критерий	**Высокий (16–20 баллов)**	**Средний (11–15 баллов)**	**Низкий (6–10 баллов)**	**Очень низкий / отсутствует (0–5 баллов)**
Полнота выполнения	Все задания выполнены полностью и точно	Выполнены в основном, незначительные пробелы	Выполнены частично, имеются существенные упущения	Задания выполнены частично или отсутствуют
Правильность и обоснованность	Ответы логичны, верны, хорошо аргументированы	В целом верные, но есть отдельные ошибки	Значительное количество ошибок, слабая аргументация	Большинство ответов неверны, отсутствует логика
Уровень анализа и выводов	Продемонстрирован глубокий анализ, самостоятельные выводы	Анализ имеется, но недостаточно глубоко	Анализ поверхностный, выводы шаблонные	Анализ отсутствует, выводов нет
Оформление и структура ответа	Оформлено аккуратно, структурировано, соблюдены все требования	В основном оформлено корректно, мелкие недочеты	Имеются структурные и оформительские нарушения	Ответы оформлены с грубыми ошибками или отсутствует структура
13.	**Оценка**			

%	Буквенный эквивалент	В баллах	Описание оценки
95–100	A	4.0	Превосходное выполнение, глубокие знания, полное соответствие требованиям.
90–94	A-	3.67	Отличное выполнение с минимальными недочётами, уверенное владение материалом.
85–89	B+	3.33	Очень хорошее выполнение, незначительные пробелы в аргументации или деталях.
80–84	B	3.0	Хорошее выполнение, демонстрация уверенных знаний, наличие отдельных недостатков.
75–79	B-	2.67	Достаточно хорошее выполнение, имеются мелкие ошибки или недочёты.
70–74	C+	2.33	Удовлетворительное выполнение, понимание материала с пробелами в деталях.
65–69	C	2.0	Средний уровень выполнения, поверхностное знание ключевых концепций.
60–64	C-	1.67	Минимально достаточный уровень, существенные пробелы в понимании материала.
55–59	D+	1.33	Неудовлетворительное выполнение, слабое владение материалом, но базовые знания присутствуют.
50–54	D	1.0	Низкий уровень выполнения, значительные пробелы, минимальное соответствие требованиям.
15–49	FX	0	Несоответствие минимальным требованиям, отсутствие понимания материала.
0–49	F	0	Полное несоответствие минимальным требованиям, отсутствие понимания материала.

Итоговая оценка (ИО) за дисциплину рассчитывается по следующей формуле:

$$\text{ИО} = \left(\frac{\text{РК1} + \text{РК2}}{2}\right) * \mathbf{0,6} + \text{ИК (Э)} * \mathbf{0,4}$$

14.	Литература/Учебные ресурсы	Основные	Дополнительные
1	Электронные ресурсы, включая, помимо прочего: базы данных, анимацию, моделирование, профессиональные блоги, веб-сайты, другие электронные справочные материалы (например, видео-, аудио-, дайджесты)	Учебно-методический комплекс в системе «Универ»	отсутствуют
2	Электронные учебники	Коркунов В. Локальный текст: к вопросу объединения исторического и биографического контекстов // Дети Ра. № 7 (117). 2014. http://magazines.russ.ru/ra/2014/7/12k.html	Папилова Е.В. Имагология как гуманитарная дисциплина. https://cyberleninka.ru/article/n/imagologiya-kak-gumanitarnaya-distsiplina/viewerРоссия в литературе Запада. Монография. – М.: МГПУ

3	Лабораторные ресурсы	не предусмотрены	не предусмотрены
4	Специальное программное обеспечение	отсутствует	отсутствует
5	Журналы (вкл. эл.журналы)	отсутствуют	отсутствуют
6	Учебники	Топоров В. Н. Петербург и ≪Петербургский текст русской литературы≫ // Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. 18. Топоров В.Н. Текст «города-девы» и «города-блудницы» в мифологическом аспекте // Структура текста-81. — М., 1981. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе: учебное пособие / науч. ред. Т. И. Печерская ; Новосиб. гос. пед. ун-т. – Новосибирск : НГПУ, 2003. - 170 с. Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение Восток и Запад, Ленинград «Наука», 1979. – 479 с. Гачев Г. Ментальности народов мира, Москва: Эксмо, Алгоритм, 2003. – 541 с.	Купина, Н. А. Сверхтекст и его разновидности / Н. А. Купина, Г. В. Битенская // Человек – текст – культура / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. – Екатеринбург, 2004. Интеграционные процессы и казахская литература / Министерство образования и науки Республики Казахстан, Ком. науки, Ин-т литературы и искусства им. М.О. Ауэзова. – Алматы: Арда, 2011. – 256 с. Абдуллина Л.И. Литературный ландшафт родного края [Текст]:монография/ Л.И. Абдуллина.–Усть-Каменогорск, 2012.–136с. Веселова И.С. Логика московской путаницы (на материале московской «несказочной» прозы конца XVIII — начала XX вв.) // Москва и московский текст русской культуры. — М.: Изд-во РГГУ, 1998.
15.	**Ожидание от дисциплины**		
Посещаемость занятий влияет на оценку, соблюдение дедлайнов, открытость в обсуждении проблем, использование инноваций, доступность учебных материалов, уважение к личности студента, инновации в организации обучения, индивидуальны консультации, помощь в исследованиях.			
16.	**Академическая честность**		
Академическая честность в течение учебного года. В случае проявления академической нечестности со стороны студентов во время аудиторных и внеаудиторных занятий: после первого допущенного нарушения созданной комиссией проводится беседа и снижается оценка. В случае повторного допущения фактов академической нечестности в течение учебного года создается комиссия, составляется акт и передается в Дисциплинарно-антикоррупционный совет (далее – ДАС) для принятия дальнейших решений; Академическая честность во время промежуточной или итоговой аттестации. Обучающийся, проявивший академическую нечестность, удаляется из аудитории без права пересдачи экзамена в тот же академический период. Повторная сдача экзамена осуществляется в Летнем семестре или в следующем академическом семестре на платной основе. В случае повторного удаления с экзамена (в		

течение всего периода обучения в вузе) обучающийся отчисляется без права дальнейшего восстановления в Университет.		
17.	**Использование МООК**	
Не используется		
18.	**Утверждение и рассмотрение**	
Дата утверждения:	Протокол №	Академический комитет
Дата рассмотрении на кафедре:	Протокол №	Кафедра: _____ Абишева С.Д.
		Преподаватель _____

Акты внедрения результатов научно-методической деятельности

АКТ №1 от 28.08.2025

внедрения новых дисциплин в образовательные программы Казахского национального педагогического университета имени Абая

В целях совершенствования образовательных программ и обеспечения их соответствия современным научным и культурным приоритетам принято решение о внедрении новых дисциплин в учебные планы магистратуры и докторантуры КазНПУ имени Абая. Внедрение данных дисциплин направлено на расширение научного и культурологического горизонта студентов, формирование у них критического взгляда на репрезентацию образа Казахстана в мировой культуре и литературе, а также на укрепление международного статуса отечественной филологии.

Особое значение внедряемые дисциплины имеют для реализации стратегических задач государственной культурной политики, направленной на формирование позитивного имиджа Казахстана за рубежом, поддержку национальной идентичности и развитие гуманитарного знания. Включение данных курсов в учебные планы способствует интернационализации образовательного процесса, усилению академической мобильности, расширению международных связей университета, а также формированию конкурентоспособных специалистов, способных достойно представлять казахстанскую науку и культуру на мировом уровне.

Постановили:

Внедрить дисциплину «Трансмедиальная репрезентация образа Казахстана в современной мировой культуре» в образовательную программу «Литературоведение» (докторантура). Внедрить дисциплину «Образ Казахстана в современной мировой литературе» в образовательную программу «7М01702 - Русский язык и литература » (магистратура). Ответственным кафедрам разработать силлабусы, методическое сопровождение и включить дисциплины в учебные планы с 2025- 2026 учебного года.

Заведующая кафедрой Абишева С.Д.

Директор

Департамента анализа образовательных программ Ошанова Н.Т.